

ОБЪ УСТАВНОЙ КНИГѢ
РАЗБОЙНАГО ПРИКАЗА.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ
НИКОЛАЯ ШАЛФѢВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1868.

ОБЪ УСТАВНОЙ КНИГѢ
РАЗБОЙНАГО ПРИКАЗА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

НИКОЛАЯ ШАЛФѢВА.

ПЕЧАТАНО ИЗДАНІЕМЪ **ИМПЕРАТОРСКАГО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО**
УНИВЕРСИТЕТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА,
ВЪ ГЛАВНОМЪ АДМИРАЛТЕЙСТВѢ.
1868.

По опредѣленію юридическаго факультета С. Петербурскаго университета,
печатать разрѣшается. 26 іюля 1868 г.

За декана *Чебышевъ-Дмитріевъ.*

ОБЪ УСТАВНОЙ КНИГѢ РАЗБОЙНАГО ПРИКАЗА.

В В Е Д Е Н І Е.

Въ то время, когда распри князей за удѣлы прекратились усиліями московскихъ великихъ князей, когда спало татарское иго, когда, наконецъ, угасала послѣдняя искра свободы земледѣльческаго сословія, — организующая и объединяющая политика московскихъ великихъ князей, превращавшихся мало по малу въ единодержавныхъ Государей всей Руси, создаетъ рядъ центральныхъ учрежденій — приказовъ, изъ коихъ одни должны были имѣть постоянное существованіе, другіе же, будучи вызваны не постоянными потребностями, учреждались на время. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и т. наз. Разбойный приказъ, образовавшійся, какъ показываетъ и самое названіе, для преслѣдованія разбоевъ, которые усилились въ XII ст. вслѣдствіе недостатковъ областного управленія и сильнаго развитія начала рабства и крѣпости. Результатъ его дѣятельности въ цѣлое столѣтіе (отъ половины XVI до половины XVII ст.) — его Уставная книга, — составляетъ предметъ нашего изслѣдованія.

Уставной книги издано три списка: одинъ, неполный, княземъ Оболенскимъ въ 1841 году, подъ заг. «Уголовные Законы Царя и Великаго князя Иоанна IV Васильевича»; второй — въ актахъ Арх. Эксп. т. II, подъ № 225, тоже неполный, и третій, болѣе полный, въ Акт. Историч. т. III, подъ № 167. Всѣ три списка относятся къ XVII ст.

Не смотря на важность изслѣдованія слѣдственнаго процесса для изученія исторіи русскаго права, Уставная книга Разбойнаго Приказа, главный памятникъ, въ которомъ мы находимъ постановленія о немъ до Соборнаго уложенія, до сихъ поръ еще не изслѣдована. Во многихъ сочиненіяхъ по исторіи русскаго права на нее встрѣчаются ссылки, а нѣтъ ни слова о томъ, что это за памятникъ, и какое онъ имѣетъ

значение. Надо замѣтить, что на эти вопросы еще нельзя дать вполне удовлетворительнаго отвѣта, потому что памятники, служащіе главнымъ пособіемъ для изслѣдованія Уст. Кн. Разб. Приг — каковы судебники и губныя грамоты, не вполне разработаны; да и самая дѣятельность нашихъ приказовъ, ихъ составъ и предметы вѣдомства, мало опредѣлены. Вотъ почему найденное нами въ сочиненіи г. Калачова: «объ Судебникѣ Царя Іоанна Васильевича» болѣе полное замѣчаніе объ Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа, высказанной имъ въ формѣ ряда предположеній: «бояре (которымъ приказаны были разбойныя дѣла), составляя коллегіальное правленіе, руководятъ оными при исправленіи своей должности такъ называемымъ Разбойнымъ Уставомъ, котораго начало, по всей вѣроятности, относится ко временамъ Іоанна IV. По крайней мѣрѣ при этомъ Государѣ была уже извѣстна Уставная Книга Разбойнаго Приказа, которая и хранилась въ немъ за подписью дьяковъ Василья Щелкалова и Мясоѣда Вислаго. Въ случаяхъ сомнительныхъ бояре спрашивали разрѣшенія Государя, но, кажется, не прямо, а чрезъ Боярскую Думу. Приговоръ думныхъ бояръ записывался также въ Уставную Книгу, отчего всѣ ея списки, доселѣ извѣстные, вмѣстѣ съ первоначальнымъ текстомъ, содержатъ въ себѣ и позднѣйшія дополненія, которыя частію объясняютъ прежнія статьи, частію измѣняютъ ихъ содержаніе⁽¹⁾. Въ предисловіи къ изданному Княземъ Оболенскимъ списку Уставной Книги говорится, что «Уставъ о разбойныхъ и татинныхъ дѣлахъ былъ внесенъ при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ въ особую уставную книгу, которая была подписана дьякомъ Васильемъ Щелкаловымъ, Мясоѣдомъ Вислымъ и хранилась въ Разбойномъ Приказѣ. При царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Годуновѣ сіи уголовныя законы были частію пополнены, а частію измѣнены боярскими приговорами, дававшимися въ Разбойный Приказъ». Изъ этихъ замѣтокъ объ Уст. Кн., изъ которыхъ первая высказана мимоходомъ, трудно сдѣлать опредѣленное заключеніе. Проверить ихъ и пополнить составляетъ цѣль нашего введенія.

Князь Оболенскій и г. Калачовъ признаютъ, какъ мы видѣли, первоначальный уставъ о разбойныхъ и татинныхъ дѣлахъ, внесенный въ Уставную Книгу при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, который и составляетъ ея первоначальный текстъ; поэтому при изслѣдованіи книги необходимо постараться отдѣлать этотъ первоначальный текстъ отъ прибавокъ и измѣненій, сдѣланныхъ въ послѣдующія царствованія до изданія уложенія царя Алексѣя Михайловича. Надо сознаться, что попытки къ подобному расчлененію постановленій книги врядъ-ли приведутъ къ какимъ нибудь положительнымъ результатамъ. Дѣло въ томъ, что многія постановленія, находившіяся въ кн. Разб. Пр. XVI ст., въ XVII ст. были исключены изъ нея и замѣнены позднѣйшими, какъ мы увидимъ ниже; собрать ихъ изъ изданныхъ матеріаловъ нѣтъ возможности, губныя же грамоты, кромѣ того, что содержатъ въ себѣ многія,

(1) Юрид.-Зак. Рѣдвина, т. II, стр. 378.

чисто мѣстных постановленій, чего въ Книгѣ, какъ общемъ уставѣ, быть не могло и дѣйствительно не было, съ одной стороны не заключали всѣхъ ея узаконеній и съ другой—были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полнѣе ея, такъ что и этимъ путемъ нельзя добиться до точныхъ данныхъ. Правда, всѣ отпечатанныя губныя грамоты представляются написанными какъ бы по одному образцу⁽²⁾, в это обстоятельство наводитъ на мысль, что подкладкою для нихъ служилъ внесенный въ Уставную Книгу первоначальный разбойный уставъ, но дѣло въ томъ, что на основаніи этого мы не можемъ еще сказать, что то и то принадлежитъ къ древнѣйшему тексту, а то къ позднѣйшимъ прибавкамъ, если принять въ соображеніе только что высказанное нами положеніе о содержаніи губныхъ грамотъ.

Кромѣ этого, бесспорно важнѣйшаго вопроса, по отношенію къ Уст. Кн. Разб. Пр., слѣдуетъ обратить вниманіе еще на слѣдующіе:

1) на значеніе ея для Разбойнаго приказа и подвѣдомыхъ ему учреждений;

2) на время и мѣсто ея составленія;

3) на систему и источники, изъ которыхъ она составила, и, наконецъ, —

4) рассмотреть вкратцѣ ея содержаніе и на этомъ основаніи опредѣлить порядокъ изслѣдованія.

§ 1. Обращаясь къ первому вопросу, — о значеніи Уст. Кн. Разб. Пр., мы имѣемъ положительныя свидѣтельства источниковъ, что она не есть частный сборникъ законовъ, относящихся до разбойныхъ и татныхъ дѣлъ, но официальный уставъ, служившій руководствомъ въ Разбойномъ Приказѣ и подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ, составленный въ XVI ст. по повелѣнію Царя Ивана Васильевича, и въ XVII—Михаила Ѳедоровича. Изъ нея Разбойный приказъ дѣлалъ выписки и ссылки въ сношеніяхъ своихъ съ другими приказами, наир. Земскимъ, съ которыми онъ долженъ былъ приходиться въ столкновеніе чаще, чѣмъ съ другими, потому что послѣдній вѣдалъ тѣ же самыя дѣла въ Москвѣ и ея уѣздѣ, какія поручены были Разбойному приказу на пространствѣ всего остальнаго Государства⁽³⁾. Кромѣ того, изданные списки Уставной Книги находились не въ самомъ Разбойномъ Приказѣ, а въ областныхъ подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ; такъ что можно думать, что Уставная Книга выдавалась при губныхъ наказахъ губнымъ старостамъ или высылалась тѣмъ органамъ общественной власти, на которыхъ возложены были обязанности первыхъ; такъ, списокъ книги изданный Кн. Оболенскимъ, списанъ былъ для чарондскихъ губныхъ старостъ въ то время, когда царь Михаилъ Ѳедоровичъ под-

⁽²⁾ См. ст. г. Ерыкова. Сличенный текстъ всѣхъ доселѣ напечатанныхъ губныхъ грамотъ XVI и XVII вѣка въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древ. при Моск. Университ. 1846 г. № 2.

⁽³⁾ А. П. III, № 92, VI.

твердилъ Чарондской округѣ губную грамоту Царя Ѳедора Ивановича, а списокъ, отпечатанный въ III т. Акт. Ист., найденъ въ Казани, куда былъ присланъ изъ Разбойнаго приказа для руководства воеводамъ при производствѣ ими слѣдствія и суда надъ вѣдомыми лихими людьми, и записанъ въ воеводскомъ приказѣ слѣдующимъ образомъ: «Списокъ съ списка съ Уставной Книги слово въ слово, каковъ присланъ къ боярину и воеводамъ къ Ивану Васильевичу Морозову, къ Князю Никитѣ Гагарину, къ діакомъ къ Микифору Талызину и къ Леонтію Полуехтову въ 146 (1638) году февраля въ 7 день ⁽⁴⁾. Пользоваться уставною Книгою при отправленіи слѣдствія и суда было совершенно необходимо уже потому, что губныя грамоты, доставлявшія жителямъ извѣстнаго округа привилегію собственнаго преслѣдованія вѣдомыхъ разбойниковъ и татей, при подтвержденіи ихъ преемниками даровавшаго ихъ Государя переписывались слово въ слово на его имя, а потому въ нихъ входили и всѣ тѣ постановленія, которыя въ то время были уже измѣнены или отмѣнены; съ другой стороны въ нихъ не было новыхъ законовъ, между тѣмъ какъ въ Уставной Книгѣ, рядомъ съ старыми, отжившими постановленіями, находимъ и всѣ позднѣйшія распоряженія по тому или другому предмету.— Такимъ образомъ Уставную Книгу Разбойнаго Приказа должно разсматривать, какъ официальный Уставъ о разбойныхъ и татинныхъ дѣлахъ, служившій до Соборнаго уложенія руководствомъ для тѣхъ органовъ правительства, которымъ эти дѣла были поручены.

§ 2. Что касается до времени, къ которому относится Уставная Книга Разбойнаго Приказа, то прежде всего должно замѣтить, что было бы совершенно невѣрно опредѣлять точный годъ ея составленія; она не возникла вдругъ изъ готоваго уже матеріала, но составлялася постепенно, мало по малу, по мѣрѣ изданія тѣхъ или другихъ постановленій, касающихся предметовъ вѣдомства Разбойнаго приказа или производства слѣдствія и суда. Въ этомъ отношеніи будетъ вѣриѣе разсматривать Уставную Книгу по двумъ періодамъ времени существованія Разбойнаго приказа: отъ его открытія вѣроятно въ 1539 году до междоцарствія, и отъ воцаренія Михаила Ѳедоровича до изданія Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Въ смутное время Разбойный приказъ самъ собою, безъ всякаго законодательнаго распоряженія, упразднился, и хотя Земскою Думою въ 1611 году повелѣно было, вслѣдствіе увеличенія грабежей и разбоевъ, возстановить его, но нѣтъ извѣстій о томъ, чтобы это повелѣніе было исполнено. Во всякомъ случаѣ есть основаніе думать, что до Михаила Ѳедоровича Разбойный приказъ не возстановился. Вслѣдствіе этого обстоятельства, т. е. временнаго закрытія приказа, Уставная Книга имѣла двѣ редакціи: до т. наз. Московскаго разоренія и послѣ, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, на что прямо указывается и въ тѣхъ источникахъ, въ которыхъ находится указаніе на Уставную Книгу, и въ самомъ ея заглавіи (извѣстномъ

(4) А. И. V въ поправк. и дополн. № 167 т. III тѣхъ же Актвъ.

изъ сборника Царскаго): «Списокъ съ Уставной Книги блаженные памяти Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русія, какова была въ Разбойномъ Приказѣ до Московскаго разоренія, за приписью дьяковъ Василя Щелкалова, Мясоѣда Вислова, а послѣ московскаго разоренія сдѣлали тою книгу дѣакъ Третьякъ Корсаковъ да подъячей Микита Поспиковъ».— Въ дополнительномъ указѣ къ судебнику 5 авг. 1624 года сохранилось извѣстіе о времени, съ котораго началось составленіе обѣихъ книгъ; а именно относительно первой, т. е. находившейся въ Разбойномъ приказѣ до Московскаго разоренія, сказано, что она была въ немъ уже въ 1556 году: «въ Разбойномъ приказѣ въ Указной Книгѣ, лѣта 7064 году, написано.... Кажется подъ этимъ 1556 годомъ должно разумѣть тотъ именно годъ, въ который произошло отъ Царя Ивана Васильевича повелѣніе о составленіи Книги, а не время изданія указа о томъ предметѣ, о которомъ въ данномъ случаѣ Замскій Приказъ требовалъ справки у Разбойнаго приказа, потому что при отдѣльныхъ статьяхъ книги необозначался годъ изданія указовъ, изъ которыхъ онѣ заимствованы. Въ томъ же самомъ указѣ 5 авг. 1624 г. есть указаніе и на время составленія второй книги: «да въ Книгѣ жъ указано, какова по Государеву Указу въ прошломъ во 125 году въ Разрядѣ писана».... Къ этому 1617 году можно приблизительно отнести и открытіе самого Разбойнаго приказа, вотъ почему его Уставная Книга была составлена въ Разрядѣ. Извѣстіе о составленіи Уставной Книги для Разбойнаго приказа въ Разрядѣ не означаетъ, чтобы первый находился къ послѣднему, въ подчиненномъ отношеніи, но вѣроятно его бумаги, по закрытіи въ смутное время, были переданы въ Разрядъ, поэтому Михаилъ Федоровичъ и далъ ему повелѣніе вновь составить Уставную Книгу для вновь открывавшагося Разбойнаго приказа. Это составленіе состояло только въ томъ, что были списаны постановленія первой книги и пополнены изъ находившагося въ ней же самой матеріала, при чемъ даже не всѣ отмѣненныя статьи были исключены изъ нея. вмѣстѣ съ этою вновь составленною Уставною Книгою, изъ Разряда въ Разбойный приказъ была передана и первоначальная, изъ которой послѣдній продолжалъ дѣлать выписки въ сношеніяхъ съ другими приказами⁽⁵⁾, но по всей вѣроятности она уже не имѣла болѣе значенія. Изъ того, что въ 1617 году Уставная Книга Разбойнаго Приказа была составлена въ Разрядѣ, можно было заключить, что въ него, какъ въ учрежденіе, вѣдшее главнымъ образомъ дѣла о службѣ, поступали всѣ дѣла по закрытіи какого нибудь изъ центральныхъ учреждений, и что на него же возлагалась обязанность составлять уставы для вновь открывавшихся, но для повѣрки этого предположенія нѣтъ другихъ данныхъ, кромѣ приведеннаго случая. О мѣстѣ составленія первой книги въ источникахъ нѣтъ извѣстій, но, кажется, это былъ

(5) А. II III, № 92, VI.

Разбойный Приказъ, что будетъ видно при разсмотрѣннй системы нешаго памятника.

Гг. Редакторы актовъ относятъ выписку Уст. Кн. Разб. Пр., помѣщенную въ Акт. Арх. Экспедиціи, ко времени послѣ 1605 года, въ которому приблизительно можно приурочить послѣднее, находящееся въ ней постановленіе, а выписку въ Актахъ Историческихъ, на томъ же основаніи, къ 31 августа 1631 года. Кажется вѣрнѣе будетъ послѣднюю книгу, составленную въ Разрядѣ, отмѣтить промежуткомъ времени отъ 1617 г. до Уложенія царя Алексѣя Михайловича, съ изданіемъ котораго, какъ общаго законодательнаго кодекса, отдѣльные спеціальныя уставы должны были прекратиться.

§ 3. Источники Уставной Книги Разбойнаго Приказа суть приговоры боярской Думы по дѣламъ татинымъ и разбойнымъ, на что прямо указываютъ нѣкоторыя ея статьи, напр. 15 и 18, первоначальный же, внесенный въ Книгу при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, Разбойный Уставъ трудно; какъ мы уже сказали, отдѣлнить отъ позднѣйшихъ прибавокъ. Можно думать, что его составляютъ первыя 8 статей, другія же постановленія перемѣшаны съ позднѣйшими прибавленіями и многія, въ послѣдствіи измѣненныя, выброшены; тѣмъ болѣе трудно сказать что нибудь положительное о томъ, какъ составилъ этотъ первоначальный разбойный уставъ. По характеру постановленій Книги можно однакожъ заключить, что происхожденіе ихъ одно и тоже, т. е. что всѣ они суть боярскіе приговоры. Такимъ образомъ Уставная Книга Разбойнаго Приказа есть сборникъ указовъ по дѣламъ татинымъ и разбойнымъ, на что, замѣтимъ мимоходомъ, указываетъ и самое ея названіе—Указная Книга (6), сборникъ, наполнявшійся по мѣрѣ изданія указовъ, поэтому въ немъ нечего искать внутренней системы. Въ Книгѣ могла быть только внѣшняя система, и именно хронологическая, т. е. указы должны были слѣдовать въ ней одинъ за другимъ въ порядкѣ времени ихъ изданія. Въ первой книгѣ, находившейся въ Разбойномъ приказѣ до его закрытія въ междоцарствіе, такъ вѣроятно и было, т. е. въ нее былъ внесенъ сперва первоначальный разбойный уставъ, и за тѣмъ указы Разбойному приказу приписывались къ нему въ хронологическомъ порядкѣ. Въ Книгѣ, составленной въ 1617 году, ясно различаются двѣ части: 72 статьи текста и за ними 8 боярскихъ приговоровъ, изданныхъ отъ 1624 года до 1631 включительно. Изъ этихъ приговоровъ два: 15 января 1628 года и 21 ноября 1629 года, относятся къ суднымъ дѣламъ; но они помѣщены въ Книгу только для тѣхъ городовъ, которые были приписаны къ Разбойному приказу, какъ это въ одномъ изъ нихъ и высказано: «а въ городѣхъ, которые по Государеву указу вѣдаютъ въ Разбойномъ Приказѣ, съ прежняго и съ сего статеинаго списка указалъ Государь послать свои Государевы грамоты, съ росписми, къ

(6) А. И. III, № 92, VI. Въ самой книгѣ она называется то Уставною Книгою, то Уложеніемъ, отдѣльныя же статьи носятъ названіе главъ.

воеводамъ и къ приказнымъ людямъ, чтобъ тотъ Государевъ указъ и въ городѣхъ быть вѣдомъ.» Изъ этого можно заключить, что по общему правилу въ книгу должны были входить только тѣ приговоры боярской думы, которые касались вѣдомства Разбойнаго приказа. Всѣ эти боярскіе приговоры мы находимъ въ книгѣ цѣлкомъ, въ хронологическомъ порядкѣ, въ размѣщеніи же отдѣльных постановленій, эта система не соблюдена, такъ что нѣкоторыя позднѣйшія находятся передъ прежде изданными ⁽⁷⁾. Такое отступленіе отъ хронологической системы можно объяснить себѣ тѣмъ, что при вторичномъ составленіи Книги въ Разрядѣ въ 1617 году нѣкоторыя изъ ея статей, отмѣненные или измѣненные позднѣйшими узаконеніями, были изъ нея выброшены и на ихъ мѣсто поставлены послѣднія, чрезъ что хронологическій порядокъ необходимо долженъ былъ нарушиться; такъ напр. въ прежней книгѣ находилось слѣдующее постановленіе: «которые люди передъ старостами ищуть на разбойникахъ и на татехъ на вѣдомыхъ, а учнутъ о тѣхъ своихъ искѣхъ съ тѣми людьми, на комъ ищуть, старостамъ миръ являти, и старостамъ тѣмъ истцомъ въ тѣхъ искѣхъ мириться не велѣти, а про тѣхъ людей, на комъ ищуть, доводить по суду и по обыску для земскихъ дѣлъ, чтобъ лихихъ вывести» ⁽⁸⁾, вмѣсто котораго въ Уставной Книгѣ XVII ст., въ ст. 41, находимъ слѣдующее: «которые ищцы съ разбойники или съ приводными людьми съ поличнымъ, въ разбойныхъ дѣлѣхъ не дожидаясь Указу, учнутъ мириться, и мировые челобитные въ Приказъ учнутъ приносить, и тотъ ихъ миръ не въ миръ ставить и разбойникомъ указъ чинить по Государеву указу, кто чего доведется; а истцомъ за то нечя чинить, смотря по дѣлу, не мирись съ разбойники».

Не всѣ, однакожъ, отмѣненные или измѣненные постановленія первоначальной Книги были исключены при ея редакціи въ 1617 году; нѣкоторыя изъ нихъ остались, таковы напр. ст. 6 и 8, 17 и 18. Вообще должно замѣтить, что редакція Книги очень неисправна; особенно если принять во вниманіе то обстоятельство, что въ ней мы находимъ и такія прибавленія къ статьямъ, которыя не имѣютъ по своей формѣ значенія законодательныхъ постановленій, а только, повидимому, указываютъ на пробѣлы и недостатки тѣхъ статей, къ которымъ онѣ присоединены, или за которыми непосредственно слѣдуютъ. Такъ къ ст. 14, гдѣ говорится объ укрывательствѣ боярскими дѣтьми, дворянами и приказными людьми принадлежащихъ имъ крестьянъ, оговоренныхъ языками въ разбоѣ и татѣбѣ, прибавлено: «а про самихъ дворянъ и приказныхъ людей и про дѣтей боярскихъ въ Уставной Книгѣ имянно не написано, и отъ иныхъ воровъ ничѣмъ не отведены»; или слѣдующая ст. за ст. 47, въ которой идетъ рѣчь о вознагражденіи владѣльцевъ за ихъ убитыхъ людей: «а дворянскимъ и дѣтѣмъ боярскимъ убитымъ

(7) См. напр. ст. 43 и 45.

(8) А. И. III, № 92, VI.

головамъ Указу не было». Можно бы думать, что въ нихъ содержится указаніе какимъ образомъ должна въ данныхъ случаяхъ поступать практика; именно, что относительно дворянъ, дѣтей боярскихъ и приказныхъ людей сохраняютъ свою силу общія постановленія. Но такое заключеніе, если принять во вниманіе другія статьи памятника, будетъ, кажется не совсѣмъ справедливо. Съ 64 ст. до 72 включит. идетъ непрерывный рядъ статей, содержащихъ въ себѣ одинъ только вопросъ. Эти статьи отчасти имѣютъ тотъ же характеръ, какъ и вышеприведенная прибавка къ ст. 14 и статья 48, отчасти представляются возникшими изъ частныхъ случаевъ, на что указываетъ ихъ часто спеціальнѣй характеръ, какъ напр. ст. 66. При этомъ тѣ статьи Книги, которыя оказывались неполными или неточными и поэтому требовали дополненія, снова выписывались; такъ, ст. 63 есть букввальное повтореніе ст. 19: «въ прежнемъ Уложеніи написано: на которыхъ людей языки говорятъ съ первыи и съ другіи пытки, а съ третьей пытки и къ казни идучи учнутъ сговаривати, и тому ихъ сговору вѣрить не велѣно», и слѣдующая 64 ст. служитъ указаніемъ на то, что въ ней должно быть пополено: «а на которыхъ людей языки говорятъ въ респросѣ и съ первыи пытки, а съ другіи и съ третіи учнутъ сговаривати и тому изговору вѣрить или невѣрить, того въ Уложеніи не написано»; или ст. 7 повторена въ 70: «Въ прежнемъ Уложеніи написано: будетъ въ той половинѣ болши обыскныхъ людей, которые назовутъ ково лихимъ челоувѣкомъ, челоувѣкъ 15 или 20, и той половины и вѣрить и тово челоувѣка пытати накрѣпко»; 71 ст. ставитъ обратное положеніе: «а будетъ обыскныхъ людей болши въ той половинѣ, которые одобрятъ, и про то не написано что учинить.» Эти вопросы, поставленные въ Книгѣ, какъ ея отдѣльныя статьи, и вышеприведенныя прибавки къ другимъ статьямъ, не имѣя положительнаго значенія, очень хорошо указываютъ на составителей Книги—дьяковъ Разбойнаго приказа,—и на степень ихъ участія въ развитіи законодательства по дѣламъ лихимъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ статьи Книги образовались тѣмъ же путемъ, какимъ шло все законодательство того времени, т. е. путемъ частнымъ, отъ конкретныхъ случаевъ, вызывавшихъ то или другое постановленіе, поэтому законодательныя опредѣленія были неполны, такъ какъ они были рассчитаны на данный именно случай и предвидѣли только давныя обстоятельства; всѣ же случаи, которые тою или другою стороною не подходили подъ извѣстныя опредѣленія законодательства, или которыхъ по какимъ илбудь другимъ причинамъ рѣшить было не мочно, шли на докладъ къ Государю или непосредственно, или чрезъ то центральное мѣсто, въ вѣдомствѣ котораго состояло то или другое областное учрежденіе. Въ обоихъ случаяхъ до доклада Государю дѣло разсматривалось въ боярской Думѣ, изъ которой, послѣ доклада Государю, исходилъ рѣшавшій его указъ, вносившійся въ Разбойномъ приказѣ въ Уставную Книгу. Даже и въ томъ случаѣ, когда сомнѣніе въ рѣшеніи дѣла со стороны того или другаго областного начальника было неосновательно, потому что данный случай совершенно подходилъ подъ существующій законъ,

оно все-таки разсматривалось въ боярской Думѣ и издавалось новое постановленіе, что видно и изъ Уставной Книги; такъ напр. 23 марта 1629 года костромской воевода Андрей Голубовскій испрашивалъ разрѣшенія, какимъ образомъ поступать съ лицами, оговоренными разбойникомъ Васьюкою Щербакомъ, который уже нѣсколько лѣтъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и въ первый годъ своего заключенія ничего не говорилъ на нихъ. Въ ст. 43 Уставной Книги такіе случаи разрѣшены совершенно ясно ⁽⁹⁾, но все-таки послѣдовало новое рѣшеніе. Такимъ образомъ, если бы всѣ эти вопросы, которые находимъ въ Книгѣ, были не болѣе, какъ обобщенія встрѣтившихся на практикѣ случаевъ, какъ они обыкновенно или на докладъ, если поступали въ боярскую Думу не прямо, а чрезъ какой нибудь приказъ, то мы несомнѣнно нашли бы въ ней и рѣшенія всѣхъ ихъ, а этого нѣтъ; притомъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ прямо указано, изъ какого именно постановленія они вытекаютъ, поэтому должно заключить, что ихъ источники—нечастные случаи, а неполнота и неточность самихъ постановленій Книги, и на этомъ основаніи признать, что многія изъ нихъ образовались такимъ образомъ: дьяки, которымъ поручена была въ Разбойномъ приказѣ письменная часть и вѣроятно составленіе Уставной Книги, записывая въ нее тотъ или другой боярскій приговоръ, легко могли замѣтить его неполноту или неточность, которую и отмѣчали тутъ же, въ самой статьѣ, или ставили отдѣльную статью; бояринъ, которому приказаны были разбойныя дѣла, вносилъ объ этомъ въ Думу, и такимъ образомъ являлся новый законъ, который также записывался въ Книгу, напр. ст. 15. Правда, не всѣ такія отмѣтки дьяковъ вызывали новыя постановленія, что происходило можетъ быть отъ случайныхъ причинъ, но это-то обстоятельство и даетъ намъ поводъ заключать, что дьяки играли въ составленіи Книги не одну пассивную роль—перечисчиковъ въ нес царскихъ указовъ, а имѣли значеніе болѣе важное: они вызывали законодательную дѣятельность посредствомъ указанія на то, чего недостаетъ для полноты и точности тѣхъ или другихъ постановленій, указывали на такіе случаи, которые могли встрѣтиться на практикѣ и произвести затрудненіе.

§ 4. По содержанію Уставная Книга Разбойнаго Приказа распадается на двѣ части; въ ней мы находимъ статьи, содержащія общія опредѣленія предметовъ вѣдомства губныхъ учреждений, и затѣмъ статьи, относящіяся до судопроизводства и судоустройства; впрочемъ въ подробностяхъ судоустройство опредѣляется не уставною книгою, а губными грамотами и наказами; въ ней же находимъ только самыя общія постановленія. На основаніи этой двойствен-

⁽⁹⁾ А при Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Борисѣ Федоровичѣ всеа Русіи давъ въ Разбойной Приказъ боярской приговоръ: которые тати или разбойники сидятъ въ тюрьмѣ годы два или три, и на которыхъ людей, съ пытокъ, въ первомъ году не говорили, а въ другомъ или въ третьемъ году учнутъ говорить, и тому не вѣрити.

ности содержания книги и наше изслѣдованіе распадается на двѣ главы: 1) о лихомъ дѣлѣ до Уложенія царя Алексѣя Михайловича, при чемъ мы стараемся опредѣлить, какія именно дѣйствія считались лихими въ этотъ періодъ времени, чтобы яснѣе обозначить ту часть ихъ, преслѣдованіе которой возложено было на Разбойный Приказъ. Очевидно, что въ этомъ случаѣ намъ нельзя будетъ ограничиться только одною Уставною Книгою и губными грамотами, а придется обратиться и къ другимъ источникамъ, изъ которыхъ важнѣйшіе суть Судебники, уставныя и судныя грамоты. — 2) Во второй главѣ займемся разсмотрѣніемъ судоустройства и судопроизводства для дѣлъ лихихъ, при чемъ также будемъ обращаться, кромѣ губныхъ грамотъ, къ Судебникамъ и другимъ памятникамъ. Такъ какъ почти всѣ постановленія Уставной Книги Разбойнаго Приказа перешли въ XXI в. Уложенія царя Алексѣя Михайловича, которая на этомъ основаніи представляется какъ бы послѣднею редакціею Книги, то въ 3-й главѣ мы сдѣлаемъ краткій очеркъ измѣненій, произведенныхъ Уложеніемъ въ предметахъ вѣдомства Разбойнаго приказа и въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ по лихимъ дѣламъ.

Но прежде, чѣмъ приступимъ къ первой главѣ, мы должны сдѣлать слѣдующую оговорку: въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ ссылаться только на ту выписку Уставной Книги, которая помѣщена въ III Т. Ак. Ист., какъ мы дѣлали и до сихъ поръ, такъ какъ въ выпискѣ, издан. Кн. Оболенскимъ, недостаетъ тѣхъ восьми боярскихъ приговоровъ, которые находимъ въ первой, а въ выпискѣ въ Ак. Арх. Эксп., кромѣ того, что нѣтъ упомянутыхъ приговоровъ и ст. отъ 68 до 72 вкл., замѣчается пропускъ на стр. 391 отъ словъ: «а давати въ ихъ искн оцѣня розбой». до: «старосты у дѣла быти по выборомъ сошныхъ людей» что соотвѣтствуетъ окончанію 44 статьи и ст. отъ 45 до 56 вкл. выписки Ак. Ист. Далѣе, изъ всѣхъ трехъ выписокъ только послѣдняя, т. е. находящаяся въ Ак. Ист., разбита на 72 ст., что представляетъ большое удобство для ссылокъ на нее при изслѣдованіи. Этому обстоятельству, т. е. разбивкѣ Книги на статьи, мы не придаемъ большаго значенія, такъ какъ изъ него нельзя сдѣлать заключенія о системѣ Книги, потому что не всѣ ея списки представляются въ такомъ видѣ, и нельзя дать себѣ отчета, почему такое-то постановленіе составляетъ отдѣльную статью, а не соединено въ одну съ предыдущими или послѣдующими, и наоборотъ; поэтому должно заключить, что постановленія Книги перенумеровывались по усмотрѣнію дьяковъ, только для удобства при ея употребленія, и при томъ не въ самомъ Разбойномъ приказѣ, а въ какомъ нибудь изъ подвѣдомственныхъ ему учреждений, потому что въ противномъ случаѣ мы имѣли бы всѣ ея выписки разбитыми на статьи. Наконецъ мы не вправѣ были бы ограничиться въ нашемъ изслѣдованіи только одною выпискою Ак. Ист., если бы ея постановленія чѣмъ нибудь разнились по содержанію отъ постановленій двухъ другихъ, или даже если бы не былъ соблюденъ въ нихъ одинъ и

тотъ же порядокъ размѣщенія статей; но и то и другое во всѣхъ трехъ совершенно одинаково.

ГЛАВА I.

О лихомъ дѣлѣ и наказаніи за него до Уложения царя Алексѣя Михайловича.

При изложеніи понятія и объема лихаго дѣла въ періодъ до Уложения царя Алексѣя Михайловича, прежде всего замѣтимъ, что съ точки зрѣнія теоріи весьма важно было бы сказать о томъ, что разумѣлось въ этомъ періодѣ времени подъ преступленіемъ, лихимъ дѣломъ, и на основаніи этого провести границу между понятіемъ преступленія и гражданскаго правонарушенія. Но съ бытовой точки зрѣнія не для чего трудиться надъ этимъ вопросомъ, хорошо разработаннымъ во многихъ изслѣдованіяхъ, напр. въ сочиненіи профессора Чебышева-Дмитріева: «О преступномъ дѣйствіи по русскому до - петровскому праву», потому что въ дѣйствительной жизни преступленія и гражданскія правонарушенія не различались не только при полномъ господствѣ въ обществѣ частнаго права, но даже и въ позднѣйшее время, при значительномъ развитіи государства. Въ самомъ дѣлѣ, только продолжавшимся въ обществѣ стариннымъ воззрѣніемъ на преступления, какъ на обиды, и можно объяснить себѣ напр. такія явленія, какъ заключеніе мировыхъ съ преступниками во время самаго процесса не только въ древнѣйшее время, но даже и въ XVII ст., когда государственныя начала представляются уже значительно развитыми; или недоставленіе преступниковъ въ руки Правительства вслѣдствіе заключенія съ ними частныхъ сдѣлокъ. Этому не противорѣчатъ, по нашему мнѣнію, то обстоятельство, что уже въ XIV ст. нѣкоторыя дѣянія обратили на себя особое вниманіе общественной власти и выдвинулись изъ общей суммы правонарушеній въ томъ отношеніи, что стали вѣдаться судомъ самого князя, каковы разбой безъ всякой свады, конокрадство и поджигательство⁽¹⁰⁾,—потому что все-таки на волю общества предоставлено было выдать или не выдать преступника на судъ общественной власти. Съ возвышеніемъ княжеской власти и шедшаго на ряду съ нимъ упадка автократіи и автономіи общинъ, разбой, татьба вообще и въ особенности съ поличнымъ, и смертоубійство большею частію стали подсудны однимъ высшимъ област-

(10) Текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій изд. Калачовъ. Москва 1847. Сп. Троицкій ст. 5, 30, 70. Сводъ мнѣній о томъ, что должно разумѣть подъ разбоемъ безъ всякой свады, См. у Чеб. Дмитр. О преступ. дѣйств. по руск. до-петр. праву стр. 71—73. Въ учен. Зап. Казанск. Униввер. 1862 г. выпускъ I.

нымъ наталяникамъ—намѣстникамъ, представителямъ князя въ управляемой ими области. Но намѣстничье управленіе оказалось для управляемыхъ весьма тягостнымъ, такъ какъ заботы ихъ почти исключительно устремлены были на извлеченіе возможно большаго количества своихъ кормовъ, попеченія же о благосостояніи и внутренней безопасности управляемыхъ ими областей уходили на задній планъ ⁽¹¹⁾, то естественнымъ слѣдствіемъ такого порядка дѣлъ явилось желаніе жителей освободиться отъ нихъ, для чего средствомъ послужило пспрашиваніе у князей жалованныхъ грамотъ. Изъ нихъ очень хорошо видно, что и сами князья уже сознавали несостоятельность господства въ управленіи частныхъ началъ на ряду съ возникавшими государственными, но не могли еще дать ему новой организаціи, соотвѣтствующей новымъ потребностямъ.

Жалованными грамотами не только цѣлыя общины, но даже и отдѣльныя лица были освобождены отъ суда областныхъ правителей по всѣмъ вообще дѣламъ, за исключеніемъ обыкновенно разбоя, татьбы и душегубства. Изъятіе этихъ трехъ преступленій изъ подсудности намѣстниковъ было уже особой привилегіей, которую князья чаще всего давали духовенству, при чемъ душегубство было выдѣляемо изъ области намѣстничьяго суда гораздо рѣже двухъ другихъ упомянутыхъ преступленій ⁽¹²⁾.

Уставныя грамоты, стремившіяся оградить жителей отъ произвола областныхъ начальниковъ путемъ точнаго опредѣленія количества ихъ кормовъ и поборовъ и установленія правилъ, которыми, они должны были руководствоваться на своемъ судѣ, въ большинствѣ случаевъ изъемяютъ дѣла о душегубствѣ, разбоѣ и татьбѣ изъ подсудности низшихъ областныхъ правителей въ пользу намѣстниковъ ⁽¹³⁾. Однако за общее правило предоставленія исключительно намѣстничьему суду упомянутыхъ трехъ преступленій считаться нельзя, какъ дѣлаютъ напр. гг. Чичеринъ и Дмитріевъ; во многихъ памятникахъ этого періода мы находимъ противное. Такъ, жалованною грамотою великаго князя Василія Васильевича Ивану Путелипу 1450 г. татьба съ поличнымъ, разбой и душегубство предоставлены суду волостелей и ихъ тиуновъ ⁽¹⁴⁾. На основаніи Уставной Грамоты Дмитровскаго князя Юрія Ивановича Каменскаго стана бобровникамъ 1509 г. вѣдомые тати и убійцы судятся ловчимъ ⁽¹⁵⁾. Судъ по этимъ преступленіямъ исключался изъ вѣдомства намѣстниковъ не только въ пользу низшихъ правителей, но и въ пользу духовенства; такъ, по жалованной грамотѣ Отрочу монастырю, данной ему

⁽¹¹⁾ И. Андреевскаго: О намѣстникахъ, воеводахъ и губерлаторахъ. С. Петербургъ. 1864. Гл. I.

⁽¹²⁾ А. И., I. №№ 2, 13, 14, 36, 49, 58, 106; А. Э. I, №№ 7, 9, 15, 34, 35, и др. Доп. къ А. И. I, №№ 2, 17, 44, II, № 7.

⁽¹³⁾ А. А. Э. I, №№ 123, 143, 144, 181, 240, 324; А. И. I. 137, и др.

⁽¹⁴⁾ А. Э. I, № 46; см. еще т. же №№ 4, 41.

⁽¹⁵⁾ А. Э. I, № 150.

въ половинѣ XIV ст. тверскими князьями, судъ надъ татями, разбойниками и душегубцами предоставленъ монастырскому тиуну; или пожалованной же грамотѣ Срѣтенскому монастырю въ XV ст. татьба съ поличнымъ, разбой и душегубство судятся игуменней⁽¹⁶⁾.— Не смотря на приведенные примѣры изъятія дѣлъ о душегубствѣ, разбоѣ и татьбѣ изъ подсудности намѣстникамъ, все-таки замѣтно стремленіе правительства предоставить эти дѣла въ ихъ исключительное вѣдомство. Поводъ къ этому г. Чичеринъ видитъ въ томъ, что преслѣдованіе этихъ преступленій было дѣломъ доходнымъ, составлявшимъ одну изъ самыхъ выгодныхъ статей кормленія⁽¹⁷⁾. Невѣрность такого взгляда замѣчена г. Калачовымъ въ его рецензіи на приведенное сочиненіе г. Чичерина⁽¹⁸⁾, и г. Чебышевымъ-Дмитріевымъ, въ изслѣдованіи о преступномъ дѣйствіи по Русскому до-петровскому праву⁽¹⁹⁾. Г. Калачовъ говоритъ, что судъ не былъ только доходною статьею, но имѣлъ значеніе и общественной должности, и что князья отпичали разбой, татьбу съ поличнымъ и смертоубійство, какъ дѣла особенной важности, а не какъ особенно доходныя. Г. Чебышевъ-Дмитріевъ, въ возраженіе на мнѣніе г. Чичерина, ставитъ два вопроса: «если, говоритъ онъ, преступленія въ глазахъ того времени были тождественны со всѣми другими правонарушеніями, то почему же душегубства, разбой и татьба сдѣлались особенно доходной статьею, а не гражданскія правонарушенія? или, если въ судѣ видѣли только кормленіе, доходъ, почему всѣ правонарушенія не сдѣлались доходнымъ дѣломъ?» Вслѣдствіе того, что въ судѣ въ древности рѣзко обозначалась только его финансовая сторона, только съ этой точки зрѣнія на него смотрѣли намѣстники, значеніе же его, какъ общественной должности, проявляется въ источникахъ весьма слабо, вслѣдъ за г. Чичеринимъ и г. Дмитріевъ проводитъ тотъ же самый взглядъ. Онъ говоритъ, что «хотя издревле дѣла уголовныя и исключались изъ вѣдомства низшихъ начальниковъ въ пользу однихъ намѣстниковъ, но причиною этого явленія было не желаніе сосредоточить ихъ въ однихъ рукахъ, вслѣдствіе особенной ихъ важности, а финансовый взглядъ на судъ и расправу: душегубецъ отдавался въ казнь и продажу, между тѣмъ какъ съ гражданскихъ дѣлъ платились только пошлины⁽²⁰⁾.» Но исключительно финансовый взглядъ на судъ и расправу имѣли только одни намѣстники; нельзя сказать того же самаго про князей, ясно сознававшихъ несостоятельность подобнаго воззрѣнія, чему доказательствомъ служитъ длинный рядъ жалованныхъ и уставныхъ грамотъ, ограничившихъ къ половинѣ XVI ст. намѣстниковъ до того, что въ ихъ рукахъ почти ничего не оставалось. Далѣе, за татьбу, разбой и смертоубійство въ памятникмахъ

(16) Ibid. №№ 5, 35.

(17) Б. Чичеринъ: Областныя учрежденія Россіи въ XVI и XVII в., стр. 20.

(18) Арх. Историт. свѣд. относ. до Россіи 1859.

(19) Учен. Зап. Казан. Univ. 1862 г. вын. I стр. 123.

(20) Ист. Суд. Инст. стр. 50.

положено высшее наказаніе, чѣмъ за всѣ другія правонарушенія, изъ чего уже видна ихъ важность, а потому о большей или меньшей доходности ихъ не можетъ быть и рѣчи. Наконецъ опасность татбы, разбоя и душегубства для общественнаго спокойствія является изъ того, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже въ XIV ст. судъ по нимъ принадлежитъ самому князю. Въ XVI вѣкѣ, съ значительнымъ развитіемъ единой державы, намѣстниче управленіе, въ основѣ котораго лежали начала, противныя такому развитію, было уничтожено. Профессоръ Андреевскій говоритъ, что «само правительство признавало несостоятельность своихъ мѣстныхъ управителей, что намѣстническая должность отжила свое время, что существуетъ только по имени, и что потому должна быть уничтожена и замѣнена чѣмъ нибудь другимъ» —⁽²¹⁾. Съ постепеннымъ упадкомъ значенія общества вырабатывается мало-по-малу понятіе о лихихъ людяхъ, извѣстій о которыхъ до XIV ст. въ источникахъ не встрѣчается, потому что въ постановленіяхъ о нихъ въ то время не было надобности; но когда потребовалось отдѣлять область суда намѣстниковъ, во время упадка этой должности, отъ круга дѣлъ, изъятыхъ изъ ихъ подсудности, то въ уставныхъ грамотахъ и другихъ памятникахъ мы находимъ нѣкоторые постановленія по тому или другому поводу и относительно лихихъ людей. Между ними различаются просто лихіе люди и вѣдомые; спрашивается, въ чемъ состоитъ это различіе, и что вообще должно разумѣть подъ лихимъ человѣкомъ? Установить различіе между простыми лихими людьми и вѣдомыми весьма важно въ томъ отношеніи, что тогда объяснится и самое основаніе установленія особой формы суда для постѣднихъ; но должно сказать, что это дѣло нелегкое. Въ большинствѣ изслѣдованій по исторіи русскаго права различіе между этими двумя видами лихихъ людей полагается въ народной молвѣ. Обыкновенно принимаютъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшалъ вопросъ голосъ общества, указывавшій на то или другое лицо, какъ на вѣдомаго человѣка, или одобрявшій его. По этому вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ признавался всякій, кто занимался извѣстными преступленіями, какъ промысломъ, потому что для того, чтобы народная молва направлена была противъ него, необходима была многократность дѣйствія, иначе трудно было бы получить всеобщую извѣстность. Общины должны были выдавать намѣстникамъ и другимъ областнымъ начальникамъ вѣдомыхъ лихихъ людей, и въ обыскѣ, даже безъ довода, лежалъ центръ тяжести всего судебного дѣла. Но съ XVI столѣтія цовальный обыскъ мало-по-малу утрачивалъ свое прежнее значеніе; онъ уже не пользовался прежнимъ безусловнымъ довѣріемъ правительства. Значеніе его, какъ самаго важнаго доказательства въ дѣлахъ о вѣдомыхъ лихихъ людяхъ, было подорвано: съ нимъ были сравнены и другія доказательства, именно поличное и даже язычная молва; такъ, въ Уст. Кн. Разб. Пр. по этому предмету мы находимъ слѣдующую ст.: на

⁽²¹⁾ И. Андреевскаго: О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ. С. Петербургъ 1864, ст. 33.

которыхъ людей псы бьютъ челоуъ въ татбахъ и разбояхъ именно *безъ полицноу, и безъ язычной молки и не по лихованнымъ обыскоу, и тѣхъ челобитчиковъ отсылати въ Судной Приказъ, гдѣ кто судимъ»* (22). Изъ нея видно, что не одинъ повальный обыскъ, но и другія улики, каковы полицное и язычная молка, т. е. обвиненіе кого либо въ лихомъ дѣлѣ, учиненное преступникомъ съ пытки, служили для опредѣленія качества подсудимаго; поэтому должно принять, что вѣдомымъ лихимъ челоукомъ почитался всякій, противъ кого были представлены установленныя закономъ для производства дѣла розыскомъ улики въ его виновности. Слѣдовательно съ XVI ст. слово «вѣдомый» имѣетъ болѣе обширный смыслъ и служитъ для опредѣленія формы суда для подсудимаго на основаніи силы представленныхъ противъ него обвиненій.

Понятіе о лихихъ людяхъ выростало мало-по-малу. Первоначально въ его объемъ входили только тѣ лица, дѣйствія которыхъ наносили вредъ непосредственно обществу, потому что это понятіе выработывалось снизу, а не шло отъ правительста. И въ этомъ отношеніи замѣчается извѣстная постепенность; первоначально между лихими людьми мы встрѣчаемъ напр. только татей съ полицнымъ и душегубцевъ; потомъ къ нимъ прибавляются и другіе, такъ что, если бы изучить этотъ постепенный ростъ (къ чему еще нѣтъ полной возможности), то можно было бы представить себѣ довольно полную картину развитія преступленій въ древнемъ рускомъ обществѣ. Съ XV ст. развивающееся государство въ объемъ понятія лихаго дѣла внесло государственныя преступленія въ собственномъ смыслѣ, такъ что въ образованіи понятія лихаго дѣла являются уже два дѣтеля—общество и государство, и поэтому лихое дѣло можно разсматривать въ двухъ отдѣлахъ: общественное лихое дѣло и государственное. Въ первомъ отдѣлѣ представляются двѣ важнѣйшія группы: разбойное дѣло и дѣло татное; но распредѣлять по группамъ всѣ преступленія перваго отдѣла довольно трудно, потому что во многихъ случаяхъ нельзя опредѣлить съ точностью, что именно должно понимать подъ тѣмъ или другимъ преступленіемъ. Преступленія втораго отдѣла сводятся къ общему понятію государственной измѣны.

I. § 1. Извѣстія о разбояхъ на Руси восходятъ въ намятникахъ къ самымъ древнимъ временамъ. Уже въ Русской Правдѣ для разбойника безъ всякой свады установленъ потокъ и разграбленіе (23); но до XV ст. разбой являются отдѣльными преступленіями; съ этого же времени, когда намѣстничій произволь дошелъ до край-

(22) А. И. III, № 167 ст. 18.

(23) Профессоръ Чебышевъ-Дмитріевъ думаетъ, что и въ русской Правдѣ XIII ст. подъ разбоемъ безъ всякой свады разумѣлось то же самое, что и въ настоящее время понимаетъ подъ разбоемъ наше законодательство (о прест. дѣств. по русск. до-петр. праву стр. 71—73). Въ позднѣйшее время, съ XV ст., подъ разбоемъ разумѣлись открытыя нападенія съ цѣлью грабежа, производимыя шайкою злодѣевъ.

нихъ предѣловъ, когда общины, подъ вліяніемъ развивающагося государства, стали измѣнять свой первоначальный характеръ, когда классъ земледѣльцевъ сталъ фактически закрѣпощаться за землевладѣльцами, разбой сдѣлался явленіемъ политическимъ: въ разбойничьи шайки укрывался всякій, кто не хотѣлъ потерять своей свободы. Мы видимъ, что съ XV ст. разбой все болѣе и болѣе увеличивается, потому что въ обществѣ все болѣе и болѣе утверждается начало рабства, и въ XVI ст. доходитъ до такихъ страшныхъ размѣровъ, что даже жители городовъ не были безопасны отъ грабежей и убійствъ, совершаемыхъ открыто. Они должны были предпринимать противъ разбойниковъ различныя мѣры, не давшия впрочемъ хорошихъ результатовъ: разбой не уменьшался; такъ напр. при Васи́лѣ Ивановичѣ были поставлены въ Новгородѣ по улицамъ рѣшетки и учреждены рѣшеточные сторожа, замѣненные при царѣ Иванѣ Васильевичѣ рѣшеточными прикащиками, которые обязаны были заботиться о прекращеніи грабежей и убійствъ ⁽²⁴⁾. Разбойники стали составлять шайки, нерѣдко весьма значительныя, которыя имѣли опредѣленную организацію; разбойники раздѣлялись иногда на партіи, имѣли участниковъ и притоны въ самыхъ селеніяхъ, которыя разбивали и грабили, и доставшуюся добычу распредѣляли между собою повитно. Обыкновенно во главѣ разбойничьей шайки стоялъ начальникъ, носившій названіе атамана и избиравшійся въ эту должность товарищами. Въ помощь атаманамъ придавался иногда податаманъ ⁽²⁵⁾. Смутное время помогло развитію разбоевъ; по свидѣтельству Уложенія царя Алексѣя Михайловича ⁽²⁶⁾, они значительно противъ прежняго усилились и во второй половинѣ XVII ст. даже въ самой Москвѣ свирѣпствовали шайки разбойниковъ: «ѣздить по улицамъ воры всякихъ чиновъ люди и боярскіе холопи въ саняхъ и пѣши ходятъ многолюдствомъ, съ ружьемъ и бердыши, и съ рогатины, и съ топорами и съ большими ножами, и воруютъ, людей бьютъ и грабятъ, и до смерти побиваютъ и всякое воровство отъ тѣхъ воровъ чинится ⁽²⁷⁾. При крѣпости общиннаго устройства, разбой, являясь отдѣльными, частными преступленіями, не былъ очень опасенъ; съ упадкомъ же перваго параллельно пло развитіе послѣднихъ, такъ что народъ просилъ наконецъ у царя Ивана Васильевича привилегіи собственнаго суда надъ вѣдомыми разбойниками и только съ конца XIV ст. въ законодательныхъ памятникѣхъ между вѣдомыми лихими людьми встречаемъ разбойниковъ.

Въ первый разъ вѣдомые разбойники упоминаются, кажется, только въ Судебникѣ Ивана III: « а доведутъ на кого татбу, или

⁽²⁴⁾ С. Соловьева Исторія Россіи съ древн. временъ. М. 1857. Т. VII, стр. 44.

⁽²⁵⁾ Калачова: Артели въ древней и нынѣшней Россіи, стр. 16 и 17.

⁽²⁶⁾ Улож. XXI, 15.

⁽²⁷⁾ А. Э. III, 44, 50, 64; IV, 159. П. С. В. № 428.

разбой, или душегубство, или ябедничество, — или иное какое лихое дѣло, и будетъ вѣдомой лихою....⁽²⁸⁾. Можетъ быть прежде такое же значеніе, т. е. значеніе вѣдомыхъ, имѣли такъ называемые разбойники съ доводомъ⁽²⁹⁾, въ отличіе отъ простыхъ, противъ которыхъ доводовъ не было представлено. Съ Ивана IV для вѣдомыхъ разбойниковъ опредѣлилась подсудность выборнымъ отъ общины и установилась мало по малу стѣдственная форма суда надъ ними — доказательство сплснаго развитія разбоя въ это время, такъ какъ всѣ другіе вѣдомые лихые люди судились еще областными правителями. Въ Судебникѣ 1550 г. разбой уже ясно выдѣляется изъ общей суммы лихихъ дѣлъ: «а на кого доведутъ татбу, или душегубство, или иное какое дѣло, oprичъ разбоя, въ которомъ городъ или въ волости, а будетъ вѣдомой лихою человекъ: и намѣстнику или волостелю велѣти того казнити смертною казнію.... А приведутъ кого въ разбоѣ, или на кого въ судѣ доведутъ, что опъ вѣдомой разбойникъ: и намѣстникомъ тѣхъ отдавати губнымъ старостамъ. А старостамъ губнымъ, oprичъ вѣдомыхъ разбойниковъ у намѣстниковъ невеступатися ни во что⁽³⁰⁾. Въ первыхъ губныхъ грамотахъ, Каргопольской и Бѣлозерской⁽³¹⁾, только одно т. наз. разбойное дѣло выдѣлено въ губное вѣдомство изъ круга намѣстничьяго суда, потому что общины просили привилегіи собственнаго преслѣдованія только разбойниковъ. Вскорѣ къ нимъ перешелъ судъ и надъ некоторыми другими вѣдомыми лихими людьми, такъ что уже въ Уст. Кн. Разб. Пр. разбойники вездѣ упоминаются вмѣстѣ съ послѣдними⁽³²⁾.

Дѣятельность правительства по отношенію къ преслѣдованію разбойниковъ не могла бы имѣть никакого успѣха, если бы оно не обратило вниманія и на всѣхъ тѣхъ, которые такъ или иначе помогали имъ и такимъ образомъ поддерживали разбой; поэтому рядомъ съ разбойниками преслѣдовались и ихъ пособники, т. е.: 1) содержащіе разбойничьи станы и пріѣзды, 2) покупающіе и принимающіе въ поклажу завѣдомо добытыя разбоемъ вещи, и 3) подводчики и покровощики⁽³³⁾. Всѣ эти преступныя дѣянія, вмѣстѣ съ главнымъ — разбоемъ, навѣстны были подъ общимъ именемъ разбойнаго дѣла.

Съ разбоемъ въ губномъ вѣдомствѣ долгое время слиты были, въ древнѣйшее время отдѣлявшіяся отъ него, два совершенно самостоятельныя преступленія: смертоубійство (душегубство) и поджигательство, служившія только обстоятельствами, увеличивавшими вину и мѣру наказанія разбойника. Что касается до перваго изъ этихъ

⁽²⁸⁾ Суд. Кн. III, ст. «о татбѣ» и «о татѣхъ указъ».

⁽²⁹⁾ А. Э. I, 123.

⁽³⁰⁾ Ст. 60.

⁽³¹⁾ А. Э. I, 187. А. Н. I, 81.

⁽³²⁾ Ст. 1, 17, 18, 24 и др.

⁽³³⁾ Ibid. ст. 30—33.

преступлений, то известно, что въ первоначальномъ обществѣ обязанность преслѣдованія убійцы лежала на родственникахъ убитаго, которые воздвигали противъ него кровавую месть. Этотъ способъ преслѣдованія убійцы съ развитіемъ общественной жизни долженъ былъ уничтожиться. Случаи примѣненія мести мало-по-малу были ограничены князьями, которые замѣнили ее наконецъ денежными выкупами въ пользу родственниковъ убитаго; въ пользу же общественной власти съ каждаго убійства установлено было брать продижи и виры. Мы видѣли, что жалованная грамоты предоставляютъ смертоубійство суду почти однихъ правительственныхъ органовъ, рѣдко выдѣляя его въ частныя руки, слѣдовательно правительство полагало особую опасность этихъ преступлений для общественнаго спокойствія и безопасности; однако изъ источниковъ XIV и XV ст., въ которыхъ уже совершенно ясно выражено понятіе о лихоу дѣлѣ, смертоубійство преслѣдуется почти также, какъ и въ XIII ст., во времена Русской Правды. Въ Псковской Судной Грамотѣ, которая впрочемъ, какъ замѣтили уже г.г. Энгельманъ и Чебышевъ-Дмитріевъ, по характеру своихъ постановленій стоитъ весьма близко къ Русской Правдѣ XIII ст. и разсматриваетъ большую часть преступлений, какъ нарушеніе болѣе частнаго права, нежели государственнаго, смертоубійство наказывается денежною пеней князю: «а гдѣ учинится головщина, а доличать коего головника; ино князю на головничкохъ взять рубль пролажи»⁽³⁴⁾. О частномъ вознагражденіи нѣтъ ни слова; но оно безъ сомнѣнія существовало и о немъ не говорится только потому, что оно было предоставлено на волю заинтересованныхъ лицъ. Убійство родственниковъ въ Псковской Судной Грамотѣ не отличалось отъ простаго и наказывалось наравнѣ съ послѣднимъ денежною пеней: «а шtbody сыпъ отца убилъ, или братъ брата, ино Князю пролажа»⁽³⁵⁾. Кажется только съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича въ свѣтскомъ законодательствѣ стали различаться эти два рода убійства, до этого же времени только въ области церковнаго суда обращалось вниманіе на простое убійство и родственное. Въ Уставныхъ Грамотахъ постановленія объ убійствѣ носятъ почти тотъ же характеръ, съ какимъ онѣ являются въ Псковской Судной Грамотѣ. Такъ, по Двинской Уставной Грамотѣ 1398 г. убійство оплачивается впрямъ со стороны убійцы, а въ случаѣ невыдачи его общиною, въ предѣлахъ которой совершено было преступленіе, на нее возлагалась и уплата виры. Тоже самое находимъ и во всѣхъ другихъ уставныхъ грамотахъ; вся разница между ними состоитъ только въ томъ, что за неотысканіе убійцы количество виры опредѣлено различно, большею частію въ четыре рубля; въ одной только Онежской Уставной Грамотѣ 4 іюня 1536 года — въ два рубля Новгородскихъ⁽³⁶⁾. Если душегубецъ былъ отыскиваемъ, то выдавался намѣстникамъ или ихъ тиунамъ,

⁽³⁴⁾ И. Энгельмана. Гражд. Зак. Пск. Суд. Гр. § 43, стр. 70.

⁽³⁵⁾ *Ibid.* § 104, стр. 156.

⁽³⁶⁾ А. Э. I, 13, 123, 143, 144, 150, 181, 240, 324; А. И. I, 137 и др.

и въ такомъ случаѣ вира общинами не платилась: «а доишутся душегубца и они его дадутъ намѣстникомъ нашимъ или ихъ тиуномъ, а крестьяномъ въ томъ продажи нѣтъ»⁽³⁷⁾». По Судебнику Ивана III вѣдомыя душегубцы раздѣляютъ общую судьбу со всѣми прочими вѣдомыми лихими людьми: «а доведуть на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дѣло, и будетъ вѣдомой лихой, и боярину того велѣти казнити смертною казнью».... Здѣсь же различается простое убійство отъ убійства господина; послѣднее поставлено на ряду съ самыми важными преступленіями: а государскому убойцѣ, и коромольнику, церковному татю и головному и подметчику и зажигающему, вѣдомому лихому челоуѣку живота не дати, казнити сго смертною казнью⁽³⁸⁾. Это же самое находимъ и въ Царскомъ Судебникѣ⁽³⁹⁾. Мы видѣли, что преслѣдованіе душегубства почти всегда было оставляемо за намѣстниками; но послѣ того какъ они были почти повсемѣстно уничтожены, когда вся администрація и судъ сосредоточились въ рукахъ самого народа, душегубство, какъ и всѣ другія лихія дѣла, вѣдалось выборными отъ земства. Кажется, что уже съ половины XVI ст. дѣла о смертоубійствѣ сдѣлались подсудны губнымъ учрежденіямъ, только что это преступленіе не разсматривалось въ нихъ, какъ самостоятельное, а было соединяемо съ разбоемъ, служа къ увеличенію вины разбойника. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы узнать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какимъ образомъ совершено убійство, въ разбой, или нѣтъ, необходимо было и дѣла о душегубствѣ предоставить суду тѣхъ самыхъ учреждений, которыя вѣдали разбойное дѣло; de facto такъ, вѣроятно, и было, но законодательнымъ путемъ передача дѣлъ о душегубствѣ въ вѣдѣніе губныхъ учреждений совершена была только въ XVII ст. Въ Уст. Кн. Разб. Пр. душегубство еще не поставлено отдѣльно отъ разбоя, но въ приложенномъ къ ней боярскомъ приговорѣ 17 февраля 1625 года, оно, уже какъ самостоятельное лихое дѣло, предоставлено суду губныхъ старостъ. По отношенію къ душегубству они должны были

⁽³⁷⁾ Ibid.

⁽³⁸⁾ Суд. Ив. III, ст. о татѣ и о татѣхъ указъ. Сравненіе этого послѣдняго постановленія съ постановленіемъ Псковской Судной Грамоты: А Кромскому татю и Коневому и перевѣтнику и зажигающему тѣмъ живота недати—навелю г. Энгельмана (Системат. изд. Гражд. Зак. Псков. Суд. гр. § 46, стр. 73 примѣч.) на мысль что оно заимствовано составителемъ Судебника изъ приведеннаго постановленія Пск. Суд. Гр., при чемъ Кромскій передѣлано имъ въ коромольникъ. Храмскій (по другому списку), по сближенію со словомъ храмъ, переведено—церковному татю, слово коневому замѣнено словомъ головному, а вмѣсто перевѣтнику поставлено подметчику. Такая догадка, не смотря на ея остроуміе, кажется, неосновательна. Нельзя допустить, чтобы составителю Судебника не было извѣстно значеніе словъ, изъ которыхъ нѣкоторыя встрѣчаются не въ одной только Псков Суд. Грамотѣ; онъ не могъ, съ другой стороны, выдумать преступленій, если бы онѣ не были уже извѣстны обществу и не преслѣдовались имъ.

⁽³⁹⁾ Ст. 59, 60 и 61.

производить розыски о томъ, какимъ образомъ совершено оно, умышленно или иѣтъ, на основаніи чего и произносили приговоръ: «чинятся убивства смертныя, въ дракахъ или пьянымъ дѣломъ.... и того убойца пытать, которымъ обычаемъ убивство учинилось, умышленьемъ ли или пьянымъ дѣломъ, неумышленнымъ» (40). За лихое дѣло признавалось только одно умышленное убійство. Такимъ образомъ только въ XVII ст. изъ разбоя выдѣлилось до тѣхъ поръ смѣшиваемое съ нимъ въ губномъ вѣдомствѣ самостоятельное преступленіе—смертоубійство.

То же самое должно сказать и о поджигательствѣ. Мы знаемъ, что въ Русской Правдѣ опредѣлено поджигателя выдавать Князю на потокъ и разграбленіе. Псковская Судная Грамота постановляетъ «зажпгалнику жпвота подати (41)»; тоже самое находимъ и въ другихъ памятникѣхъ (42). Въ Судебникѣхъ поджигатели занимаютъ мѣсто между самыми важными лихими людьми, каковы измѣнники, крамольники, подметчики, святотатцы и др. (43). Изъ всего этого можно заключить о значительномъ развитіи этого преступленія въ древней Руси; но въ Уст. Кн. и губныхъ грамотахъ поджигательство соединено съ разбоемъ, какъ одно изъ обстоятельствъ, увеличивающихъ вину подсудимаго; для него, какъ самостоятельнаго преступленія, какъ и для смертоубійства, существовала особая подсудность—не мѣстнымъ управителямъ, а губнымъ старостамъ. Изъ разбоя въ губномъ вѣдомствѣ выдѣлилось оно позже смертоубійства, только въ концѣ XVII ст.

Во всѣхъ древнихъ памятникахъ отъ разбоя отличается грабежъ, но должно замѣтить, что на практикѣ различіе между ними не сознавалось ясно. Г. Энгельманъ говоритъ, что въ Псковской Судной Грамотѣ подъ грабежомъ разумѣется всякое паспльственное завладѣніе чужимъ движимымъ имуществомъ (44); но изъ этого опредѣленія отношеніе между этими преступленіями не выясняется. И въ настоящее время въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ иногда весьма затруднительно отличить ихъ, но въ древности, при отсутствіи теоретической разработки права, провести границу между грабежомъ и разбоемъ представлялось нерѣдко дѣломъ совершенно невозможнымъ; а между тѣмъ установить различіе между ними было весьма важно въ томъ отношеніи, что дѣла о грабежѣ вѣдались судомъ, а не розыскомъ; поэтому въ практикѣ губныхъ учреждений должны были часто происходить затрудненія, за что считать данный случай, за грабежъ или за разбой, подтвержденіе чего находимъ и въ Уст. Кн.: «въ которыхъ городѣхъ казаки, собрався, стояли и въ уѣздѣхъ многіе люди при Государѣ; и стоя тѣхъ городовъ въ уѣздѣхъ тутошнихъ и проѣзжихъ людей грабили и тѣ

(40) А. И. III, 167. Бояр. Приг. 17 февр. 1625 г.

(41) Энгельмана: Гражд. Зак. Псков. Суд. Гр. § 46.

(42) См. напр. А. Э. I, 144, 181 и др.

(43) Судеб. Ив. III, см. о татѣ, и Ив. IV, ст. 61.

(44) Гражд. Зак. Псков. Суд. Гр. стр. 80.

грабежные животы продавали въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ стояли, или отбѣзжимъ людямъ, и у тѣхъ людей учнутъ тѣ люди, коихъ казаки грабили, иматься, а у кого поймаются, и тѣ люди учнутъ говорить, что та рухледь, за что поймаются, пометали казаки, какъ въ тѣхъ мѣстѣхъ стояли, а они поймали на ихъ станѣхъ, и тѣ статьи во что ставить: въ разбой-ли или въ грабежъ? ⁽⁴⁵⁾ Предложенный случай имѣеть тотъ смыслъ, какимъ порядкомъ судить его, уголовнымъ или гражданскимъ; но, къ сожалѣнiю, въ Книгѣ онъ нерѣшенъ. Въ уставныхъ грамотахъ второй половины XVI ст. и во всѣхъ позднѣйшихъ памятникахъ признаки грабежа не выставлены, поэтому общаго опредѣленiя его сдѣлать нельзя, и слѣдовательно невозможно провести границы между нимъ и разбоемъ.

Въ Псковской Судной Грамотѣ отъ разбоя и грабежа отличается такъ наз. находъ, подъ которымъ, по мнѣнiю г. Энгельмана, должно понимать покушенiе на грабежъ ⁽⁴⁶⁾; однакожь такого заключенiя нельзя вывести изъ постановленiй самой грамоты, въ которой только упоминается о находѣ; въ другихъ же памятникахъ, сколько мнѣ извѣстно, о немъ не говорится. Вѣроятно сродство съ находомъ имѣлъ упоминаемый въ нѣкоторыхъ грамотахъ наѣздъ ⁽⁴⁷⁾. Между лѣхными дѣлами оба эти преступленiя не встрѣчаются.

§ 2. Обращаемся къ татѣбѣ, сильно распространенной въ древней Руси, подъ которой разумѣется тайное присвоенiе чужаго имущества. До XVI ст. татѣба была гораздо опаснѣе разбоя, о чемъ можно заключить изъ того, что въ памятникахъ, какъ вѣдомые лѣхiе люди, тати упоминаются ранѣе разбойниковъ; но съ тѣхъ поръ какъ въ общественныхъ отношенiяхъ произошли измѣненiя, когда разбой усилился и утратилъ характеръ частныхъ преступленiй, онъ скоро обратилъ на себя преимущественное вниманiе общественной власти, наконецъ передавшей въ руки народа все разбойное дѣло, потому что всѣ ея успiя къ его искорененiю оказались безполезны. Между вѣдомыми лѣхными людьми тати встрѣчаются, въ уставныхъ грамотахъ XVI ст. ⁽⁴⁸⁾, и съ того же времени судъ надъ ними переданъ выборнымъ отъ народа. Важность татѣбы опредѣлялась родомъ похищеннаго имущества; такъ, Русская Правда придаетъ особенную важность конокрадству, что замѣтно и въ другихъ памятникахъ, но трудно опредѣлить, почему именно конокрадство считалось важнѣе похищенiя какаго либо другаго имущества. Судебники особенно строго относятся къ кражѣ рабовъ и святотатству, которыя стоятъ между важнѣйшими преступленiями, и въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ говорится о татѣбѣ вообще, онѣ постоянно отдѣляются: «котораго тати поймають съ которою татбою ни буди впервые, опрочѣ церковныя татбы и головныя...» ⁽⁴⁹⁾.

⁽⁴⁵⁾ Ст. 65.

⁽⁴⁶⁾ Гр. Зак. Псков. Суд. Гр. стр. 80.

⁽⁴⁷⁾ См. напр. Собр. Гас. Гр. и Дог. т. I, 48. Панова; Изслѣд. О Новгород. Судн. Грам. въ Сборникѣ студентовъ Петерб. Унвер. Выпускъ II, 1857.

⁽⁴⁸⁾ А. Э. I, 150.

⁽⁴⁹⁾ Суд. Ив. III, ст. о татѣхъ.

Суду выборныхъ передано было все такъ наз. татиное дѣло, къ которому, кромѣ собственно татѣбы, должно отнести слѣдующія преступленія: 1) покупку и продажу завѣдомо краденаго имущества и приемъ таковаго въ поклажу и 2) подводъ и понаровку.

§ 3. Разбой и татѣба представляются безъ сомнѣнія, наибольшимъ общественнымъ зломъ въ древнее время; но недостатки общественнаго устройства способствовали развитію рядомъ съ ними и другаго лихаго дѣла, ябедничества, представлявшаго не меньшую опасность для общественнаго благосостоянія. Съ нимъ правительство ведетъ самую упорную борьбу, но результаты ея не были значительны, потому что, по характеру своему, ябедничество не поддавалось систематическому преслѣдованію. Спрашивается, что должно разумѣть подъ ябедничествомъ? Подъ именемъ ябедниковъ въ древней Руси извѣстны были всѣ тѣ лица, которыя пскали или совершенно ложно, или одного и того же по нѣскольку разъ, или болѣе того, что имъ слѣдовало⁽⁵⁰⁾. Поэтому г. Дмитріевъ справедливо называетъ ябедничество организованнмъ грабежомъ. Между лихими людьми ябедники занимали видное мѣсто⁽⁵¹⁾; правительство смотрѣло на нихъ даже неблагопріятнѣ, чѣмъ на разбойниковъ.

Въ разсматриваемый періодъ къ лихимъ людямъ причислялись еще слѣдующіе:

4) подпсчикп, т. е. поддѣлыватели чужихъ подписей, и

5) подметчики, подъ которыми г. Дмитріевъ разумѣетъ тѣхъ лицъ, которыя обвиняли кого-нибудь въ государственномъ преступленіи, съ цѣлью погубить обвиняемаго, оставаясь, въ случаѣ несудачи, безъ всякаго преслѣдованія. Такое опредѣленіе едва-ли вѣрно; до уложенія царя Алексѣя Михайловича трудно изъ источниковъ собрать признаки этого преступленія, но опредѣленіе подмета въ Уложеніи можно взять за исходный пунктъ и для XVI вѣка, такъ какъ понятіе о немъ не могло въ такое короткое время совершенно измѣниться: «а будетъ кто кого такимъ же воровскимъ заводомъ подкинетъ чѣмъ напрасно и про тотъ его подметъ по тому же сыщется допряма, что онъ подкинулъ кого, хотя испродать вапрасно. И за такой воровской подметъ, и т. д.⁽⁵²⁾. Эту статью должно разсматривать въ связи съ предшествующею, въ которой говорится объ ополченіи кого-либо насильно, — преступленіи, вытекавшемъ уже изъ постановленій Уст. Кн., но прямо въ ней не высказанномъ. Подметъ, такимъ образомъ, есть тайное ополченіе.

6) Въ нѣкоторыхъ губныхъ наказахъ въ числѣ лихихъ дѣлъ находимъ и такія, которыя преслѣдовались скорѣе изъ полицейскихъ видовъ, для предохраненія общества отъ могущей произойти отъ нихъ опасности, а не потому, чтобы онѣ были дѣйствительно пре-

⁽⁵⁰⁾ Дмитр. Ист. Суд. Инст. стр. 168. Калачовъ: О судеб. ц. Іоанна Васильевича Юр. Зак. Рѣдника II, 324; А. Э. I, 257; III, 36; А. И. I. 165.

⁽⁵¹⁾ Суд. Ив. III, ст. о татѣхъ указъ и о татѣ. Ив. IV, 59. А. Э. I, 150.

⁽⁵²⁾ Улож. XXI, 56.

ступлениями. Сюда относятся: а) скоморошество, б) нищенство, в) между скоморохами и нищими поставлены вонюхи и псарни (?), г) волхование и ворожба, д) корчемство, е) держаніе бляднн, т. е. притоновъ разврата, п, наконецъ, ж) денежные игры: зернь и кости.

Духовенство, кажется, ранѣе свѣтскаго правительства, обратило вниманіе по крайней мѣрѣ на нѣкоторыя изъ этихъ дѣяній. Если нельзя отвергать, что и оно имѣло въ виду при преслѣдованіи ихъ матеріальное благосостояніе и безопасность своихъ волостей и селъ, то также нельзя не признать въ этомъ преслѣдованіи и особаго взгляда духовенства на эти дѣянія. Извѣстно, что, съ появленіемъ своимъ въ Россіи, оно взяло въ свою опеку нравственную сторону жизни русскаго общества, и въ остаткахъ языческой старины видѣло нѣчто такое, что противорѣчило христіанскому учению и препятствовало его распространенію. Оно возстало противъ всего, что напоминало языческое состояніе русскаго общества, даже противъ народныхъ пѣсенъ и игръ. Большая часть поученій нашихъ древнихъ проповѣдниковъ укоряетъ народъ за привязанность къ своей старинѣ, выставляя ее главнымъ препятствіемъ къ спасенію; противъ нея воздвигнуто было, наконецъ, гоненіе и путемъ законодательства, на которое вліяніе духовенства было очень сильно. Такимъ образомъ произошло то, что многія дѣянія, совершенно безразличныя съ юридической точки зрѣнія, явились въ ряду преступленій; такъ, въ Приговорной Грамотѣ Троицко-Сергіевскаго Монастырскаго Собора 31 октября 1555 года скоморохи, волхвы и бабы ворожей поставлены на одну доску съ татями и разбойниками: «не велѣли есми въ волости держати скомороховъ, ни волхвей, ни бабъ ворожей, ни татей, ни розбойниковъ; а учнутъ держати и у котораго сотскаго въ его сотной выймутъ скомороха или волхва, или бабу ворожею, въ его сотной и на томъ на сотскомъ и на его сотной, на стѣ чловѣкъ, взяти пени десять рублевъ денегъ, а скомороха, или волхва, или бабу ворожею бивъ да ограбивъ да выбити изъ волости вонъ; а прохожихъ скомороховъ въ волость не пущать⁽⁵³⁾».

Конечно, наказаніе за ворожбу, скоморошество и волхваніе иное, чѣмъ за разбой и татьбу, потому что духовенство не могло рѣзко отступать въ этомъ отношеніи отъ началъ, принятыхъ свѣтскимъ законодательствомъ, но уже самое сопоставленіе этихъ преступленій съ лихими дѣлами, при огромномъ вліяніи духовенства на свѣтское правительство, легко могло повести къ тому, что и въ самомъ свѣтскомъ законодательствѣ онѣ были уравнины, какъ это мы дѣйствительно и видимъ изъ нѣкоторыхъ Уставныхъ Грамотъ XVI и XVII ст., въ которыхъ кругъ этихъ преступленій представляется еще болѣе широкимъ. Такъ, въ Уставной Грамотѣ посадскимъ людямъ города Шуи 7 июля 1606 года на сотниковъ, пятидесятниковъ и десятниковъ, возложена обязанность «беречи нарѣпко, чтобъ посадскіе и всякіе люди у себя по подворьямъ корчемъ и бляднн не держали и лихимъ людямъ, татемъ и розбойни-

(53) А. Э. I, 244.

комъ прїѣздъ у себя не чинили... а кто въ Шуѣ въ городѣ и на посадѣ учнетъ воровать, корчму и блядню держать и лихпмъ людемъ татемъ и розбойникомъ къ собѣ прїѣздъ чинити, или ябедниковъ и подищниковъ и убойцовъ у себя держати, или кто татиною и розбойною рухлядью учнетъ промышлять и ябедничествомъ продавать, и тѣхъ лихпхъ людей пмая отдавати губнымъ старостамъ и городовымъ прикащикамъ и всякимъ людемъ, безопасно; а приказные люди посадскимъ людемъ, опрпчь тѣхъ, кто учнетъ у себя воры доржать, пещи продажи не чинять, а про тѣхъ лихпхъ людей обыскивають по нашему крестному цѣлованью»⁽⁵⁴⁾. Для насъ весьма важно, что корчемство и блядня судятся тѣмъ же самыми органами, какіе установлены для суда надъ вѣдомыми разбойниками и татями, потому что отсюда видно, что и эти дѣянія были сравнены съ лихпми дѣлами. Высесіе законодательствомъ въ разрядъ самыхъ важныхъ преступленій дѣйствій безправственныхъ какъ блядня, безразличныхъ въ юридическомъ отношеніи, можно объяснить только влияніемъ на свѣтское законодательство духовенства, для котораго, сообразно съ его назначеніемъ, дорога была преимущественно нравственная чистота, и потому въ каждомъ дѣяніи оно обращало особенное вниманіе на грѣховность его, что въ особенности отразилось на Уложеніи царя Алексѣя Михайловича. Но въ рассматриваемый періодъ въ преслѣдованіи безправственныхъ дѣяній нельзя не замѣтить полицейскихъ видовъ правительства. Скоморохи и нищп поставлены были на одну доску съ вѣдомыми лихпми людьми потому, что они занимались воровствомъ, разбоями и грабежами. «Не смотря на видное различіе между промыслами или ремеслами, которыми занимались скоморохи, нищп и разбойники, говоритъ г. Калачовъ⁽⁵⁵⁾, они въ источникахъ нашихъ XV, XVI и XVII вѣка иногда отождествляются, потому что перѣдко скоморохи, а подѣ часъ и нищп, занимались воровствомъ, грабежами и разбоями. Въ Стоглавѣ⁽⁵⁶⁾ говорится, что скоморохи собираются ватагами, грабятъ животы изъ клѣтѣй и разбиваютъ по дорогамъ». Въ XV ст. скоморохамъ впрочемъ запрещается играть только насильно; въ этомъ случаѣ они подвергались удаленію изъ вѣстной мѣстности, если же было на то согласіе жителей, то они вѣроятно не были преслѣдуемы. Съ теченіемъ времени постановленія о нихъ дѣлаются все болѣе и болѣе строгими.

Тѣ же причины побудили правительство обратить вниманіе на корчемство, содержаніе припюновъ разврата (блядню) и денежныя игры въ зернь и кости. Зернищп и костери преслѣдуются на томъ основаніи, что проигравшіеся обыкновенно занимались грабежами и разбоями, мотивъ, не высказанный прямо въ памятникахъ XVI

⁽⁵⁴⁾ А. Э. II, 52.

⁽⁵⁵⁾ Артели въ др. и нынѣш. Россіи стр. 13 и сл.

⁽⁵⁶⁾ Ibid.

и начала XVII ст., но приведенный въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича (57).

Рядомъ со скоморохами и ипщими упоминаются конюхи и псаря (58). Въ чемъ состояли ихъ занятія и слѣдовательно причины ихъ преслѣдованія правительствомъ, на основаніи сохранившихся о нихъ извѣстій, въ которыхъ упоминается только одно ихъ названіе, трудно сдѣлать какое нибудь заключеніе.

Наконецъ прибавимъ, что такимъ же порядкомъ, какъ разбойники и тати, преслѣдовалась всѣ тѣ, которые такъ или иначе помогали имъ, какъ-то: 1) укрыватели, будутъ ли это органы общественной власти или частныя лица, 2) недоставившіе начальству вѣдомыхъ разбойниковъ и татей, и 3) неказавшіе помощи противъ разбойниковъ и невышедшія на слѣдъ вмѣстѣ съ пострадавшими отъ нихъ по требованію послѣднихъ (59). Всѣ эти лица не называются въ памятникахъ лхими людьми.

II. Намъ остается еще бросить бѣглый взглядъ на т. назыв. государственное лихое дѣло въ этомъ періодѣ, т. е. до Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Понятіе о государственныхъ преступленіяхъ является обыкновенно гораздо позже, чѣмъ понятіе о преступленіяхъ противъ личности и имущества частныхъ лицъ, потому что для образованія его требуется развитіе государственныхъ началъ, между тѣмъ какъ въ древней Руси, до Ивана III, все управление покоилось исключительно на частномъ правѣ, всякое законоположеніе было слѣдствіемъ частной инициативы. Немного было въ древней Руси такихъ мѣстъ, гдѣ бы сильно развита была общественная жизнь, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ, въ которыхъ развитію ея способствовало ихъ исключительное положеніе.

Въ Псковѣ и Новгородѣ мы находимъ такіе памятники законодательной дѣятельности, какъ ихъ Судныя Грамоты, подобныхъ которымъ въ ихъ время не встрѣчается нигдѣ въ остальной Руси. Псковская Судная Грамота, законченная незадолго до того времени, когда Псковъ переживалъ свою независимость отъ Москвы, уже содержитъ зародышъ понятія о государственныхъ преступленіяхъ въ упоминаемомъ въ ней перевѣтничествѣ (измѣнѣ) (60). Подъ это понятіе можно подвести всякое отдѣльное преступленіе противъ псковскаго государства. Въ Судебникѣ Ивана III государственные преступники извѣстны подъ именемъ крамольниковъ (61), подъ которыми, по мнѣнію г. Дмитриева (62), разумѣлись тѣ лица, которыя, чтобы погубить своего отвѣтчика, разводили на него государственную измѣну и потомъ не могли доказать ея. Но, кажется, вѣрнѣе

(57) Улож. XXI, 15.

(58) А. Э. I, 144, 150, 240 и др. А. П. I, 137.

(59) А. П. III, 167, ст. 14, 25, 26, 27, 28. А. Э. 281.

(60) Энг. Гр. з Псков. Суд. Гр. § 46, стр. 73.

(61) Суд. Ив. III, ст. о татѣхъ.

(62) Дмитриевъ Ист. Суд. Пуст. стр. 169.

опредѣленіе г. Калачева⁽⁶³⁾, который разумѣетъ подь крамольниками бунтовщиковъ. Какое бы изъ приведенныхъ мнѣній ни было основательнѣе, мы все-таки положительно можемъ заключить, что въ Судебникѣ Ивана III впервые появилось понятіе о государственномъ лихомъ дѣлѣ, которое съ большею опредѣленностью выражено въ Судебникѣ царя Ивана Васильевича, гдѣ между вѣдомыми лихими людьми упоминаются т. наз. градскіе славцы⁽⁶⁴⁾. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что въ періодъ Судебниковъ объемъ государственныхъ преступленій былъ гораздо обширнѣе. Понятіе государственной измѣны не ограничивалось только приведеннымъ постановленіемъ Судебника 1550 г., а распространялось и на нарушение клятвенной записи, или обѣта вѣрности, даннаго Государю⁽⁶⁵⁾. Развѣтіе государства въ это время не дошло еще до той высоты, когда на мѣсто всѣхъ составныхъ элементовъ его становится глава государства, представитель его единства, и когда слѣдовательно всякое государственное преступленіе становится преступленіемъ противъ государя. Съ такимъ въ высшей степени абсолютнымъ характеромъ русское государство является только въ половинѣ XVII ст., и поэтому только въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича находимъ широкое и довольно полное понятіе о государственныхъ преступленіяхъ, рѣзко отдѣляющихся отъ другихъ лихихъ дѣлъ.

Сдѣлавъ краткій очеркъ того, что входило въ объемъ лихаго дѣла въ періодъ господства Уставныхъ и Губныхъ грамотъ и Судебниковъ, мы вовсе не имѣемъ претензій исчерпать всѣ тѣ отдѣльныя дѣянія, которыя почитались лихими, къ чему врядъ ли представляется возможность. Самые законодательные памятники, стремившіеся исчислить всѣ виды лихаго дѣла, далеко не достигаютъ цѣли, что уже видно изъ встрѣчающагося въ нихъ на каждомъ шагу выраженія: «а доведутъ на кого татбу... или иное какое лихое дѣло».... Уставныя грамоты до 1550 г. съ большею точностію исчисляють; какія именно дѣянія признають онѣ за лихія, поэтому въ нихъ вышеприведенное выраженіе встрѣчается рѣже; но съ развитіемъ жизни тѣ узкія рамки, въ которыя вложили онѣ лихое дѣло, дѣлаются недостаточными. Условія общественнаго быта постоянно создаютъ новыя лихія дѣла и законодательство уже не въ состояніи перечислить всѣхъ ихъ; общихъ же началъ, по которымъ можно было бы опредѣлить свойство каждаго дѣянія, оно не даетъ.

III. Разсмотримъ теперь наказанія, полагавшіяся за лихія дѣла. Наказанія за лихое дѣло въ періодъ до Соборнаго Уложенія имѣють уже характеръ уголовныхъ наказаній. Такой ихъ характеръ проявляется во 1-хъ въ томъ, что на первый планъ становится удовле-

(63) Юр. Зап. Рѣднина т. II, стр. 332.

(64) Суд. 1550 г., ст. 51.

(65) Калачовъ: О суд. Царя Іоанна Васильевича, Юрид. З. Рѣднина т. II, стр. 318.

твореніе чувства абстрактной справедливости, а за тѣмъ уже 2) слѣдуетъ вознагражденіе лицъ, пострадавшихъ отъ преступленія, истцовъ.

Въ судебникахъ и уставныхъ грамотахъ почти до половины XVI ст. еще проглядываетъ борьба двухъ интересовъ въ наказаніи: частнаго и государственнаго, но послѣдній видимо беретъ перевѣсъ; такъ, вѣдомыхъ лихихъ людей повелѣвается казнить даже и въ томъ случаѣ, если у нихъ не окажется имущества, достаточнаго для удовлетворенія истцовъ: «а не будетъ у котораго лихого ссатка, чѣмъ истцово заплатити, и ловчей мой того лихого человѣка истцу въ его гибели не выдаетъ, а велитъ его казнить смертною казною»⁽⁶⁶⁾. Въ царскомъ Судебникѣ относительно вѣдомыхъ лихихъ людей этотъ принципъ проведенъ совершенно послѣдовательно: вознагражденіе истца всегда слѣдуетъ послѣ наказанія преступника изъ оставшагося послѣ него имущества, «сатка»; тоже самое находимъ въ губныхъ грамотахъ и наказахъ и Уст. Кн. Разб. Пр.

Родовъ наказаній въ этомъ періодѣ было семь: 1) смертная казнь, 2) торговая казнь—битье кнутомъ, 3) лишеніе свободы, 4) конфискація имущества, 5) денежные штрафы, 6) изгнаніе преступника изъ той общины, гдѣ было совершено имъ преступленіе, и, наконецъ, 7) членовредительныя наказанія.

1) Что касается до смертной казни, то она не опредѣлена по виду. Изъ всѣхъ законодательныхъ памятниковъ до половины XVII ст., только въ трехъ, именно: въ Двинской уставной грамотѣ 1398 г., въ губномъ наказѣ селамъ Кириллова монастыря 1549 г. и въ губной грамотѣ Чароидской округѣ, опредѣляется видъ смертной казни—повѣшеніе.

Смертная казнь положена за слѣдующія преступленія: 1) за доведенный разбой. Въ этомъ случаѣ преступникъ выдавался намѣстникамъ, волостелямъ, ловчимъ или ихъ тиунамъ въ казнь и продажу⁽⁶⁷⁾. Впрочемъ нельзя съ точностью сказать, въ чемъ именно здѣсь состояла казнь, такъ какъ подъ этимъ же словомъ въ грамотахъ разумѣлось и наказаніе вообще; 2) вѣдомые разбойники, на основаніи судебниковъ, наказывались смертью⁽⁶⁸⁾. Въ губномъ вѣдомствѣ для вѣдомыхъ разбойниковъ, говоря вообще, существовало то же самое наказаніе: «доведчи на нихъ (разбойниковъ) и допытася у нихъ, что они розбиваютъ да тѣхъ бы есте розбойниковъ бивъ кнутемъ да казнили смертью»⁽⁶⁹⁾, предписывается губнымъ старостамъ. Но по Уст. Кн. Разб. Пр. не всѣ вѣдомые разбойники подвергались смертной казни, а только пойманные на разбой трижды, или и одинъ разъ, но если при этомъ былъ произведенъ имъ пожаръ или убійство⁽⁷⁰⁾; 3) держачіе разбойничьи стати

⁽⁶⁶⁾ А. Э. I, 150.

⁽⁶⁷⁾ А. Э. I, 123, 143, 144, 150 и др. А. И. I, 137.

⁽⁶⁸⁾ Суд. 1497 г. ст. о татѣхъ и о татѣхъ указъ. Суд. Ив. IV ст. 59, 60.

⁽⁶⁹⁾ А. Э. I, 187. А. И. I, 31.

⁽⁷⁰⁾ Ст. 10.

и приѣзды, подводчики и поповщники наказывались такимъ же образомъ, какъ и разбойники ⁽⁷¹⁾; 4) для татей, въ Двинской Уставной Грамотѣ установлена смертная казнь чрезъ повѣшеніе: «а того бы естя татя велѣли, бивъ кнутьемъ да казнивъ смертною казньою, повѣсити въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ котораго татя поймають съ татбою». Подобное же опредѣленіе наказанія находимъ въ губномъ Наказѣ—саламъ Кириллова монастыря 1549 г. и въ Чароидской Губной грамотѣ. Этотъ родъ смертной казни составляетъ особенностъ сѣвернаго края. Вообще отсутствіе законодательныхъ опредѣленій относительно вида смертной казни объясняется существованіемъ обычая въ каждой мѣстности въ этомъ отношеніи. Въ другихъ губныхъ грамотахъ и Уст. Кн. Разб. Пр. повелѣвалось наказывать смертью только за трехкратное совершеніе татбы ⁽⁷²⁾, если это была простая татба, потому что святотатство и головная татба считались такими важными преступленіями, что за нихъ всегда назначалась смертная казнь, независимо отъ того, сколько бы разъ онѣ ни были совершены ⁽⁷³⁾. Со времени Ивана III смертною казньою наказывались вѣдомые: 5) душегубцы, 6) поджигатели, 7) ябедники, 8) крамольники, 9) подметчики, 10) градскіе сдавцы и 11) перевѣтчики. Какимъ образомъ совершалась смертная казнь, былъ-ли соблюдаемы при этомъ какіе нибудь обряды, или нѣтъ, въ источникахъ указаній не находимъ.

2) Торговая казнь состояла въ томъ, что преступника били кнудомъ на площади или на торгу, отчего это наказаніе и получило свое названіе ⁽⁷⁴⁾. Описаніе, какимъ образомъ совершалась она, можно найти въ ст. г. Калачова «о судебникѣ царя Юаппа Васильевича», въ Юр. Зап. Рѣдкна Т. II на стр. 337—338. Торговая казнь отдѣльно употреблялась весьма рѣдко; по большей части она сопутствовала другимъ наказаніямъ. Такъ она назначена: 1) за однократно совершенную татбу; въ этомъ случаѣ за нею слѣдовала ссылка преступника. За двухкратное же совершеніе этого преступления къ торговой казни присоединялось отсѣченіе руки ⁽⁷⁵⁾ и затѣмъ ссылка; 2) за укрывательство вѣдомыхъ лихихъ людей на обыскѣ, 3-хъ или 4-хъ лучшихъ изъ обыскныхъ подвергали торговой казни ⁽⁷⁶⁾ и затѣмъ, наравнѣ съ остальными, съ нихъ взымали выти. Вѣдомыхъ разбойниковъ, прежде чѣмъ подвергать смертной казни, указано бить кнудомъ. Такъ какъ это постановленіе находится въ древнѣйшихъ Губныхъ Грамотахъ—Каргопольской и Бѣлозерской ⁽⁷⁷⁾, а въ другихъ, равно и въ Уст. Кн. Разб. Пр., о немъ не упоминается, то мы должны принять, что такого рода

⁽⁷¹⁾ Допол. къ А. И. I, 31. А. Э. I, 187, 192, 281, 330. А. И. III, 167 ст. 30.

⁽⁷²⁾ А. Э. I, 13, 224. А. И. III, № 167, ст. 37, 38, 39.

⁽⁷³⁾ Суд. Ив. III, ст. о татбѣ. Ив. IV ст. 61; А. И., III, 167, ст. 40.

⁽⁷⁴⁾ О Судебн. Калачова Юрид. Зап. Рѣдкна. Т. II, стр. 337.

⁽⁷⁵⁾ А. Э. I, 330.

⁽⁷⁶⁾ А. И. III, 167, 27.

⁽⁷⁷⁾ Смотр. примѣч. 69.

наказаніе существовало недолго, или въ одной только мѣстности, ограниченной пространствомъ дѣйствія означенныхъ грамотъ.

Въ Двинской уставной грамотѣ постановлено клеймить каждаго татя, но клейменія нельзя разсматривать, какъ наказаніе; оно есть только полицейская мѣра: клеймо служило признакомъ того, что означенное лицо есть лпхой человѣкъ. Притомъ клейменіе нигдѣ болѣе не упоминается и составляетъ особенность Двинской Уставной Грамоты, которая вообще по своимъ постановленіямъ значительно разнится отъ другихъ законодательныхъ памятниковъ XIV ст.

3) Лишеніе свободы состояло въ заключеніи преступниковъ въ тюрьмы, которыя устраивались при губныхъ избахъ на счетъ земства, изъ сборовъ, производимыхъ съ сохъ, а съ 1601 года—на счетъ казны. Объ устройствѣ тюремъ долженъ былъ озаботиться губной староста, который опредѣлялъ къ нимъ и сторожей; ближайшее же непосредственное завѣдываніе тюрьмами принадлежало губнымъ цѣловальникамъ⁽⁷⁸⁾, которые, вмѣстѣ со сторожами, смотрѣли за тѣмъ, чтобы не разбѣжались заключенные въ нихъ преступники⁽⁷⁹⁾. Такъ какъ тюрьмы были устраиваемы плохо, то для предупрежденія побѣговъ изъ нихъ губнымъ старостамъ повелѣвалось недержатъ долго татей и разбойниковъ, а казнить ихъ смертною казнью⁽⁸⁰⁾, такъ что если напр. нѣсколько преступниковъ оговаривали однѣхъ и тѣхъ же лицъ, то губные старосты для очныхъ ставокъ съ оговоренными должны были оставлять одного изъ оговорщиковъ, а остальныхъ его товарищей немедленно предать смертной казни⁽⁸¹⁾.

Заключеніе въ тюрьму (какъ наказаніе) было или пожизненное,—на смерть,—или временное. Въ рѣдкихъ однакожъ случаяхъ, тюремное заключеніе носитъ характеръ наказанія; оно является скорѣе мѣрою полицейскою. Такъ, пожизненному тюремному заключенію вообще подвергались обливованные на обыскѣ, по песознавшіеся на пыткахъ въ взводномъ на нихъ преступленіи. Они сажались въ тюрьму на случай, если придеть на нихъ въ разбойномъ дѣлѣ иное лихо, то, чтобы подвергнуть ихъ положенному за это лпхо наказанію⁽⁸²⁾, до того же времени на нихъ лежало только подозрѣніе въ лпхомъ дѣлѣ. Временному лишенію свободы, «до Указа», подвергались: 1) тѣ лица, о которыхъ не могло по чему либо состояться окончательнаго рѣшенія⁽⁸³⁾; 2) разбойники, поймавшіеся въ однократномъ или двухкратномъ совершеніи разбоя, если не было произведено ими ни убійства, ни поджигательства⁽⁸⁴⁾; 3) убійцы—

⁽⁷⁸⁾ А. И. III, 167, ст. 58, А. Э. I, 330, II, 19.

⁽⁷⁹⁾ А. И. III, 167, ст. 68.

⁽⁸⁰⁾ А. Э. I, 330.

⁽⁸¹⁾ Ibid.

⁽⁸²⁾ А. И. III, 167, ст. 7, 8, 9, 11, 17.

⁽⁸³⁾ Ibid. ст. 10.

⁽⁸⁴⁾ Ibid.

дѣти боярскіе или дворяне, если убійство было неумышленное, наконецъ 4) не могли представить по себѣ порукъ—до тѣхъ поръ, пока не было за нихъ поручителей ⁽⁸⁵⁾.

4) Конфискація имущества не употреблялась, какъ отдѣльное наказаніе, но всегда совершалась въ томъ случаѣ, когда преступникъ приговаривался къ смертной казни. Конфискаціи подвергалась (продавалась на государя) только та часть имущества преступника, которая оставалась за удовлетвореніемъ истцовъ въ опредѣленныхъ закономъ размѣрахъ ⁽⁸⁶⁾. По Судебнику Ивана III имущество преступниковъ шло судьямъ: «а что ся у статка станеть, ино то боярину и діаку имати собѣ» ⁽⁸⁷⁾, въ Судебникѣ же 1550 г. указано оставшееся отъ вознагражденія истца имущество преступника отдавать въ прогоны, подъ которыми, кажется, должно разумѣть судебныя издержки, какъ-то: плату приставамъ, недѣльщикамъ и т. д. ⁽⁸⁸⁾.

5) Денежныя штрафы извѣстны въ Кн. Разб. Пр. и губныхъ грамотахъ подъ именемъ вытей; это же названіе носятъ и вознагражденіе истца за вредъ, причипенный ему тѣмъ или другимъ лихимъ дѣломъ.

Быть, какъ самостоятельное наказаніе, назначалась сравнительно за маловажныя преступленія, на прим. за неявку на выручку разбиваемыхъ по ихъ призыву; въ болѣе важныхъ преступленіяхъ денежныя штрафы соединялись съ другими наказаніями, чаще всего съ торговою казнью. Такъ, за укрывательство обыскными вѣдомыхъ лихихъ людей опредѣлена быть и сверхъ того для двухъ или трехъ лучшихъ торговая казнь. Въ весьма немногихъ случаяхъ быть не соединена ни съ какимъ другимъ наказаніемъ; напр. если за чистою порукою кто либо начиналъ воровать какимъ воровствомъ, т. е. совершать преступленія, то поручители уплачивали быть.

6) О ссылкѣ справедливо замѣтилъ Г. Калачовъ ⁽⁸⁹⁾, что въ древнемъ русскомъ правѣ нѣтъ яснаго различія между нею и лишеніемъ свободы. Ссылка, какъ наказаніе, почти не была извѣстна древнему времени; по крайней мѣрѣ мы встрѣчаемъ весьма мало случаевъ подобнаго рода; если же и видимъ, какъ говоритъ г. Калачовъ, нѣкоторые примѣры этого наказанія въ настоящемъ его значеніи, то они являются не болѣе, какъ слѣдствіемъ произвола князя или мятежнаго народа. Болѣе опредѣленно дѣлается ссылка не ранѣе начала XVI столѣтія; съ этого времени она проявляется въ изгнаніи изъ мѣста жительства вѣдомаго лихаго человѣка, татя и ябедника; причемъ ссылкѣ всегда предшествовала торговая казнь.

⁽⁸⁵⁾ Ibid. ст. 4, 32, 34, 37

⁽⁸⁶⁾ Ibid. ст. 54.

⁽⁸⁷⁾ Суд. Ив. III ст. о татѣхъ и о татѣ.

⁽⁸⁸⁾ Суд. Ив. IV, ст. 59, 61.

⁽⁸⁹⁾ Юрид. Зап. Рѣднина. Т. II, стр. 339.

Такъ, за одну татьбу повелѣвается, чтобы: «старосты губные тѣхъ татей велѣли, бивъ кнутѣмъ, выбити ихъ изъ земли вонъ»; въ другихъ грамотахъ, вмѣсто выбитія вонъ изъ земли, находимъ выраженіе: бивъ кнутѣмъ (за 2 татьбы) да отсѣчи рука да покинуги; послѣднее, вѣроятно, было равносильно изгнанію⁽⁹⁰⁾. Это же постановленіе находится и въ Уст. Ки. Разб. Пр.⁽⁹¹⁾. Ябедники послѣ торговой казни высылались вонъ изъ волости, при чемъ постановлено животовъ ихъ не грабить⁽⁹²⁾, изъ чего можно заключить, что съ выбитіемъ вонъ изъ земли татей соединялось и отобраніе ихъ имущества,—древнѣйшій потокъ и разграбленіе. Кромѣ татей и ябедниковъ, ссылкъ, въ смыслѣ изгнанія изъ опредѣленной мѣстности, подвергались скomorохи, игравшіе въ деревняхъ «сильно», волхвы и бабы ворожен. Относительно всѣхъ этихъ лицъ въ приговорной грамотѣ Троицко-Сергіевскаго Монастырскаго Собора 31 октября 1555 г. постановлено: выбитіе вонъ изъ волости, бивъ ихъ и ограбивъ⁽⁹³⁾.

Относительно ссылки, какъ способа ограниченія свободы преступника назначеніемъ ему какого либо опредѣленнаго мѣста жительства, въ рассматриваемыхъ нами памятникахъ извѣстій не встрѣчается.

7) Что касается членовредительныхъ наказаній, то въ данный періодъ онѣ были еще очень неразвиты. Въ Уставной Книгѣ и губныхъ грамотахъ упоминается только объ одномъ—отсѣченіи руки, которое назначено въ соединеніи съ торговой казнью и ссылкой для татя, совершившаго двѣ татьбы.

Изъ сказаннаго о наказаніяхъ въ этомъ періодѣ легко замѣтить, что почти съ каждымъ изъ нихъ, не исключая, по крайней мѣрѣ первоначально, даже и смертной казни, соединялась торговая казнь, и что со смертной казнью во всякомъ случаѣ соединялась конфискація имущества, оставшагося за удовлетвореніемъ истцовъ; что въ этомъ періодѣ находимъ уже довольно развитыми денежные штрафы, вытн, которые взымались за маловажныя преступленія въ пользу общественной власти; что въ этомъ періодѣ уже существовали, хотя въ зародышѣ, членовредительныя наказанія; что, наконецъ, одно опредѣленное наказаніе употреблялось рѣдко, въ немногихъ только случаяхъ, а всегда въ соединеніи съ другимъ: личное съ имущественнымъ (конфискація), или личное вмѣстѣ съ личнымъ и имущественнымъ.

Господствующею цѣлью наказанія было матеріальное возмездіе: преступнику платилось по возможности тѣмъ же зломъ, какое было имъ совершено. Такъ, за убійство въ разбоѣ онъ подвергался смертной казни; за кражу, совершенную вторично, отсѣченію руки и т. п.

⁽⁹⁰⁾ А. Э. I, 224, 330.

⁽⁹¹⁾ А. И. III, 167, 38.

⁽⁹²⁾ А. И. I, 165; А. Э. I, 257; III, 36.

⁽⁹³⁾ А. И. I, 150, 244.

Но легко замѣнить и другую цѣль, которая имѣлась въ виду при наказаніи преступника, — устрашеніе. Этимъ наприм. объясняется то, что тати, пойманные въ третій разъ съ поличнымъ, подвергались смертной казни чрезъ повѣшеніе въ тѣхъ мѣстахъ, «гдѣ котораго тата поймають съ татбою» (94). Отношеніе между лихимъ дѣломъ и наказаніемъ за него состояло въ томъ, что чѣмъ больше вреда, чѣмъ больше убытковъ причинялъ преступникъ, тѣмъ строже онъ наказывался; сверхъ того бралось въ расчетъ, былъ ли онъ вѣдомый лихой, или нѣтъ. Большая или меньшая умысленность дѣянія не имѣла значенія, за исключеніемъ одного душегубства, и то уже въ концѣ періода. Наконецъ наказаніе соразмѣрялось съ тѣмъ, противъ кого было направлено преступленіе, что служило его объектомъ; напр. святотатцы наказывались строже простыхъ татей и т. и.

За обстоятельство, увеличивающее вину преступника, можно принять только повтореніе преступленій какъ мы это видѣли напр. при разбоѣ и татбѣ; что же касается до степенія преступленій, какъ обстоятельства увеличивавшаго наказаніе, то оно совпадало съ повтореніемъ и въ современныхъ Уст. Кн. законодательныхъ памятникахъ отъ него не отличается. Между тѣмъ г. Калачовъ (95) принимаетъ отдѣльно эти два обстоятельства, хотя въ тѣхъ статьяхъ Уст. Кн., на которыя онъ ссылается, различія между ними не видно; правда, въ нихъ говорится, что преступники, сознавшіеся съ пытокъ въ одномъ совершенномъ ими преступленіи (разбоѣ или татбѣ) и въ двухъ и болѣе подвергаются различнымъ наказаніямъ (ст. 10, 38 и 39); но по нашему мнѣнію въ этихъ статьяхъ высказано тоже, что мы находимъ въ Двинской уставной грамотѣ и въ Судебникахъ: «а тата впервые продати противу поличнаго, а въ другіе уличать, продадутъ его не жалуя, а уличать въ третіе, ино повѣсити» (96). Разница только въ выраженіяхъ, такъ что собственно повтореніе преступленій и степеніе ихъ сливаются въ одно понятіе. Умысленность дѣянія, упоминаемую при убійствѣ, нельзя считать за обстоятельство, увеличивающее вину убійцы, потому что безъ нея не было бы и самого преступленія.

Изъ уменьшающихъ вину обстоятельствъ въ Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа упоминается неумысленность преступнаго дѣянія, но только по отношенію къ смертоубійству. Случаевъ неумысленности убійства, предусмотрѣнныхъ законодательствомъ, было два: совершеніе преступнаго дѣянія въ пьяномъ видѣ и въ драгѣ; другихъ не признавалось.

Вообще субъективная сторона, мотивы, побудившіе преступника къ совершенію преступленія, не обращали на себя вниманія зако-

(94) А. Э. I, 244.

(95) Судеб. к. Іоанна Васильевича. въ Юрид. Зап. Рѣдьяна Т. II, стр. 363, 37.

(96) А. Э. I, 13. Суд. Ил. III, о поличномъ; Ил. IV, 55, 56.

подательства; оно смотрѣло только на его объективную сторону, на причиненный имъ вредъ, съ которымъ и соразмѣряло наказаніе.

ГЛАВА II.

О розыскѣ до Уложенія Царя Алексѣя Михайловича.

Обращаясь къ судоустройству въ московскомъ государствѣ въ эпоху Устав. Кн. Разб. Пр., мы прежде всего должны замѣтить, что XV и XVI ст. оказали въ этомъ отношеніи ту большую услугу, что дали ему опредѣленную организацію, какой до этого онъ не имѣлъ. Въ законодательныхъ опредѣленіяхъ до этого времени не было надобности, потому что самъ народъ чинилъ судъ и расправу чрезъ свои выборныхъ, княжескій же чиновникъ смотрѣлъ своего прибытка, а потому въ основаніи такого суда лежали чисто обычныя начала. Но, начиная съ XV ст., участіе народа въ судѣ все болѣе и болѣе стѣсняется и въ XVI ст. онъ не только утратилъ право суда чрезъ выборныхъ, но даже не могъ преслѣдовать лихихъ людей безъ согласія общественной власти, что прежде принадлежало ему вполне; поэтому съ устраненіемъ народнаго элемента изъ суда потребовалось точное опредѣленіе его законодательнымъ путемъ, что и было сдѣлано уставными и судными грамотами и, наконецъ, судебниками. Съ конца же XV ст. происходитъ выдѣленіе изъ общаго обвинительнаго процесса слѣдственнаго, розыскаго, изслѣдованіе котораго, преимущественно на основаніи Уставной Книги Разбойнаго Приказа и губныхъ грамотъ, составляетъ предметъ настоящей главы. По отношенію къ розыску слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующіе вопросы: 1) на его предметъ, 2) на его органы и подсудность и на конецъ 3) на его моменты.

I. Предметъ розыска.

Предметъ розыска вообще опредѣленъ нами въ предыдущей главѣ: розыскомъ судились только вѣдомыя лихія дѣла, но не всѣ онѣ вѣдались особыми, такъ называемыми губными учреждениями, въ которыхъ по преимуществу и выработались начала слѣдственности, а только; 1) дѣла разбойныя въ томъ объемѣ, какой опредѣленъ нами въ предыдущей главѣ, 2) дѣла татныя, куда входило и святотатство.

О святотатствѣ мы упомянули отдѣльно на томъ основаніи, что покойный профессоръ Неволнинъ въ сочиненіи своемъ «о пространствѣ Церковнаго Суда въ Россіи до Петра Великаго»⁽⁹⁷⁾, говоритъ, что святотатство всегда было подсудно церковной власти. Къ такому заключенію онъ пришелъ на томъ основаніи, что: 1) въ

⁹⁷⁾ Полн. собр. соч. т. VI, стр. 352.

Судебникахъ Ивана III и IV неопредѣлена подсудность святотатства, хотя оно и стоитъ между важнѣйшими преступленіями, 2) тоже самое и въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, и 3) при учрежденіи Святѣйшаго Синода въ 1721 году и послѣ, при Петрѣ Великомъ, святотатство было подсудно церковной власти. Противъ этого мнѣнія можно замѣтить, что въ губныхъ грамотахъ и въ Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа, опредѣлявшихъ кругъ дѣлъ, подлежащихъ вѣденію только губныхъ учреждений, святотатство находится въ числѣ этихъ дѣлъ; въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича оно помѣщено въ XXI главу, гдѣ говорится только о тѣхъ преступленіяхъ, которыя подлежали суду губныхъ старостъ и воеводъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было первыхъ, — поэтому мы заключаемъ, что въ этомъ періодѣ, т. е. отъ Судебниковъ до Уложенія, святотатство было подсудно свѣтской власти, именно губнымъ старостамъ.

3) Дѣла о смертоубійствѣхъ (душегубствѣхъ). Сверхъ того: 4) губнымъ же старостамъ принадлежалъ судъ надъ преступленіями лицъ, состоявшихъ при губныхъ учрежденіяхъ, каковы наприм. недѣльщики. 5) Губныя же учрежденія производили судъ надъ давшими ложныя показанія въ обыскахъ, надъ выдавшими преступникамъ (разбойникамъ) пхъ жертву вслѣдствіе неоказанія помощи; надъ неотшедшими слѣда, неотправившимися въ погоню за преступниками, и т. д.; однимъ словомъ губными старостами вѣдались всѣ тѣ дѣла, которыя имѣли связь съ татьбою и разбоемъ. Наконецъ въ 6) въ уставной грамотѣ города Шуи 1606 года губнымъ старостамъ, наравнѣ съ городовыми прикащиками, поручены дѣла о корчемствѣхъ, бляднѣхъ, ябедничествѣхъ и поддѣлкѣхъ подписей.

II. Обь органахъ сыскаго процесса.

Органы общественной власти, вѣдавшіе судомъ вѣдомыхъ лихихъ людей, были сперва вообще областные правители: намѣстники, волостели, ловчіе, или ихъ тиуны⁽⁹⁸⁾. Но такъ какъ они смотрѣли на свою должность по отношенію къ суду исключительно съ точки зрѣнія пожнвы, кормленія, поэтому заботы ихъ обь охраненіи ввѣренной имъ области отъ лихихъ людей были недостаточны; между тѣмъ разбой, воровства, ябедничества и друг. лихія дѣла съ теченіемъ времени все росли и росли, такъ что правительство принуждено было, время отъ времени, для поимки вѣдомыхъ разбойниковъ и суда надъ ними посылать особыхъ обыщиковъ или сыщиковъ, съ которыми крестьяне должны были отправляться на обыскъ. Но сыщики также не приносили пользы, а скорѣе вредъ для жителей тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ приходилось имъ дѣйствовать, потому что: 1) они не находились въ опредѣленной мѣстности постоянно, а посылались время отъ времени туда, гдѣ, вслѣдствіе усиленія грабежей и разбоевъ, дѣятельность ихъ, по усмотрѣнію правительства, становилась необходимою, и 2) потому,

(98) А. Э. I, 123, 150 и др.

что вѣроятно и они, подобно всѣмъ другимъ областнымъ начальникамъ, смотрѣли на свое дѣло, какъ на кормленье.

Вслѣдствіе неудовлетворительности общицковъ около половинѣ XVI ст. жители стали подавать на нихъ жалобы въ томъ, что отъ нихъ чинятся имъ убытки и волониты великия, а что они сами безъ царскаго указа вѣдомыхъ разбойниковъ ловить и обыскивать права не имѣютъ. Такой именно мотивъ для введенія новаго института—губныхъ старостъ—находимъ въ Бѣлозерской губной грамотѣ 23 октября 1539 г. «Мы къ вамъ послали на Бѣлоозеро общицковъ своихъ и отъ нашихъ де общицковъ и отъ недѣльщиковъ чинятся вамъ великіе убытки, а вы де и съ нашими общицками лихихъ людей разбойниковъ не имаете, для того, что вамъ волонита велика; а сами де и вы разбойниковъ межъ себя, безъ нашего вѣдома, обыскивати и имати разбойниковъ не смѣете»⁽⁹⁹⁾. То же самое повторяется и во всѣхъ остальныхъ губныхъ грамотахъ. Жалуясь, такимъ образомъ, на сыщиковъ, общины въ то же время указывали, что дѣятельность ихъ можетъ быть замѣнена ихъ собственною. Они говорятъ, что безъ царскаго указа сами они не могутъ ловить и обыскивать вѣдомыхъ разбойниковъ, и вотъ Иванъ Грозный, ясно видѣвшій всѣ недостатки прежняго управленія и суда, счелъ необходимымъ все т. наз. губное дѣло вручить самимъ общинамъ. Возможность передать въ руки общинъ преслѣдованіе вѣдомыхъ лихихъ людей, не смотря на то, что правительственные и народныя воззрѣнія и цѣли были въ это время, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, уже совершенно различны, представлялась въ томъ, что, говоря словами г. Чебышева—Дмитріева⁽¹⁰⁰⁾, «общество въ области уголовнаго права менѣе, чѣмъ въ какой нибудь другой сферѣ, нуждается во внѣшнемъ побужденіи къ преслѣдованію преступниковъ, по самому существу преступныхъ дѣйствій, по причинѣ ихъ общепасности.»

Такимъ образомъ для поимки лихихъ людей и суда надъ ними повелѣно было выбрать особыхъ должностныхъ лицъ, которыя называются губными головами, губными прикащиками, или губными старостами⁽¹⁰¹⁾; послѣднее названіе сдѣлалось вскорѣ господствующимъ. Въ то же время для наблюденія надъ ними учреждено было особое высшее, центральное мѣсто въ Москвѣ—Разбойная изба или Разбойный приказъ, первые слѣды котораго представляются въ 1539 году: въ Бѣлозерской губной грамотѣ 23 октября 1539 г. упоминаются бояре въ Москвѣ, которымъ разбойныя дѣла приказаны; а за тѣмъ Разбойный приказъ упоминается и во всѣхъ остальныхъ губныхъ грамотахъ и наказахъ послѣдующаго времени⁽¹⁰²⁾. Названіе «Раз-

⁽⁹⁹⁾ А. Э. I, 187; см. вообще губныя грамоты.

⁽¹⁰⁰⁾ А. Чеб.-Дмитр. о преступн. дѣйств. по русск. до-петр. прав. Учен. Зап. Казанск. Унив. 1862 г., выпускъ I, стр. 125.

⁽¹⁰¹⁾ См. вообще губн. грамоты: А. Э. I, 187, 192 и др. А. II. I; 31. А. Э. I, 330.

⁽¹⁰²⁾ А. Э. I, 187, 192, 194 и др. Неволина Образ. Упр. Рос. отъ Юліяна III до Петра В. т. VI, стр. 169—170.

бойная изба или Разбойный Приказъ» является не ранѣе въ 1571 г. въ 1682 г.; оно было пзмѣнено: съ этого времени Разбойный приказъ сталъ называться Разбойнымъ Сынскимъ Приказомъ, а въ 1682 г. просто Сынскимъ ⁽¹⁰³⁾. Поводомъ къ учрежденію этого приказа, какъ справедливо принимаетъ профессоръ Невольнъ, было умноженіе разбоевъ въ Россіи, а потому существованіе его должно было продолжаться до ихъ искорененія; но такъ какъ разбой не прекращался, то изъ временной комиссіи образованъ былъ постоянный приказъ, кругъ дѣйствія котораго простирался на всѣ части Россіи внѣ Москвы ⁽¹⁰⁴⁾.

На обязанность Разбойнаго приказа возложено было: 1) заботиться объ искорененіи вѣдомыхъ лихихъ людей; 2) наблюдать за правильнымъ отправленіемъ службы губнымъ начальствомъ; 3) вѣдать губныхъ старостъ судомъ, и 4) докладывать государю для рѣшенія дѣла, которыхъ губнымъ старостамъ по какимъ нибудь причинамъ рѣшать было не мочно. Для приказнаго строенія къ нему было приписано нѣсколько городовъ, управленіе которыхъ, вѣроятно, исполнѣ зависѣло отъ него. Въ вѣдѣніи Разбойнаго приказа находились так. обр. всѣ лица, которымъ порученъ былъ уголовный судъ на мѣстѣ; онъ рѣшалъ окончательно дѣла о вѣдомыхъ лихихъ людяхъ и наблюдалъ за ихъ наказаніемъ ⁽¹⁰⁵⁾.

Уголовный судъ на мѣстѣ вѣдали губные старосты. Округъ, въ которомъ они находились, назывался губою. Губа сперва означала округъ вообще; такъ въ Псковской Судной Грамотѣ мы уже встрѣчаемъ губскихъ старостъ (низшихъ должностныхъ лицъ, съ характеромъ болѣе полицейскимъ). Эти лица указываютъ на раздѣленіе псковской области на губы, которыя однако же не означали уголовныхъ присудовъ, такъ какъ губскіе старосты не вѣдали уголовныя дѣла исключительно, а были, по вѣроятному заключенію г. Энгельмана, низшими судебными властями и по дѣламъ о преступленіяхъ могли принимать только явку о ихъ совершеніи. Относительно дѣленія псковской области на губы, г. Энгельманъ дѣлаетъ догадку, что можетъ быть псковскія волости раздѣлялись на губы, начальниками которыхъ и были губскіе старосты ⁽¹⁰⁶⁾. Такимъ образомъ онъ принимаетъ губы за подраздѣленіе волости.

Съ значеніемъ уголовного присуда губа встрѣчается уже въ московскомъ государствѣ, не ранѣе XVI вѣка. Г. Дмитріевъ думаетъ, что губа означала сперва общину, получившую право собственной расправы по дѣламъ уголовнымъ, а потомъ вообще уголовный округъ, и что нужно дѣлать различіе между двумя значеніями губы: обширнымъ и тѣснымъ. Въ обширномъ смыслѣ, по его мнѣнію, губа означала городъ съ уѣздомъ, а въ тѣсномъ—округъ, заключавшій въ себѣ нѣсколько селеній и едва-ли не равнявшійся

⁽¹⁰³⁾ Ibid.

⁽¹⁰⁴⁾ Ibid.

⁽¹⁰⁵⁾ Улож. дл. XXI, 1, 6. 49, 99; Невол. *ibid.*

⁽¹⁰⁶⁾ И. Энгельмана: гражд. зак. Псков. Суд. Грам., стр. 108.

стану; это значеніе губы и есть древнѣйшее. Последнее положеніе г. Дмитріева, основанное между прочимъ на словахъ г. Калачова ⁽¹⁰⁷⁾, который говоритъ, что губою въ самомъ тѣсномъ значеніи называлось мѣсто, гдѣ производились губныя дѣла, какъ-то: губной станъ, губной дворъ, губная изба, не совсемъ справедливо. Очевидно, что г. Калачовъ, говоря, что губою въ тѣсномъ смыслѣ назывались губной станъ, губной дворъ и губная изба, неразумѣетъ подѣ губнымъ станомъ раздѣленія области на станы, съ которымъ будто бы совпадало дѣленіе на губы, какъ думаетъ г. Дмитріевъ; станъ у него означаетъ вообще мѣсто, гдѣ имѣлъ свое пребываніе, «стоялъ» губной староста; такъ что, если дѣйствительно иногда и совпадалъ станъ, какъ территоріальное дѣленіе, съ губою, то это должно принять за случай, не болѣе.

Раздѣленіе на губы не имѣло никакой правильности, по крайней мѣрѣ первоначально, что ясно видно уже изъ того, что предоставленіе татвннхъ и разбойныхъ дѣлъ вѣденію общинъ, отдѣльныхъ учрежденій или даже частныхъ лицъ было привилегією, а не общею законодательною мѣрою. Слѣдовательно въ губу входили только тѣ селенія, которыя испрашивали, или для которыхъ испрашивалась у правительства привилегія собственнаго преслѣдованія вѣдомыхъ лихихъ людей. Поэтому напр. мы встрѣчаемъ губныя грамоты, данныя только тѣмъ селеніямъ, которыя принадлежали извѣстному монастырю; такъ въ актахъ помѣщено нѣсколько губныхъ грамотъ селамъ и деревнямъ Троицко-Сергіева монастыря, губной наказъ селамъ Кириллова монастыря и др. На сосѣднія земли дѣйствіе ихъ не распространялось. Наконецъ губныя грамоты выдавались селамъ и волостямъ, принадлежавшимъ частнымъ лицамъ, по ихъ просьбѣ; такая грамота напр. была выдана царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ боярину Дмитрію Ивановичу Годунову ⁽¹⁰⁸⁾. Въ XVII вѣкѣ, при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, губа встрѣчается въ смыслѣ одного или даже двухъ уѣздовъ ⁽¹⁰⁹⁾.

Искорененіе вѣдомыхъ разбойниковъ и татей въ губѣ и судъ надъ ними принадлежалъ, какъ мы уже сказали, губнымъ старостамъ. Когда жителямъ губы предоставлялось губною грамотою право собственнаго суда и расправы по дѣламъ о вѣдомыхъ лихихъ людяхъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвалось избрать губнаго старосту всѣми жителями извѣстнаго округа. Выборы должны были быть, кажется, единогласныя; по крайней мѣрѣ такъ можно заключить изъ выражений большинства губныхъ грамотъ: «какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бѣ свѣтятся всѣ заодно, учинили собѣ въ тѣхъ своихъ волостяхъ въ головахъ и проч. ⁽¹¹⁰⁾. Если губная грамота давалась какому нибудь частному лицу, то отъ него воинѣ зави-

⁽¹⁰⁷⁾ Н. Калачовъ О. суд. Юрид. Зап. Рѣдника т. II, стр. 370.

⁽¹⁰⁸⁾ А. Э. I, 194, 241, 224, 330. Уголовные законы царя и Великаго Князя Іоанна IV Васильевича, Оболенскаго. Москва. 1841

⁽¹⁰⁹⁾ Дмитр. Ист. Суд. Ист., стр. 52

⁽¹¹⁰⁾ А. Э. I, 187, 194; А. II I, 31.

сѣло и назначеніе губнаго старосты. Такъ, въ губной грамотѣ селамъ п волостямъ боярина Дмитрія Ивановича Годунова сказано, что въ губные старосты крестьяне избираютъ „того, «кого велитъ выбрать бояринъ» (111). Губные старосты производили судъ въ губной избѣ; на судѣ ихъ присутствовали особые губные цѣловальники, которые избирались одними сошными людьми: «а на судѣ у нихъ быти губнымъ цѣловальникомъ по выборомъ сошныхъ людей (112). Письменною частью завѣдывалъ губной дьякъ или дьячекъ, который былъ избираемъ, какъ п губной староста, также всѣми жителями губы (113). По окончаніи выборовъ, избранные въ губные старосты, въ губные цѣловальники п въ губные дьяки должны были ѣхать въ Москву для принятія присяги, къ которой они приводились въ Разбойномъ приказѣ; безъ этого они не должны были ни подъ какимъ видомъ вступать въ отправление должности: «а безъ крестнаго цѣлованья у дѣла имъ не быти ни которыми дѣлы» (114). Судомъ вѣдался они въ Разбойномъ приказѣ (115). Послѣ присяги губной староста получалъ изъ Разбойнаго приказа наказъ, на основаніи котораго п долженъ былъ производить судъ п расправу. По приѣздѣ на мѣсто онъ долженъ былъ немедленно озаботиться устройствомъ для заключенія вѣдомыхъ лихихъ людей тюремъ п опредѣлить къ нимъ сторожей, по порученіямъ записамъ сошныхъ людей; сторожа находились п въ губной избѣ, куда были опредѣляемы такимъ же образомъ, какъ п тюремные, т. е. за поручами сошныхъ людей. За тѣмъ въ распоряженіи губнаго старосты состояли низшіе служители: недѣльщики, палачи п бирчи (116).

Условія для занятія должности губнаго старосты выставлены слѣдующія: 1) грамотность, 2) прожиточность п 3) классъ. Губныхъ старостъ повелѣвалось избирать только изъ боярскихъ дѣтей, годныхъ для губнаго дѣла (которыхъ съ губное дѣло станеть) (117).

О числѣ губныхъ старостъ п цѣловальниковъ въ губѣ точныхъ постановленій губныя грамоты не даютъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сказано, что жители избираютъ губныхъ головъ въ волости чело- вѣка три или четыре, да съ ними старостъ, десятскихъ п лучшихъ людей человекъ пять или шесть. Иногда ихъ было п меньше; такъ для цѣлаго города Бѣлоозера съ уѣздомъ назначаются только два губные старосты п при этомъ не опредѣлено, сколько должно было состоять при нихъ цѣловальниковъ. Встрѣчаются, наконецъ, грамоты, въ которыхъ устанавливается на цѣлую губу только одинъ губной староста (118). Срока службы губныхъ старостъ также не

(111) Уголов. зак. цар. п велик. кн. Ив. IV. Оболенскаго.

(112) А. И. III, 167 ст. 56. А. Э. I, 224, 281, 330 п др.

(113) А. И. III, 167 ст. 57.

(114) Ibid ст. 59.

(115) Ibid ст. 60.

(116) А. И. III, 167, 58 ст. А. Э. I, 330; II. 19.

(117) А. Э. I, 187, 192, 194, 330.

(118) А. Э. I, 187, 194, 224, 330. Дополн. къ А. И. I, 31.

было установлено;—кажется, что смѣна ихъ зависѣла главнымъ образомъ отъ избирателей.

Губные цѣловальники избирались обыкновенно на одинъ годъ изъ крестьянъ, съ сохъ, со всѣхъ земель, за исключеніемъ дворянскихъ и посадскихъ. При опредѣленіи ихъ на должность соблюдалась очередь между волостями и селами, такъ какъ обязанность отправлять эту должность была повинностью. Такъ, опредѣлено брать въ цѣловальники сперва изъ большихъ помѣстій и вотчинъ, потомъ изъ среднихъ и наконецъ изъ меньшихъ; но не сказано, какія именно помѣстья и вотчины должно считать большими, средними и меньшими (¹¹⁹).

Губные старосты не получали никакого вознагражденія за свою службу, поэтому и постановлено избирать ихъ изъ людей прожиточныхъ. Изъ царскаго наказа Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ 12 марта 1571 года (¹²⁰) видно, что посланы съ татинныхъ и разбойныхъ дѣлъ (по два алтына съ рубля) шли не въ пользу губныхъ старостъ, а были отсылаемы ими въ Разбойный приказъ; но и это постановленіе есть исключеніе, потому что самыя пошлины съ дѣлъ о вѣдомыхъ лихихъ людяхъ упоминаются только въ одномъ этомъ памятникѣ и, кажется, вполне справедливо будетъ принять, что онѣ на судѣ губныхъ старостъ вообще не взимались.

Губные цѣловальники, дьячки, сторожа, палачи и бирючи получали отъ опредѣлившаго ихъ земства денежное содержаніе, подмогою же со стороны жителей не пользовались (¹²¹).

Обязанности губныхъ старостъ опредѣлены были слѣдующимъ образомъ: 1) они должны были розыскивать и ловить вѣдомыхъ разбойниковъ и татей, и заботиться о томъ, чтобы не было въ ихъ округахъ разбойничьихъ становъ и пріѣздовъ; 2) судить вѣдомыхъ лихихъ людей, и 3) казнить ихъ смертию или налагать другія наказанія, по мѣрѣ ихъ вины, безъ доклада (¹²²).

Такимъ образомъ губные старосты даже вначалѣ, при самомъ ихъ введеніи, имѣли и судебную и полицейскую власть, а не были, какъ думаетъ г. Дмитріевъ (¹²³), только помѣщиками разбойниковъ. Замѣтимъ кстати, что ближайшее опредѣленіе обязанностей губныхъ старостъ едва-ли возможно, такъ какъ они опредѣлялись не только губными грамотами и наказами, но и постановленіями непосредственнаго ихъ начальства, напр. монастырскаго собора.

Судъ губные старосты должны были производить по крестному цѣлованью, вправду, безъ хитроты, другу не дружить, а недругу не мстить, посуловъ и поминковъ не брать. Ближайшее наблюде-

(¹¹⁹) А. Э. I, 187 и др. А. Э. II, 19.

(¹²⁰) А. Э. I, 281.

(¹²¹) А. Э. II, 19.

(¹²²) См. вообще Губныя грамоты и А. И. III, 167 ст. 42.

(¹²³) Дмитріевъ стр. 54.

ніе за безкорыстнымъ отправленіемъ ихъ должности поручено было самимъ же губнымъ старостамъ, которые должны были наблюдать другъ за другомъ, а высшій контроль, какъ мы уже сказали, принадлежалъ Разбойному приказу. На случай обвиненія старость въ недружбѣ или поноровѣ, которое могъ сдѣлать только истецъ, постановлено уже въ XVII вѣкѣ, что на его судѣ долженъ присутствовать много города губной староста (124).

Обязанности губныхъ дѣловальниковъ состояли въ томъ, что: 1) они присутствовали на судѣ губныхъ старость, 2) исполняли ихъ порученія, напр. въ началѣ производили обыскъ, 3) въ ихъ ближайшемъ, непосредственномъ завѣдываніи находились тюрьмы, и наконецъ 4) они же собирали деньги на жалованье себѣ и всѣмъ тѣмъ лицамъ, которые получали его въ губномъ вѣдомствѣ, и о которыхъ сказано выше (125).

Что касается до отношеній губныхъ старость къ другимъ вѣдомствамъ, то они de jure не находились въ зависимости ни отъ кого; дѣйствія ихъ были совершенно самостоятельны по отношенію къ суду вѣдомыхъ разбойниковъ. Только при введеніи губныхъ учреждений въ судѣ губныхъ старость надъ татями участвовали областные правители (126), о чемъ упоминается впрочемъ только въ одномъ губномъ наказѣ селамъ Кириллова монастыря 27 сентября 1549 г., но и татей вскорѣ же начали судить только одни губные старосты.

Не смотря на совершенно ясное постановленіе Судебника 1550 года, по которому намѣстники и волостели судятъ всѣ вообще лихія дѣла, кромѣ разбоя, подлежащаго суду губныхъ старость, постановленіе, которымъ повелѣвается губнымъ старостамъ: «опричь вѣдомыхъ разбойниковъ у намѣстниковъ не вступатся ни во что», г. Калачовъ (127), на основаніи его, говорить, что губные старосты должны были только участвовать въ судѣ намѣстниковъ и волостелей по дѣламъ вѣдомыхъ разбойниковъ, приказывая судить эти дѣла не по Судебнику, а по губнымъ грамотамъ. Но, очевидно, такое мнѣніе несправедливо, особенно если взять во вниманіе изданныя около этого времени губные указы; въ нихъ прямо видна полная самостоятельность губныхъ старость въ судѣ вѣдомыхъ разбойниковъ.

Со введеніемъ воеводъ, какъ постоянной и общей формы управленія для дѣлой Россіи, эти послѣдніе стали участвовать не только въ гражданскомъ, но и въ уголовномъ судѣ, поэтому губные старосты должны были стать въ извѣстное, зависимое отъ нихъ положеніе. Самое избраніе ихъ мѣстными жителями производилось по распоряженію воеводы, а въ вѣкоторыхъ даже мѣстахъ губные старосты прямо назначались ими (128). Слѣдствіе и судъ въ дѣлахъ татинныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ производили губные ста-

(124) А. И. III, 167, 61.

(125) Ibid. ст. 68. А. Э. II, 19.

(126) А. Э. I, 224.

(127) Калачова о Суд. Юр. Зап. Рѣдвпна т. I, стр. 55—56.

(128) А. Э. II, 19.

росты и цѣловальники подѣ главнымъ вѣдѣніемъ воеводѣ, а въ тѣхъ городахъ, гдѣ губныхъ старость не было, обязанности производства слѣдствія и суда прямо поручались воеводѣ подѣ наблюдениемъ Разбойнаго приказа. Вообще говоря, воевода не былъ прямымъ начальникомъ губныхъ старость, но имѣлъ ближайшее отношеніе къ уголовному судопроизводству. Ему поручено было: 1) заботиться о предупрежденіи и искорененіи разбоевъ, 2) дѣлать распоряженія о производствѣ слѣдствій, 3) наблюдать за исполненіемъ уголовныхъ приговоровъ, и 4) надзирать за тюрьмами (¹²⁹).

Предоставленіе общинамъ права собственнаго суда и расправы надъ вѣдомыми лихими людьми было, какъ мы сказали, привилегіею, которую онѣ испрашивали для того, чтобы избавиться отъ причиняемыхъ сыщиками волокиты и убытковъ, и уже поэтому губные старосты не были учрежденіемъ повсемѣстнымъ, какъ думаетъ г. Дмитриевъ (¹³⁰), который говоритъ, что Иванъ Грозный ввелъ губныхъ старость, какъ общее повсемѣстное учрежденіе, и что съ этого времени избраніе ихъ стало обязательнымъ для каждаго уѣзда. Такого заключенія слѣдуетъ нельзя; напротивъ, сохранилось достаточно грамотъ отъ второй половины XVI ст., изъ которыхъ прямо видно, что было очень много такихъ мѣстностей, гдѣ губныхъ старость вовсе не было, и что учрежденіе ихъ съ установленіемъ въ общинахъ собственнаго управленія и суда по всѣмъ вообще дѣламъ не было уже необходимо. При Иванѣ IV, со второй половины XVI ст., намѣстники и другіе областные правители уничтожаются, а судъ и администрація переходятъ къ земству, къ выборнымъ отъ него излюбленнымъ головамъ или земскимъ судьямъ, и цѣловальникамъ. Этимъ выборнымъ лицамъ передаются въ числѣ прочихъ и губныя дѣла въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ губныхъ старость не было; такъ, въ Важской уставной грамотѣ 21 марта 1552 г. сказано: «а учинится у нихъ душегубство на посадѣ или въ станѣхъ и въ волостѣхъ, и они вѣдомаго душегубца поймають, посадскіе люди всѣмъ посадомъ, а въ станѣхъ и въ волостѣхъ поймають становые хрестьяне или волостные хрестьяне, а животы его и статки переписууть да запечатають, а душегубца, и живота его переписавъ списокъ, отдадутъ тѣмъ же своимъ излюбленнымъ головамъ: и тѣ ихъ излюбленные головы того душегубца судятъ и обыскивають, да вѣдомъ изъ душегубцова живота искъ платятъ» (¹³¹). Изъ этого постановленія невидно, чтобы губныя дѣла поручены были излюбленнымъ головамъ на время, до введенія губныхъ старость; напротивъ, скорѣе должно считать это за общее правило, потому что даже тамъ, гдѣ губные старосты были, все-таки сыскъ и судъ вѣдомыхъ лихихъ людей производился не однимъ ими, а вмѣстѣ съ выборными головами или судьями (¹³²). Разница

(¹²⁹) И. Андреевскаго: о намѣстникахъ, воевод. и губер., стр. 100 и слѣд.

(¹³⁰) Ист. Суд. Инст., стр. 53.

(¹³¹) А. Э. I, 234.

(¹³²) А. И. I, 165. А. Э. I, 257; А. Э. II, 52.

въ судѣ губныхъ старостъ и излюбленныхъ головъ состояла въ томъ, что если излюбленные головы судили уголовныя дѣла безъ губныхъ старостъ, то не могли рѣшать окончательно дѣлъ о грабежѣ, разбоѣ и татѣбѣ съ поличнымъ ⁽¹³³⁾.

Кромѣ губныхъ старостъ, излюбленныхъ головъ и цѣловальниковъ, главною обязанностью которыхъ былъ судъ надъ вѣдомыми лихими людьми, были установлены еще особыя лица, заботившіяся только объ охраненіи извѣстнаго участка отъ вѣдомыхъ лихихъ людей и о поимкѣ ихъ; судебной власти они не имѣли. Эти лица были прикащики, старосты (но не губные), сотскіе (на 100 дворовъ), пятидесятскіе (на 50 дворовъ) и десятскіе (на 10 дворовъ) ⁽¹³⁴⁾. Они обязаны были смотрѣть за тѣмъ, чтобъ въ ихъ участкахъ не было лихихъ людей, отыскивать ихъ и доставлять въ губнымъ старостамъ ⁽¹³⁵⁾. Въ приговорной грамотѣ Троицко-Сергіевскаго монастырскаго собора 31 октября 1555 года изложены правила, какимъ образомъ сотскіе должны были брать лихаго человѣка, а именно: если въ участкѣ сотскаго овазывался лихой человѣкъ, то онъ не долженъ былъ арестовывать его, а только увѣдомить посельскаго и старосту, на обязанности которыхъ лежало доставить его къ губному старостѣ ⁽¹³⁶⁾. Старосты, сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе наблюдали, далѣе, чтобы въ ихъ участкахъ не жили беззавочно пріѣзжіе и вообще неугошніе, незнаемые люди. Явка совершалась слѣдующимъ образомъ: пріѣзжіи должны были быть представлень десятскому тѣмъ изъ находящихся въ его участкѣ жителямъ, у котораго онъ остановился; десятскій являлъ его пятидесятскому, а этотъ послѣдній—сотскому. Всѣ они вмѣстѣ осматривали этого незнаемаго человѣка и записывали его имя и мѣсто, откуда онъ прибылъ. Если являемый не давалъ о себѣ свѣдѣній, то задерживался, какъ подозрительный, до тѣхъ поръ, пока произведли о немъ обыскъ, который имѣлъ послѣдствіемъ или освобожденіе его, въ случаѣ одобренія, или выдачу губному старостѣ, при обличованіи.

Надо замѣтить, что всѣ вообще жители извѣстной мѣстности имѣли обязанности по отношенію къ искорененію въ ней лихихъ людей, обязанность, которую они добровольно приняли ее на себя; такъ, жители села или деревни должны были ѣздить на поимку разбойниковъ туда, куда они сврывались по совершеніи преступленія, если послѣднее произошло въ ихъ околоткѣ (позднѣе этотъ порядокъ былъ измѣненъ тѣмъ, что губной староста посылалъ съ цѣловальникомъ грамоту къ губному старостѣ той губы, куда сврывался преступникъ, съ требованіемъ выслать его къ нему, послѣ предварительныхъ обысковъ, на судъ). Жители отвѣчали не только за укрывательство лихихъ людей, но и за то, что не ловили ихъ,

⁽¹³³⁾ А. И. I, 165. А. Э. I, 257, III, 36.

⁽¹³⁴⁾ А. Э. I, 137, 192, 194. Допол. къ А. И. I, 31 и др.

⁽¹³⁵⁾ А. Э. I, 234, 250; II, 52.

⁽¹³⁶⁾ А. Э. I, 244.

пмѣя къ тому возможность; отвѣтственности подвергались, разумѣется, и старосты, сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе, только съ тою разницею, что отвѣтственность послѣднихъ, какъ лицъ оффиціальныхъ, была гораздо большая ⁽¹³⁷⁾.

Кромѣ изложенныхъ обязанностей, лежавшихъ на старостахъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, они должны были наблюдать еще за тѣмъ, чтобы въ волости ихъ не было скомороховъ, волхвовъ и бабъ ворожей,—лицъ, которыя также причислены были, по изложеннымъ выше причинамъ, къ разряду лихихъ людей; они же должны были смотрѣть, чтобы никто не держалъ у себя корчемъ и блядни, чтобы не было игры въ зернь и кости п. т. п. ⁽¹³⁸⁾. Вообще можно сказать, что они были чисто полицейскими властями и обязаны были наблюдать за безопасностью и благочиніемъ въ своихъ участкахъ.

Въ должности старостъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ предписывалось избирать крестьянъ, которые были бы собою добры и прямы и всѣмъ крестьянамъ любя, и по избраніи приводить ихъ къ присягѣ. Въ выборахъ ихъ участвовали только крестьяне ⁽¹³⁹⁾.

Изъ установленія особыхъ должностныхъ лицъ для поимки въ общинахъ лихихъ людей, видно, что у правительства была цѣль отдѣлать полицейскую дѣятельность отъ судебной, предоставивъ только послѣднюю губнымъ старостамъ; и хотя оно не сдѣлало вполнѣ такого раздѣленія полицейской и судебной власти, но изъ установленія особыхъ лицъ, которымъ ввѣренъ былъ полицейскій надзоръ, слѣдуетъ, что губные старосты суть преимущественно судьи, а не исключительно поимщики разбойниковъ, какъ думаетъ г. Дмитріевъ.

2) Разсмотримъ теперь постановленія о подсудности вѣдомыхъ лихихъ людей.

За общее правило можно принять, что подсудность въ дѣлахъ о вѣдомыхъ лихихъ людяхъ опредѣлялась мѣстомъ совершенія преступленія: каждый лихой человекъ судимъ былъ губнымъ старостою той губы, въ которой онъ совершилъ преступленіе; такъ что преступникъ, совершившій преступленіе въ одной губѣ и скрывшійся въ другой, вытребовывался на судъ губнымъ старостой той губы, гдѣ онъ совершилъ преступленіе. Губной староста, которому былъ подсуденъ преступникъ, посылалъ грамоту къ губному старостѣ того округа, куда онъ скрылся, чтобы послѣдній, поймавъ и обыскавъ названнаго въ ней лихаго человека, отослалъ его къ нему вмѣстѣ съ обыскнымъ спискомъ. Грамота эта отсылалась съ цѣловальникомъ, который долженъ былъ вручить ее при свидѣтеляхъ на случай жалобы въ Разбойный приказъ, еслибы губной староста не исполнилъ изложенныхъ въ ней требованій.

⁽¹³⁷⁾ А. Э. I, 187, 194, 224. Допол. къ А. И. I, 31.

⁽¹³⁸⁾ А. Э. II, 52.

⁽¹³⁹⁾ А. Э. I, 250, 194 и др.

Мѣсто нахождения преступника имѣло слѣдующее вліяніе на подсудность: вѣдомый лихой человѣкъ подлежалъ суду старосты той губы, гдѣ находился, если даже преступленіе совершено было имъ въ другой губѣ, если только подлежащимъ губнымъ начальствомъ онъ не былъ потребованъ къ своему суду. Такъ пріѣзжіе люди, если они оказывались лихими, были судимы мѣстнымъ губнымъ старостой⁽¹⁴⁰⁾.

Въ видахъ судебной гарантіи для преступниковъ, запрещалось судить ихъ за совершенныя ими преступленія тѣмъ губнымъ старостамъ, въ округахъ которыхъ было совершено преступленіе, безъ представителей общины, къ которой они принадлежали.

Наконецъ относительно подсудности въ дѣлахъ уголовныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ опричнинѣ и земщинѣ, находимъ слѣдующее постановленіе: опричнинцы, пойманные земскими людьми въ разбоѣ или татѣбѣ, судились своимъ губнымъ старостою, вмѣстѣ съ губнымъ старостою того земства, въ которомъ были пойманы въ преступленіи, и наоборотъ: земскій человѣкъ, пойманный въ разбоѣ или татѣбѣ въ опричнинѣ, судился губнымъ старостою того земства, въ которомъ жилъ лихой человѣкъ, вмѣстѣ съ губнымъ старостою округа, гдѣ было совершено преступленіе. Въ обоихъ случаяхъ губной староста, въ округѣ котораго совершено было лихое дѣло, ѣхалъ съ пойманнымъ преступникомъ въ мѣсто его жительства. Въ малыхъ преступленіяхъ старосты не ѣздили другъ къ другу и не составляли смѣстнаго суда, а только посылали одинъ къ другому лихихъ людей съ цѣловальниками на очную ставку. Что должно разумѣть подъ малыми преступленіями,—не опредѣлено; вѣроятно это были тѣ, которыя преслѣдовались изъ полицейскихъ видовъ и не имѣли характера лихаго дѣла⁽¹⁴¹⁾.

Обвиненіе кого либо въ лихомъ дѣлѣ, сдѣланное лихимъ человѣкомъ, не служило основаніемъ для потребованія губнымъ старостою обвиненнаго къ своему суду, если онъ не совершилъ преступленія въ его губѣ, или не имѣлъ въ ней своего мѣстопробыванія. Такъ, если разбойникъ называлъ своихъ товарищей, жившихъ въ иныхъ городахъ, то губной староста, который получалъ такое признаніе, долженъ былъ посредствомъ грамоты извѣстить губнаго старосту той губы, гдѣ находились указанные товарищи пойманнаго, чтобы онъ «поймалъ ихъ, обыскавъ и доведши, разнилъ по губнымъ грамотамъ»⁽¹⁴²⁾.

Всѣ изложенныя правила о подсудности, за исключеніемъ перваго, какъ общаго, суть исключенія.

III. Моменты розыска.

Въ этомъ отдѣлѣ намъ необходимо обратить вниманіе на три вопроса: 1) на способы возникновенія сыскаго дѣла; 2) на дока-

⁽¹⁴⁰⁾ А. Э. I, 192, 194.

⁽¹⁴¹⁾ А. Э. I, 194, 281, 330.

⁽¹⁴²⁾ А. Э. I, 187, 194. Доп. къ А. И. I, 31.

зательства виновности подсудимаго и 3) на окончаніе дѣла, т. е. приговоръ.

Нельзя сказать, чтобы смыслъ вовсе былъ неизвѣстенъ древней Руси, что онъ есть исключительно результатъ развитія государственности, и что потому въ древнія времена о немъ не могло быть и рѣчи. Лучшимъ доказательствомъ противнаго служатъ напр. нѣкоторыя постановленія Псковской Судной Грамоты, памятникъ, созданнаго народнымъ вѣчемъ. Уже въ ея постановленіяхъ замѣтень зародышъ слѣдственной формы суда надъ нѣкоторыми преступленіями. Исслѣдователь Псковской Судной Грамоты, г. Энгельманъ⁽¹⁴³⁾, говоритъ, что «въ ней уже встрѣчаются первые слѣды различія процесса слѣдственного отъ исковаго. Хотя слѣдственное судопроизводство является только что въ зародышѣ и еще не отрѣшилось отъ исковаго; но уже проявляетъ свой отличительный характеръ въ нѣкоторыхъ особенностяхъ, отступленіяхъ отъ общаго (исковаго) порядка судопроизводства, къ которому оно относится, какъ видъ къ своему роду».

Эти зародыши слѣдственности въ Псковской Судной Грамотѣ заключаются: 1) въ явкѣ, т. е. объявленіи о совершенномъ преступленіи для облегченія его преслѣдованія⁽¹⁴⁴⁾, 2) въ обыскѣ въ дѣлахъ о татѣбѣ⁽¹⁴⁵⁾ и, наконецъ, 3) въ распросѣ въ дѣлахъ о боѣ и грабежѣ⁽¹⁴⁶⁾.

Въ памятникахъ конца XV и первой половины XVI ст. также можно замѣтить нѣкоторые элементы слѣдственного процесса въ судѣ надъ вѣдомыми лихими людьми. Въ нихъ почти не опредѣленъ порядокъ суда надъ ними; но ужъ изъ самаго названія «вѣдомый», выходитъ, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые элементы розыска примѣнялись и въ это время. Это же положеніе подтверждаетъ испитутъ сыщиковъ или общниковъ, которые, какъ извѣстно, должны были вмѣстѣ съ крестьянами ходить на обыскъ вѣдомыхъ разбойниковъ. Въ Судебникахъ и за тѣмъ въ губныхъ наказахъ и Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа элементы слѣдственного процесса являются болѣе опредѣленными, а потому мы и обратимъ вниманіе главнымъ образомъ на послѣдніе два рода памятниковъ, такъ какъ они только и составляютъ предметъ нашего изслѣдованія.

1) Когда въ первой половинѣ XVI ст. судъ надъ дѣлами разбойными, а за тѣмъ тативыми, и наконецъ въ XVII в. дѣлами о смертоубійствѣ отошелъ къ общинамъ, на которыя возложена была довольно строгая отвѣтственность, если въ средѣ ихъ находился вѣдомый лихой человекъ, то естественно, что и обвиненіе въ лихомъ дѣлѣ принадлежало съ одной стороны цѣлой общинѣ, а съ другой каждому отдѣльному ея члену; отсюда два повода къ началу сыск-

⁽¹⁴³⁾ Гражд. Зак. Псков. Суд. Грам. Стр. 156.

⁽¹⁴⁴⁾ Ibid. §§ 156, 157, стр. 153—160.

⁽¹⁴⁵⁾ Ibid. § 108 стр. 160.

⁽¹⁴⁶⁾ Ibid. Гл. «Судопроизвод. о боѣ и грабежѣ» стр. 166.

паго дѣла: обвиненіе кого-либо въ лихомъ дѣлѣ посредствомъ обвинительнаго обыска и частными лицами. Для наблюденія за тѣмъ, чтобы въ общинахъ не имѣли своего пребыванія лихіе люди, были установлены опредѣленныя полицейскія власти; поэтому естественно, что найденный ими лихой человѣкъ ими же могъ быть и обвиненъ; такимъ образомъ обвиненіе въ лихомъ дѣлѣ полицейскою властью было верѣдкимъ поводомъ къ началу сыска; наконецъ уже въ теченіи дѣла обвиняемые могли указать на своихъ товарищей, — вотъ четвертый способъ возникновенія сыска.

И такъ поводовъ, по которымъ могло быть начато сыскное дѣло, было четыре: а) лихованный обыскъ, б) частная жалоба, в) донесеніе полицейскаго начальства и г) оговоръ.

а) Повальный обыскъ въ губномъ производствѣ имѣлъ двойное значеніе: съ одной стороны служилъ поводомъ для начатія сыскаго дѣла, а съ другой—судебнымъ доказательствомъ. Здѣсь собственно слѣдуетъ сказать о повальномъ обыскѣ только въ первомъ его значеніи, но провести границы между обыскомъ, какъ судебнымъ доказательствомъ, и т. наз. лихованнымъ обыскомъ, невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, когда судъ начинался на основаніи лихованнаго обыска, то онъ служилъ и судебнымъ доказательствомъ; отдѣльнаго обыска не производили. Объяснить сущность лихованнаго обыска дѣло не легкое. Въ губныхъ наказахъ и въ Уставной Книгѣ въ каждой статьѣ имѣется въ виду истецъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаются и такіе случаи, когда истцовъ нѣтъ, когда слѣдовательно дѣло начиналось или на основаніи лихованнаго обыска, или оговора, или, наконецъ, подозрѣнія полиціи. слѣдовательно лихованный обыскъ можно считать за самостоятельный способъ начала сыскаго дѣла. Но въ ст. 18 Уставной Книги сказано, что истецъ могъ начать дѣло розыскомъ только на основаніи полицнаго или лихованнаго обыска, или язычной молки, слѣдовательно можно думать, что оба послѣдніе способа обвиненія не были самостоятельны, а всегда предполагали истца, что прямо противорѣчитъ тѣмъ постановленіямъ, въ которыхъ повелѣвается производить сыскъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда истцовъ нѣтъ, но когда на обыскъ указавъ кто либо, какъ вѣдомый лихой, или оговоренъ преступникомъ на пыткѣ. Относительно лихованнаго обыска можно замѣтить, что губной староста, при облихованіи кого нибудь, спрашивалъ обыскныхъ, какое именно лихое дѣло совершилъ облихованный; слѣдовательно всегда находился истецъ, и поэтому обыскъ не служилъ поводомъ для начала розыскаго дѣла. Но если обыскные не могли представить т. наз. довода, т. е. самыхъ фактовъ, на которыхъ они основывали свое мнѣніе, то черезъ это дѣло не прекращалось, а слѣдствіе шло своимъ чередомъ. Можно было бы думать, что въ приведенной статьѣ дѣло идетъ о вступленіи истца въ процессъ, но на этотъ вопросъ находимъ отвѣтъ отрицательный; такъ что значеніе обвинительнаго обыска остается неяснымъ.

Обратимся теперь къ сущности повального обыска вообще въ этомъ періодѣ. Въ этомъ отношеніи нельзя не обратить вниманія

на мѣнѣе профессора Чебышева-Дмитріева, которое можно считать за господствующее. Г. Чебышевъ-Дмитріевъ ⁽¹⁴⁷⁾ видитъ въ обыскѣ, какъ онъ является въ XVI ст., остатокъ прежняго самовластія общинъ, когда онѣ, пользуясь полною автократіею и автономіею, рѣшала вопросъ о выдачѣ или невыдачѣ на судъ князя преступниковъ. Но автократическія и автономическія стремленія общинъ уступили мѣсту государственнѣмъ понятіямъ Московскихъ князей, а потому и обыскъ, напомнившій эти стремленія общинъ, долженъ былъ, подъ вліяніемъ правительства, измѣнить свое значеніе, и вмѣсто того, чтобы служить къ опредѣленію качества подсудимаго, онъ отвѣчалъ на вопросъ—совершилъ ли тотъ или другой человѣкъ извѣстное преступленіе, или нѣтъ, другими словами—обыскъ сошелъ на степень простаго свидѣтельскаго показанія. «Вопросъ, добрый или лхой человѣкъ подсудимый, предлагавшійся обыскнымъ людямъ, говоритъ г. Чебышевъ-Дмитріевъ, былъ вѣроятно остатокъ прежняго времени, когда мѣнѣе общины о личныхъ качествахъ подсудимаго рѣшало его судьбу на судѣ; теперь же форма вопроса не соответствовала уже сущности требуемаго отвѣта».

Принять это мѣнѣе во всей полнотѣ нельзя; въ XVI ст. повальный обыскъ былъ еще однимъ изъ главныхъ судебныхъ доказательствъ, хотя съ нимъ въ свѣтъ были сравнены и другія. Не пользуясь прежнимъ безусловнымъ довѣріемъ правительства, онъ все-таки въ это время не сошелъ еще на степень свидѣтельскихъ показаній, что было сдѣлано только новоуказанными статьями во второй половинѣ XVII ст.

Правила о производствѣ какъ обвинительнаго обыска, такъ и обыска, какъ судебного доказательства, одинаковы и изложены во многихъ сочиненіяхъ. Для полноты и мы должны сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Губной староста, по принятіи въ Разбойномъ приказѣ присяги и по полученіи отъ него наказа, приказывалъ собраться со всего своего округа чернецамъ, попамъ, дяконамъ, прикащикамъ, старостамъ, цѣловальникамъ и крестьянамъ,—съ выти по человѣку; послѣ того какъ всѣ означенныя лица съѣзжались въ указанное мѣсто, губной староста производилъ допросъ лицамъ духовнаго званія по священству и плоческому обѣщанію, а прочимъ—по государеву крестному цѣлованью ⁽¹⁴⁸⁾, кто у нихъ въ селахъ и деревняхъ лхіе люди—тати и разбойники, къ кому они пріѣзжаютъ и разбойную рухлядь привозятъ, отъ кого на разбой ѣздятъ и кому добытое разбоемъ имущество продаютъ за разбойное. Если обыскныя указывали лхихъ людей, то губной староста долженъ былъ распросить, какое именно лхое дѣло совершили они (что

⁽¹⁴⁷⁾ О прест. дѣйств. по руск. до-петр. праву стр. 133 и слѣд.

⁽¹⁴⁸⁾ Г. Дмитріевъ (Ист. Суд. Инст. стр. 266) думаетъ, что обыскныя не должны были въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ принимать присяги, но что здѣсь разумѣется вообще присяга государю.

чье лихо), кто кого разбивалъ, къ кому именно прѣѣзжалъ съ разбой и отъ кого ѣздилъ на разбой.

Лихованный обыскъ губной староста производилъ или одинъ, или, какъ видно изъ губнаго наказа Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ 12 марта 1571 года, губные старосты и цѣловальники для обыска съѣзжались въ одно мѣсто, въ городъ Бѣлоозеро, и производилъ его всѣ вмѣстѣ. Отобранныя отъ обыскныхъ людей показанія записывались въ обыскные списки, къ которымъ грамотные изъ обыскныхъ людей прикладывали руки, а за неграмотныхъ подписывался ихъ духовный отецъ. Если кто оказывался оговореннымъ, то немедленно брался губными старостами, а имущество его переписывалось, запечатывалось и отдавалось на сохраненіе до рѣшенія дѣла ⁽¹⁴⁹⁾.

Обыскные люди не только имѣли право выдать лихаго человѣка, но это было ихъ обязанностью, потому что въ противномъ случаѣ они подвергались наказанію, которое выражалось то неопредѣленно: бытъ казненнымъ, то, какъ мы видѣли, назначалась денежная пеня и торговая казнь ⁽¹⁵⁰⁾.

б) Говоря о началѣ сыскаго дѣла на основаніи частной жалобы, мы должны прежде всего замѣтить, что въ разсматриваемомъ періодѣ она имѣетъ вліяніе преимущественное на возникновеніе его, а не на дальнѣйшій ходъ и прекращеніе, хотя и въ этомъ случаѣ вліяніе истца еще довольно значительно. Въ Псковской Судной Грамотѣ вліяніемъ истца на ходъ сыскаго процесса главнымъ образомъ и поражались его зачатки: дѣло не могло быть начато иначе, какъ по жалобѣ обвиняемаго, однакожъ исполненіе изъ этого правила, по мнѣнію г. Энгельмана, существовало не только по отношенію къ смертоубійству (головщинѣ) и извѣстнымъ случаямъ боя, но и по отношенію ко всѣмъ тѣмъ преступленіямъ, за которыми слѣдовало наказаніе смертью, слѣдовательно въ дѣлахъ о коневой татѣбѣ, зажигательствѣ, перевѣтничествѣ и вромской татѣбѣ, въ которыхъ истцомъ было само правительство. Но мнѣніе г. Энгельмана, основанное на статьѣ: «а штобы сынъ отца убилъ, или братъ брата, ино князю продажа» — относительно дѣлъ о смертоубійствѣ неубѣдительно, такъ какъ эта статья, по своей краткости и неопредѣленности, можетъ допустить нѣсколько однакоже вѣроятныхъ толкованій; относительно же другихъ преступленій въ грамотѣ нѣтъ никакихъ указаній на то, какимъ образомъ по поводу ихъ начиналось дѣло. Въ уголовныхъ дѣлахъ, на основаніи Псковской Судной Грамоты, истецъ участвовалъ во всѣхъ судебныхъ дѣйствіяхъ, какъ предшествовавшихъ производству суда, такъ и слѣдовавшихъ за приговоромъ, и отказомъ отъ удовлетворенія, даже во время производства дѣла, могъ прекратить весь искъ и тѣмъ освободить преступника отъ всякой отвѣтственности: а на тати и на разбой-

(149) А. Э. I, 281, 194. А. И. III, 167, 1, 2 п др.

(150) А. Э. I, 330. А. И. III, 167 стр. 7 и др.

ниги же чего истецъ не возьметъ, пно и князю продажа не взяти⁽¹⁵¹⁾. Такимъ образомъ главнымъ двигателемъ процесса въ Псковской Судной Грамотѣ является истецъ. Въ уставныхъ грамотахъ начала XVI ст., а за тѣмъ еще болѣе въ Судебныхъ, преслѣдованіе лихихъ людей все болѣе и болѣе дѣлается принадлежностью общественной власти, а истецъ отодвигается на задній планъ. Дѣятельность истца въ ходѣ процесса мало-по-малу замѣняется дѣятельностью органовъ правительства, которое постоянно стремится къ тому, чтобы истецъ только начиналъ сыскное дѣло и за тѣмъ невмѣшивался въ его дальнѣйшій ходъ. Въ губныхъ грамотахъ и въ Уст. Кн. Разб. Пр. результатъ этого еще не достигнуть вполне, однако же дѣло значительно подвинуто ими впередъ. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ постановленіяхъ книги имѣется въ виду истецъ, но онъ только заявлялъ о совершившемся лихомъ дѣлѣ и о происшедшихъ отъ этого для него убыткахъ, за которые требовалъ вознагражденія. Онъ не былъ необходимъ даже и для начала процесса, который могъ быть начатъ и безъ него на основаніи одного обвинительнаго обыска, какъ видно изъ слѣдующаго постановленія: «а на которыхъ въ обыску скажутъ, что они лихіе люди, а исцевъ имъ нѣтъ: и старостамъ по тѣхъ людей по обыску посылати».....; словомъ, не смотря на отсутствіе истца, судъ все-таки начался⁽¹⁵²⁾. Такимъ образомъ истецъ имѣлъ значеніе только для начинала сыска; на это значеніе его прямо указываетъ 69 ст. Уст. Кн., въ которой опредѣлено брать выти и съ тѣхъ оговоренныхъ разбойниками лицъ, у которыхъ не будетъ истцовъ, потому что они уже удовлетворены изъ имущества попавшихся прежде ихъ въ томъ же преступленіи ихъ товарищей⁽¹⁵³⁾. Отсюда прямо видно содержаніе исковой челобитной въ дѣлахъ о вѣдомыхъ лихихъ людяхъ: она состояла въ просьбѣ удовлетворить изъ имущества преступника за нанесенный его дѣйствіемъ ущербъ. Обвиняя кого-нибудь въ лихомъ дѣлѣ и требуя вознагражденія за убытки, частное лицо могло находиться въ двоякомъ положеніи: 1) оно или не могло привести доказательствъ, которыя имѣли силу въ губномъ вѣдомствѣ на основаніи постановленій Разбойнаго Устава и губныхъ грамотъ, или 2) представляло требуемыя доказательства. Для того, чтобы началось сыскное дѣло, сперва достаточно было одного обвиненія, основаннаго на всякаго рода доказательствахъ, лишь бы только онѣ были; такъ въ царскомъ наказѣ Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ 12 марта 1571 года и въ Монастырскомъ наказѣ губному старостѣ Измрѣ Амосову 1586 года, находимъ слѣдующее постановленіе: «а на которыхъ людехъ исцы ищутъ розбоевъ, а на тѣхъ людей языки въ розбоѣхъ не говорятъ, а исцы oprичъ поля и крестнаго цѣлованья улики не учинятъ нѣко-

⁽¹⁵¹⁾ Энгельмана: Гражд. Зак. Псков. Суд. Гр. § 84, стр. 120, § 104 стр. 156 и 163.

⁽¹⁵²⁾ А. Э. I, 281.

⁽¹⁵³⁾ А. И. III, 167.

торые, и старостамъ про тѣхъ людей обыскивати».... Тоже самое повторяется и въ Уст. Кн. Разб. Пр. (154). Но боярскимъ приговоромъ при царѣ Федорѣ Ивановичѣ было запрещено сыскивать по такимъ обвиненіямъ, которыя не были подтверждены такими доказательствами, какия требовались въ сыскныхъ дѣлахъ, а велѣно отсылать такія дѣла пзъ Разбойнаго приказа въ Судный: «на которыхъ людей всцы бьютъ челомъ въ татбахъ и разбояхъ имянно, безъ полничнаго и безъ язычной молки, и не по лпхованнымъ обыскомъ и тѣхъ челобитчикомъ отсылати въ Судной приказъ, гдѣ кто судилъ (155). Слѣдовательно истецъ могъ обвинять кого либо въ лпхомъ дѣлѣ только съ точнымъ указаніемъ на совершенное преступленіе, на что указываетъ слово «имянно» въ приведенной и другихъ статьяхъ; обвиненія же въ лпхомъ дѣлѣ безъ такого указанія не принимались и, сверхъ того, въ подтвержденіе того, что отвѣтчикъ его есть вѣдомый лпхой человекъ,—долженъ былъ привести или лпхованный обыскъ, или полничное, или язычную молку. Изъ всего сказаннаго не трудно опредѣлится характеръ истца въ сыскомъ процессѣ: онъ былъ только ходатаемъ о восстановленіи своего права, нарушеннаго преступнымъ дѣйствіемъ. Но однако отъ прежняго времени, какъ бы въ воспомнаніе о прежнемъ значеніи истца въ уголовномъ процессѣ, сохранялось то, что онъ оказывалъ нѣкоторое вліяніе на порядокъ собранія доказательствъ, именно могъ потребовать употребленія одного доказательства вмѣсто другаго, не смотря на то, что требуемое имъ доказательство по законенному порядку должно было слѣдовать за тѣмъ, которое онъ хотѣлъ обойти: «а на которыхъ людей языки говорятъ въ розбоѣ, а всцы на нихъ учнутъ бити челомъ и на пытку ихъ просити и старостамъ тѣхъ людей до обыску пытати» (156). Не разомъ установился тотъ порядокъ производства сыскныхъ дѣлъ, который мы находимъ въ губныхъ наказахъ и Уст. Кн. Разб. Пр.; такъ., до XIV ст. допускались мировыя съ преступниками, которыя запрещаются въ уставныхъ грамотахъ отъ конца XIV до XVI вѣка только по дѣламъ о татбѣ съ полничнымъ: освобожденіе татя съ полничнымъ считалось самосудомъ и влекло опредѣленное денежное взыскаіе (157): по другимъ же преступленіямъ мировыя прямо не запрещены нигдѣ, а потому можно думать, что онѣ допускались и надо сказать, что мировыя съ преступниками до того были дѣломъ обыкновеннымъ, что встрѣчаются даже въ XVII ст. (158), хотя въ Уст. Кн. Разб. Пр. (159) запрещены положительно: «которыя всцы съ розбойникп или съ приводными людьми съ полничнымъ, въ разбойныхъ дѣлѣхъ не дождався указу, учнутъ мириться, и мировыя

(154) А. Э. I, 281, 330. А. И. III, 167, ст. 17.

(155) А. И. III, 167 ст. 18.

(156) А. Э. I, 281, 330.

(157) А. Э. I. 13, 123, 143, 144 и др.

(158) Дмитр. Ист. Суд. Инст., стр. 273.

(159) А. И. III, 167 ст. 41.

челобитные въ Приказъ учнутъ приносить, и тотъ ихъ миръ не въ миръ ставитъ и розбойникомъ указъ чинитъ по Государеву указу, кто чего доведется; а исцомъ за то неня чинитъ, смотря по дѣлу: не мирись съ розбойники». Вслѣдствіе этого постановленія должно было прекратиться вліяніе истцовъ и на окончаніе дѣла, такъ что они, за исключеніемъ дѣлъ о татѣбѣ съ полчинымъ, не принимали никакаго участія въ ходѣ процесса, а являлись только виновниками его возникновенія. Между истцами (подъ которыми мы разумѣемъ вообще частныхъ обвинителей) большимъ довѣріемъ пользовался господа въ отношеніи своихъ людей въ томъ отношеніи, что обвиненіе, направленное ими противъ ихъ собственныхъ крестьянъ, въ разбоѣ, татѣбѣ и подводѣ имѣло силу даже при отсутствіи требуемыхъ доказательствъ ⁽¹⁶⁰⁾.

в) Третьимъ поводомъ къ производству росиска служилъ оговоръ, сдѣланный на пытѣ пойманными уже преступниками. Такой оговоръ называется въ источникахъ язычною молвою и язычными молвами, смотря по количеству оговаривающихъ лицъ.

Различіе между оговоромъ, сдѣланнымъ однимъ лицомъ и многими, относится къ значенію язычной молвы и язычныхъ молговъ, какъ судебныхъ доказательствъ, а потому будетъ указано ниже.

г) Наконецъ четвертый и послѣдній поводъ къ началу розыска есть подозрѣніе полицейскихъ властей: прикащиковъ, старостъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, относительно пріѣзжихъ невѣстныхъ людей, которое основывалось на ихъ молчаніи или представленіи ими невѣрныхъ показаній. Заподозрѣнные отводились къ губному старостѣ или городовому прикащику, который замѣнялъ губного старосту тамъ, гдѣ его не было. Губной староста или городской прикащикъ долженъ былъ произвести обыскъ ⁽¹⁶¹⁾, рѣшившій или освобожденіе задержаннаго, или дальнѣйшее производство сыска.

II) Если обвиненіе было сдѣлано какимъ нибудь изъ вышеназженныхъ способовъ, то начинался самый розыскъ, первымъ актомъ котораго былъ допросъ обвиняемаго. Послѣ допроса слѣдовало собраніе доказательствъ, изъ которыхъ важнѣйшими были: 1) повальный обыскъ, 2) оговоръ, 3) полчное, 4) собственное признаніе обвиняемаго, 5) очная ставка и 6) разспросъ. Доказательства, употреблявшіяся при господствѣ для всѣхъ дѣлъ обвинительной формы процесса, въ XV и XVI вѣкѣ возбудили противъ себя недовѣріе правительства, а потому не были допущены въ розыскомъ процессѣ. Такимъ образомъ въ немъ мы уже не встрѣчаемся съ единымъ и присягою; они удержались только для судебныхъ дѣлъ. Мѣсто ихъ въ сыскныхъ дѣлахъ заняли другія средства знанія истины, изъ которыхъ важнѣйшимъ, кромѣ собственнаго признанія, былъ повальный обыскъ. Но и этому доказательству не вполнѣ

⁽¹⁶⁰⁾ Ibid. ст. 16.

⁽¹⁶¹⁾ А. Э. I, 244, 330, 192, 194.

довѣряло правительство; оно уже не предполагало въ общинахъ безпристрастнаго голоса, а потому повальный обыскъ, оставшійся до XVI ст. почти безъ всякихъ законодательныхъ опредѣленій, теперь былъ поставленъ въ строго опредѣленныя закономъ формы.

Какъ доказательство, повальный обыскъ появился прежде всего: 1) для дѣлъ межевыхъ, 2) для дѣлъ по апелляціи на неправильное или пристрастное рѣшеніе судьи и 3) для дѣлъ о разбоѣ и татѣбѣ. Съ теченіемъ времени кругъ примѣненія повальнаго обыска дѣлается все шире и шире, такъ что въ XVII ст. онъ распространился на дѣла о корчемствѣ, продажѣ табуку и мн. др. (¹⁶²). Какъ судебное доказательство въ дѣлахъ, подлежащихъ вѣденію губныхъ учреждений, повальный обыскъ только и долженъ составить предметъ нашего разсмотрѣнія. Мы обратимъ вниманіе на слѣдующіе вопросы: 1) на правила о производствѣ повальнаго обыска и на условія, которыя требовались отъ обыскныхъ людей, и 2) на его значеніе какъ судебного доказательства, въ губномъ вѣдомствѣ.

1) Обращаясь къ первому вопросу, мы разсмотримъ: а) лицъ, которыя производили обыскъ въ дѣлахъ татинныхъ и разбойныхъ; б) требуемое количество обыскныхъ людей и виды обыска и в) правила, обеспечивавшія правильность ихъ показаній.

а) Въ губныхъ учрежденияхъ повальный обыскъ по дѣламъ о татѣбѣ и разбоѣ производился губными старостами и цѣловальниками, или городовыми прикащиками, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ не было губныхъ старостъ (¹⁶³). Со времени введенія земскаго управленія Иваномъ IV, взлюбленные головы также стали участвовать въ производствѣ повальнаго обыска въ дѣлахъ татинныхъ и разбойныхъ вмѣстѣ съ губными старостами, тамъ гдѣ они были, или производили обыскъ одни, если послѣднихъ въ той мѣстности не было (¹⁶⁴). Впослѣдствіи, со введеніемъ воеводскаго управленія, обыскъ производили или сами воеводы, или они дѣлали только распоряженія о его производствѣ (¹⁶⁵). Кажется, первоначально обыскъ производился не только поименованными лицами, но и низшими служителями, состоявшими при судѣ, напр. недѣльщиками, поэтому въ Уст. Кн. Разб. Пр. выражено требованіе, чтобы недѣльщики не были включаемы въ губные наказаны и посылаемы въ обыскъ: «а недѣльщику съ губными старосты въ наказѣхъ не приписывать и въ обыски недѣльщиковъ не посылати» (¹⁶⁶). Лица, которымъ поручаемо было производство повальнаго обыска, должны были производить его по крестному цѣлованью, вправду безъ хитрости, другу не дружа и недругу не мстя (¹⁶⁷).

б) Въ памятникахъ разсматриваемаго періода требуемое количе-

(¹⁶²) Дмитр. Ист. Суд. Инст. стр. 263—264.

(¹⁶³) А. Э. I, 192, 194, 244 и слѣд.

(¹⁶⁴) А. Э. I, 234, 237; III, 36. А. И. I, 165.

(¹⁶⁵) Дмитр. Ист. Суд. Инст., стр. 265.

(¹⁶⁶) А. И. III, 167 ст. 62.

(¹⁶⁷) А. Э. I, 187, 192, 194, 330 и др. Дош. къ А. И. I, 31.

ство обыскныхъ людей не одинаково; общее въ нихъ только то, что требуемая ими цифра все растетъ и растетъ. По Судебнику Ивана III для удостовѣренія въ томъ, что приведенный съ поличнымъ есть вѣдомый тать, достаточно было заявленія пяти или шести человекъ (168). Этого постановленія въ царскомъ Судебникѣ уже нѣтъ, тамъ просто сказано, что для удостовѣренія въ качествѣ подсудимаго производится обыскъ (169).

Относительно количества обыскныхъ людей въ татѣбныхъ дѣлахъ по Судебнику Ивана III, можно считать общимъ правиломъ требованіе для обвиненія подсудимаго показаній 5 или 6 дѣтей боярскихъ дѣтей добрыхъ или такого же количества добрыхъ черныхъ людей—дѣловальниковъ. Въ Судебникѣ Царя Ивана Васильевича это количество увеличено: дѣтей боярскихъ требуется отъ 10 до 15, а черныхъ людей—дѣловальниковъ отъ 15 до 20 (170).

Въ уставныхъ грамотахъ, начиная отъ 1550 года, требуемое количество обыскныхъ людей все растетъ и растетъ; мѣнѣе полагается 50 человекъ: «а послушествуетъ на кого въ тѣхъ же дѣлѣхъ (т. е. татѣбныхъ и разбойныхъ) людей добрыхъ человекъ до пятидесяти и до ста и болѣ..... (171).

Въ губныхъ грамотахъ и Уст. Кн. Разб. Пр. нигдѣ не выставлено необходимаго количества обыскныхъ людей; но можно думать, что это количество не было менѣе требуемаго уставными грамотами.

Въ связи съ вопросомъ о необходимомъ количествѣ обыскныхъ людей находится вопросъ о родахъ повального обыска, которыхъ должно различать два: 1) собственно повальный обыскъ и 2) обыскъ окольными людьми. Кругъ примѣненія послѣдняго былъ очень ограниченъ. Какъ доказательство онъ употреблялся только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда требовалось узнать, была ли оказана помощь разбиваемымъ разбойникамъ, лицамъ, слышавшими ихъ крикъ и шли ли они, по требованію истца, на слѣдъ для отысканія преступниковъ. Въ этомъ случаѣ обыскъ производился «окольными людьми, которые въ тѣ поры были въ погонѣ или на слѣду» (172), и 2) когда нужно было удостовѣриться, о количествѣ сожженнаго разбойниками имущества: «дворовъ, гумень, стоячаго хлѣба и сѣна» (173).

Въ Кн. Разб. Пр. упоминается еще о большомъ повальномъ обыскѣ (обыскати большимъ повальнымъ обыскомъ), но различія между простымъ и большимъ повальнымъ обыскомъ не видно, поэтому мы принимаемъ ихъ за одинъ и тотъ же видъ. Выраженія: обыскати большимъ повальнымъ обыскомъ и обыскати многими

(168) Суд. Ив. III, ст. о поличномъ.

(169) Суд. Ив. IV, ст. 52.

(170) Суд. Ив. III, ст. о татѣхъ; Ив. IV, 58.

(171) А. И. I, 165; А. Э. I, 257; III, 36.

(172) А. И. III, 167, ст. 25.

(173) Ibid. ст. 51.

людьми (174), которое также нередко встречается въ нашихъ памятникахъ, вѣроятно тождественны и означаютъ одно изъ условій повального обыска: многолюдство, которое разсмотрѣно нами выше.

Такъ наз. обыскъ съ доводомъ отличается отъ обыска безъ довода тѣмъ, что на первомъ представлялся со стороны обыскныхъ людей или вещественныя доказательства виновности обвиняемаго, или какия нибудь другія улики, на второмъ же представлялось одно голословное обвиненіе.

в) Уже изъ опредѣленія необходимаго количества обыскныхъ людей выходитъ, что правительство, хотя и признавало обыскъ однимъ изъ главныхъ судебныхъ доказательствъ, но въ то же время не совсѣмъ довѣряло ему, а потому и должно было обставить его такими правилами, при которыхъ ложныя показанія обыскныхъ людей были бы невозможны. Первое условіе для этого есть, безспорно, увеличеніе количества обыскныхъ людей, потому что въ этомъ случаѣ стачки между ними если и не невозможны, то крайней мѣрѣ весьма затруднительны.

Уже въ XV ст. съ этою цѣлью установлены для обыскныхъ людей, давшихъ ложныя показанія, строгія наказанія (175); истецъ и отвѣтчикъ, ихъ повѣренныя и даже люди, не должны были присутствовать въ мѣстѣ производства обыска по ихъ дѣлу, для предупрежденія подкуповъ. Въ дѣлахъ о вѣдомыхъ лихихъ людяхъ отвѣтчикъ, т. е. обвиняемый въ преступленіи арестовывался, или отдавался за пристава, а потому естественно, не могъ имѣть вліянія на ходъ обыска (176), слѣдовательно это правило распространяется только на истца. Производившій обыскъ долженъ былъ дѣлать допросъ сряду, съ одного, а не выборомъ, и не принимать показаній отъ семей и заговоровъ; обыскныя рѣчи запрещалось писать заочно (177).

2) По общему правилу обыскнымъ рѣчамъ судьи должны были вѣрить безусловно. Если показанія обыскныхъ людей были единогласны, то о недовѣрїи не могло быть и рѣчи, могло быть, что: 1) голоса за и противъ раздѣлялись поровну и 2) на большинство и меньшинство.

Въ первомъ случаѣ судьи обязаны были взвѣшивать другія доказательства и отдать подсудимаго на поруки одобрившей половинѣ или посадить его на смерть въ тюрьму. Если въ послѣднемъ случаѣ, по выраженію источниковъ, на подсудимаго прибывало иное лихо въ разбойномъ дѣлѣ, то одобрившая половина признавалась солгавшею и поэтому подвергалась, какъ мы видѣли, денежному штрафу и сверхъ того двухъ или трехъ лучшихъ изъ обыскныхъ билъ кнутомъ (178). Когда голоса обыскныхъ людей раздѣлялись на

(174) А. Э. I, 281, 330

(175) А. Э. I, 281, 330.

(176) А. Н. III, 167. Росп. Стат. Сп. 21 Ноября 1629 года.

(177) Дмитріевъ. Ист. Суд. Инст. стр. 266.

(178) А. Н. III, 167, ст. 7, 8. А. Э. I, 281, 330.

большинство и меньшинство, то обращалось внимание на количество голосовъ, составлявшихъ большинство. Если оно состояло изъ пятнадцати или двадцати голосовъ, то такое количество считалось вполне достаточнымъ, но повидному только для обвиненія; однакоже изъ Указа 31 авг. 1631 г. можно заключить, что такого же большинства достаточно было и для оправданія обвиняшаго ⁽¹⁷⁹⁾. Въ дѣлахъ татевныхъ и разбойныхъ повальный обыскъ имѣлъ безусловную доказательную силу, и поэтому не допускалъ отвода: «а повального обыску не отставивать» сказано въ приложенной въ концѣ Уст. Кн. Росниси статейнаго списка 15 янв. 1628 г. Впрочемъ это положеніе должно принимать осторожно: въ 72 ст. той же Книги ⁽¹⁸⁰⁾ поставленъ вопросъ: должно ли обыскивать безъ пытки о тѣхъ, кого обличаютъ въ обыскѣ, между тѣмъ какъ они начнутъ просить о другомъ большомъ повальномъ обыскѣ, говоря про первый, что въ немъ обыскивали ихъ недругами. Можно не безъ основанія думать, что здѣсь выражено сомнѣніе только относительно порядка собиранія доказательствъ, а отсюда не относительно того, можно ли вообще вторично производить обыскъ, стало быть допускался и отводъ обыска на томъ основаніи, что онъ былъ произведенъ недругами обвиняемаго; или же здѣсь идетъ дѣло объ обыскѣ окольными людьми, отводъ котораго допускался; судьи не обязаны были руководствоваться имъ въ случаѣ несознанія обвиняемаго, а должны были производить повальный обыскъ, что видно изъ вышеприведенной Росп. стат. сі.

2) Перейдемъ теперь къ оговору, который служилъ и поводомъ къ началу слѣдствія, и въ то же время судебнымъ доказательствомъ. По значенію онъ нерѣдко приравнивался къ повальному обыску. Оговоромъ называется обвиненіе кого-либо въ лхомъ дѣлѣ, сдѣланное во время пытки понавнимся преступникомъ, который получалъ названіе языка, отсюда въ источникахъ оговоръ называется язычною молкою, если былъ сдѣланъ однимъ, и язычными молками—при обвиненіи одного и того же лица многими преступниками. Между язычною молкою и язычными молками существовало то важное различіе, что первая, служа къ обвиненію, не имѣла силы самостоятельнаго судебного доказательства, тогда какъ послѣдняя служила для обѣихъ дѣлей и въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняла даже повальный обыскъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ язычной молки всегда слѣдовало удостовѣреніе судей въ справедливости ея посредствомъ очной ставки съ оговорщикомъ и затѣмъ повального обыска, за язычными же молками слѣдовала сперва пытка и только при несознаніи преступника во взводимомъ на него преступленіи—повальный обыскъ. Различіе между язычными молками и язычною молкою проявляется и въ послѣдствіяхъ для обвиненнаго тѣмъ и другимъ способомъ даже въ случаѣ недоказанности преступленія: при одинаковости всѣхъ условій, обвиненный въ первомъ случаѣ

⁽¹⁷⁹⁾ А. И. Ш, 167, ст. 7 и др. Указъ 31 Августа 1631 г.

⁽¹⁸⁰⁾ А. И. Ш, 167.

подвергался пожизненному тюремному заключенію, а въ послѣднемъ отдачѣ на поруки ⁽¹⁸¹⁾.

3) Третьимъ доказательствомъ было поличное, которое различалось, кажется, на татебное и разбойное ⁽¹⁸²⁾. Ни въ Судебникахъ, ни въ нашихъ источникахъ не сказано, что должно разумѣть подъ поличнымъ; а потому мы удержимъ то опредѣленіе его, которое находится въ нѣкоторыхъ уставныхъ грамотахъ: «а поличное то что вымутъ изъ вѣтви, изъ за замка, а найдуть что въ дворѣ, или въ пустой хоромнѣ, а не за замкомъ, ино то не поличное» ⁽¹⁸³⁾. Изъ этого опредѣленія видно, что поличнымъ называлась чужая вещь, присвоенная незаконнымъ образомъ, что подтверждалось и самымъ способомъ ея хранения у похитившаго, т. е. она должна была быть спрятана такимъ образомъ, чтобы прямо видна была дѣль присвоившаго обратитъ ее въ свою собственность.

Изъ приведеннаго опредѣленія поличнаго въ источникахъ г. Калачовъ ⁽¹⁸⁴⁾, вывелъ, что татьбою съ поличнымъ назывался исключительно тотъ особенный видъ воровства, когда преступникъ похищаль чужую собственность, находившуюся подъ замкомъ. Очевидно, что г. Калачовъ принимаетъ, что въ этомъ случаѣ говорится объ обокраденномъ, а не о томъ лицѣ, которое совершило преступленіе, что не имѣетъ основанія.

Кажется, поличное въ губныхъ дѣлахъ играетъ важную роль, какъ доказательство, только въ татебныхъ дѣлахъ, такъ какъ въ губныхъ наказахъ и Разбойномъ Уставѣ специально говорится только о поличномъ въ дѣлахъ этого рода.

Для того, чтобы поличное получило полную доказательную силу, необходимо было при выемкѣ ею истцомъ участіе извѣстныхъ официальныхъ лицъ. Уже въ Пск. Суд. Грам. требуется, чтобы истецъ для выемки поличнаго испрашивалъ у князя или посадника приставовъ ⁽¹⁸⁵⁾. Тоже самое выражаетъ и Уст. Кн. Разб. Пр., на основаніи которой поличное пользуется полнымъ довѣріемъ въ судѣ въ томъ только случаѣ, когда вынута истцомъ при понятыхъ съ участіемъ пристава ⁽¹⁸⁶⁾; только при этомъ условіи не допускалось со стороны подсудимаго отговорки о насильномъ ополченіи, между тѣмъ какъ въ противномъ случаѣ она могла быть имъ представлена ⁽¹⁸⁷⁾. Поличное, вынутае истцомъ съ приставомъ и понятыми, допускало отводъ и очистку только тогда, когда тотъ, у кого оно было вынута, могъ доказать приобрѣтеніе вещи, служащей полич-

⁽¹⁸¹⁾ Ibid. ст. 7, 8 и др.

⁽¹⁸²⁾ Ibid. ст. 17 и 18.

⁽¹⁸³⁾ А. Э. I, 123, 143, 144, 150, 181. Доп. къ А. И. I, 137.

⁽¹⁸⁴⁾ Юр. Зап. Рѣдвина т. II, стр. 323.

⁽¹⁸⁵⁾ Энгельмана: § 106, стр. 158—159, § 109, 163.

⁽¹⁸⁶⁾ А. И. III, 167 ст. 21.

⁽¹⁸⁷⁾ Ibid. ст. 22

нымъ, куплею или мѣною, представивъ продавца или то лицо; у кого вещь была имъ вымѣнена ⁽¹⁸⁸⁾.

4) Четвертымъ и самымъ важнымъ доказательствомъ въ слѣдственномъ процессѣ, какъ и въ обвинительномъ, служило собственное признаніе подсудимаго. Къ полученію признанія и стремился розыскъ, для чего введены были особыя вынудительныя средства, состоявшія въ различнаго рода истязаніяхъ, извѣстныя подъ именемъ пытки. Въ чемъ состояли мученія, которымъ были подвергаемы на пыткѣ обвиняемые, изъ источниковъ не видно. Извѣстія же объ этомъ, находящіяся въ описаніяхъ иностранцевъ, можно найти у г. Калачова въ Юр. Зап. Рѣдкнн т. II на стр. 399.

Пытка стала извѣстна въ Россіи въ XV ст. Примѣненіе ея встрѣчается уже въ Судебникѣ Ивана III, но особенно сильное развитіе получила она со времени введенія губныхъ учреждений, такъ какъ собственное признаніе, полученное съ пытки, имѣло безусловную силу, какъ доказательство дѣйствительной виновности подсудимаго.

Но такъ какъ пытка имѣла всегда невыгодныя послѣдствія для того лица, которое было ей подвергнуто, то для примѣненія ея требовалось полное убѣжденіе судьи въ виновности обвиняемаго; а потому, прежде чѣмъ приступали къ пыткѣ, взвѣшивали другія доказательства его виновности. Объ этихъ доказательствахъ, обыкновенно предшествовавшихъ пыткѣ, мы, скажемъ при обзорѣ взаимныхъ отношеній доказательствъ между собою.

Но полученіе признанія отъ подсудимаго было не единственною цѣлью пытки; посредствомъ ея имѣлось въ виду вынудить у преступника еще указаніе на товарищей и соучастниковъ въ преступленіи. Кажется, первая цѣль сдѣлалась господствующею не ранѣе царствованія Федора Ивановича, а до него преобладала послѣдняя.

Что касается до лицъ, на обязанности которыхъ лежало производство пытки, то сперва производилъ ее недѣльщикъ, по приказанію судей, который и доводилъ до нѣхъ свѣдѣнія о показаніяхъ подсудимыхъ ⁽¹⁸⁹⁾. Въ губномъ вѣдомствѣ производство пытки возложено было на губныхъ старостъ, если подсудимые были тутошніе, т. е. жители губнаго округа, если же были подвергаемы пыткѣ пріѣзжіе люди, то при производствѣ ея находились: городской прикащикъ, дворскій, цѣловальники и лучшіе люди. Рѣчи подсудимаго въ этомъ послѣднемъ случаѣ записывались земскимъ дьякомъ ⁽¹⁹⁰⁾. Со введеніемъ воеводъ имъ поручено было производить пытку, но вѣроятно въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ не было губныхъ старостъ, а потому татѣное и разбойное дѣло находилось въ ихъ рукахъ ⁽¹⁹¹⁾.

Первоначально, когда еще розыскъ не такъ рѣзко отдѣлился отъ

⁽¹⁸⁸⁾ Ibid. Боярскіе приговоры 17 февраля 1625 г. и 25 іюня 1628 г.

⁽¹⁸⁹⁾ Суд. 1437 г. «о недѣльщикахъ указъ».

⁽¹⁹⁰⁾ А. Э. I, 192, 194.

⁽¹⁹¹⁾ А. И. III, 167, Ук. 23 марта 1629 г.

обвинительнаго производства, собственнаго признанія преступника не требовалось для полной наказуемости, если только судьи были убѣждены въ томъ, что онъ дѣйствительно совершилъ преступленіе, хотя бы такое убѣжденіе получали они на основаніи другихъ доказательствъ. Однако для того, чтобы подвергнуть обвиняемаго смертной казни, уже во время царскаго Судебника необходимо было собственное признаніе: «и назовутъ его (тата съ полицнымъ) въ обыску лихимъ человѣкомъ, пно его пытать и скажетъ на себя самъ, пно его казнить смертною казнію; а не скажетъ на себя самъ пно его ввнуги въ тюрьму до смерти.» Когда судъ надъ вѣдомыми лихими людьми перешелъ къ губнымъ старостамъ, то съ того времени пытка получила другой характеръ: главнѣйшею задачею ея сдѣлалось вынужденіе у подсудимаго указаній на соучастниковъ въ преступленіи, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при достаточности другихъ уликъ, преступникъ подвергался смертной казни, не смотря на то, что не признавался на пыткѣ въ совершеніи имъ преступленія ⁽¹⁹²⁾. Такимъ образомъ начало измѣняться значеніе пытки, данное ей Иваномъ IV; но въ царствованіе Федора Ивановича оно было восстановлено боярскимъ приговоромъ, которымъ повелѣвается разбойниковъ, не признавшихся въ разбоѣ на пыткахъ, подвергать не смертной казни, а только пожизненному тюремному заключенію ⁽¹⁹³⁾. Съ этого времени главною задачею пытки опять сдѣлалось вынужденіе собственнаго признанія подсудимаго, а указаніе участниковъ въ преступленіи перешло на второй планъ.

Такимъ образомъ въ дѣлахъ татевныхъ и разбойныхъ пытка употреблялась: 1) для вынужденія признанія въ совершеніи преступления; 2) для того, чтобы преступникъ указалъ на своихъ товарищей и на тѣхъ лицъ, кому онъ тѣмъ или другимъ образомъ сбывалъ награбленное или похищенное имущество и, наконецъ, 3) для узнанія количества добытаго разбоемъ, сожженнаго или похищеннаго имущества ⁽¹⁹⁴⁾.

Если преступникъ на первой пыткѣ не давалъ требуемыхъ показаній или запырался, то подвергался второй пыткѣ, затѣмъ третьей въ дѣлахъ разбойныхъ; болѣе трехъ разъ пытка не могла быть произведена надъ однимъ и тѣмъ же лицомъ ⁽¹⁹⁵⁾. Съ развитіемъ сыскаго процесса пытка получаетъ все большее и большее значеніе, такъ что если преступникъ до пытки сознавался во взводимомъ на него преступленіи, то такое признаніе все-таки не служило къ освобожденію его отъ пытокъ; напротивъ постановлено, что сознавшійся долженъ быть пытанъ въ томъ, не было ли совершено имъ другихъ подобныхъ же преступленій ⁽¹⁹⁶⁾.

Пыткѣ подвергались всѣ лица, обвиняемыя въ лихомъ дѣлѣ,

⁽¹⁹²⁾ Ibid. ст. 5, 6 и др. А. Э. I, 281, 330.

⁽¹⁹³⁾ А. Н. III, 167 ст. 9.

⁽¹⁹⁴⁾ Ibid. ст. 45, 46, 47.

⁽¹⁹⁵⁾ Ibid. ст. 5.

⁽¹⁹⁶⁾ Ibid. стр. 24.

такъ что если обвиненіе ввоздилось на дворянъ, дѣтей боярскихъ и ихъ крестьянъ, то первые пользовались только тѣмъ преимуществомъ, что подвергались пыткѣ уже тогда, когда оговаривали ихъ въ преступленіи ихъ же собственные крестьяне (197).

Пыткѣ подвергались, наконецъ, однѣ лица вмѣсто другихъ, для узнанія, не скрыть ли гдѣ, или дѣйствительно убѣжалъ оговоренный (198), если онъ не былъ представленъ къ розыску.

5) Для удостовѣренія въ справедливости оговора, оговоренныхъ ставили съ языками на очную ставку. Для избѣжанія клеветы, оговорщикъ долженъ былъ узнать оговореннаго въ большемъ числѣ постороннихъ лицъ. Поэтому повелѣвается оговореннаго, «съ языки съ очей на очи ставити во многихъ людѣхъ» (199). Если оговоренный былъ дѣйствительно узнанъ оговорщикомъ, который и на очной ставкѣ утверждалъ тоже самое, что показалъ на пыткѣ, то это служило поводомъ къ началю розыска объ оговоренномъ лицѣ. Съ другой стороны, оговорщикъ могъ не дать тѣхъ же самыхъ показаній, какія сдѣланы были имъ на пыткѣ, могъ сговорить съ обвиняемаго; въ этомъ случаѣ предполагалось, что онъ или напрасно поклялся на оговореннаго имъ на пыткѣ, или же сговариваетъ съ обвиняемаго по засылкѣ, что и разрѣшалось пыткою.

Очная ставка оговореннаго съ оговорщикомъ производилась во всякаго рода губныхъ дѣлахъ (200); на ней судьи должны были дѣлать:

6) Разпросъ, который должно отличать отъ разпроса преступника, какъ перваго акта розыска. Показаніемъ преступника въ разпросѣ не оказывалось большаго довѣрія, поэтому подтвержденіе разпросныхъ рѣчей вынуждалось пытками.

Разсмотрѣвъ, по возможности, отдѣльныя доказательства въ дѣлахъ татевныхъ и разбойныхъ, перейдемъ къ обзорѣ ихъ взаимныхъ отношеній, т. е. укажемъ на порядокъ, въ которомъ слѣдовали онѣ въ розыскомъ процессѣ другъ за другомъ. Намъ нужно такимъ образомъ разсмотрѣть ходъ слѣдственнаго процесса, какъ опредѣлился онъ въ Разбойномъ Уставѣ и губныхъ наказахъ.

Порядокъ, въ которомъ слѣдовали доказательства, зависѣлъ отъ того, каковыя изъ показанныхъ выше способовъ извѣстное лицо было обвиняемо въ лихомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, если обвиненіе было сдѣлано на обвинительномъ обыскѣ, то обвиняемый брался губнымъ начальствомъ, нмущество его описывалось и запечатывалось, хлѣбъ же стоячій отдавался на сбереженіе туташнимъ и стороннимъ людямъ, а самъ онъ, для полученія признанія и указанія товарищей, подвергался пыткѣ, которая, какъ мы видѣли, могла быть произведена трижды. Если на пыткахъ обвиняемый сознавался,

(197) Ibid. ст. 15.

(198) Ibid. страв. 304.

(199) Ibid. ст. 4, 16 и др.

(200) Ibid. ст. 13, 14, 15, 30, 31. Бояр. Пригов. 25 іюня 1628 г.

то подвергался пзвѣстному наказанію, въ противномъ случаѣ освобожденъ на поруки ⁽²⁰¹⁾. Таковъ общій ходъ суда, при обличованіи на обыскѣ. Если обыскные люди раздѣлялись на двѣ равныя половины, то дѣло и въ этомъ случаѣ рѣшалось пыткой.

При одобреніи большинствомъ пятнадцати или двадцати голосовъ, подсудимый вовсе освобожденъ отъ преслѣдованія, а при обличованіи такимъ же числомъ голосовъ начинался дальнѣйшій розыскъ въ изложенномъ выше порядкѣ.

Если обыскные люди, указывая на кого-либо, какъ на вѣдомаго лихаго человѣка, представляли какія нибудь обстоятельства, свидѣтельствовавшія о томъ, что названный ими лихимъ человѣкомъ дѣйствительно таковъ, представляли факты, то такого рода показанія обыскныхъ людей назывались обыскомъ съ доводомъ ⁽²⁰²⁾. Обличованіе съ доводомъ считалось полнымъ доказательствомъ въ татешныхъ и разбойныхъ дѣлахъ, такъ что, даже въ случаѣ несознанія обвиняемаго на пыткѣ, онъ не освобожденъ отъ смертной казни.

Другимъ поводомъ къ началу розыска былъ оговоръ кого либо въ лихомъ дѣлѣ однимъ пойманымъ преступникомъ (язычная молба), или многими (язычныя молки). Ходъ доказательствъ въ обоихъ случаяхъ не одинаковъ. Въ первомъ случаѣ слѣдовали: 1) очная ставка оговореннаго съ оговорщикомъ, на которой производился разирокъ; если на очной ставкѣ въ разирокѣ оговорщикъ утверждалъ тоже самое, что было сказано имъ на пыткѣ, то, по просьбѣ оговореннаго, производился 2) повальный обыскъ. Если на немъ обвиняемаго называли лихимъ человѣкомъ, то далѣе слѣдовала 3) пытка, которую рѣшалась судьба оговореннаго ⁽²⁰³⁾. При оговорѣ однимъ лицомъ объ оговоренномъ не производился обыскъ только тогда, когда онъ самъ не просилъ о немъ, на томъ основаніи, что онъ бродяга и поэтому его нигдѣ не знаютъ. Въ этомъ случаѣ за язычною молкою непосредственно слѣдовала пытка ⁽²⁰⁴⁾. При оговорѣ языками (двумя или тремя, какъ обыкновенно предполагается въ Уст. Кн. Разб. Прик.) ходъ доказательствъ слѣдующій: 1) очная ставка съ однимъ изъ оговорщиковъ, 2) пытка оговореннаго и 3) повальный обыскъ, когда подсудимый не сознавался на пыткѣ ⁽²⁰⁵⁾.

Что касается до вліянія личности обвиняемыхъ на степень довѣрія къ ихъ показаніямъ, то 1) запрещалось вѣрить створу преступника съ третьей пытки, если онъ оговаривалъ кого-либо на двухъ; тоже самое сказано и относительно створа на пути къ смертной казни. Не пользовался довѣріемъ и оговоръ кого либо въ

⁽²⁰¹⁾ Ibid. ст. 1—2; А. Э. I, ст. 281.

⁽²⁰²⁾ Ibid. 330.

⁽²⁰³⁾ А. И. III, 167, ст. 1.

⁽²⁰⁴⁾ Ibid. ст. 4.

⁽²⁰⁵⁾ Ibid. ст. 5, 8, 11 и 12.

лихомъ дѣлѣ, учиненный преступниками въ теченіе 2-го или 3-го года ихъ тюремнаго заключенія. Преступники обыкновенно прибѣгали къ этому средству, для вынужденія денегъ, съѣстныхъ припасовъ и т. под., что видно напр. изъ находящейся въ Уставной Книгѣ Отписи костромскаго воеводы Голубовскаго ⁽²⁰⁶⁾; 2) запрещено вѣрять татямъ и разбойникамъ, если они взводили, изъ мести, татьбу или разбой на тѣхъ лицъ, которыя приводили ихъ къ губному начальству ⁽²⁰⁷⁾, и 3) обвиненіе крестьянъ въ лихомъ дѣлѣ ихъ господамъ пользовалось громаднымъ довѣрьемъ, и влекло за собою непосредственно пытку обвиняемыхъ ⁽²⁰⁸⁾. Нельзя съ точностью сказать, была ли кабая нибудь разница въ судопроизводствѣ при обвиненіи кого-либо въ лихомъ дѣлѣ частными лицами и полицейскими властями, какъ-то: прикащиками, старостами, сотскими, пятидесятскими и десятскими. По всей вѣроятности разницы не было никакой, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ обвиненія должны были основываться на извѣстныхъ данныхъ. При обвиненіи кого-либо въ лихомъ дѣлѣ полицейскими властями доказательствомъ виновности служила напр. недача прѣзжихи неизвѣстными лицами требуемыхъ справокъ; и при приводѣ ими лихаго челоуѣка, жившаго въ ихъ участкѣ, простаго подозрѣнія, вѣроятно было недостаточно. Частныя лица вначалѣ могли представлять въ подтвержденіе справедливости своего обвиненія и такія доказательства, которыя неупотреблялись въ розыскомъ процессѣ, именно поле и присягу. Въ этомъ случаѣ, для узнанія репутаціи отвѣтника, производился повальный обыскъ, на которомъ не требовалось представленія довода (но лиха именно, именно на нихъ не скажутъ), а простое обвиненіе, для того, чтобы подвергнуть его пыткѣ ⁽²⁰⁹⁾. При царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ искн, подтверждаемые только полемъ и присягою, приказано судить въ Судномъ приказѣ, слѣдовательно обвинительнымъ порядкомъ, а въ Разбойный приказъ представлялись другія доказательства: язычная молка или язычныя молки, лихованный обыскъ и поличное ⁽²¹⁰⁾.

Въ какомъ порядкѣ слѣдовали доказательства въ первыхъ двухъ случаяхъ, мы видѣли: остается разсмотрѣть послѣдній случай, когда истецъ въ подтвержденіе иска представлялъ поличное.

Если подсудимый не дѣлалъ отвода поличному, вынужденному истцами съ приставомъ и понятыми посредствомъ указанія на то лицо, отъ кого оно пріобрѣтено имъ какимъ-либо изъ законныхъ способовъ пріобрѣтенія имущества, то прямо подвергался пыткѣ ⁽²¹¹⁾. Если же поличное было вынуждено однимъ истцомъ, безъ участія понятыхъ и пристава, то со стороны того, у кого оно было вынуждено, могло быть представлено возра-

⁽²⁰⁶⁾ Ibid. ст. 19, 20, 43 и стр. 304.

⁽²⁰⁷⁾ Ibid. ст. 36.

⁽²⁰⁸⁾ Ibid. ст. 16.

⁽²⁰⁹⁾ Ibid. ст. 17.

⁽²¹⁰⁾ Ibid. ст. 18.

⁽²¹¹⁾ Ibid. ст. 21.

женіе, что пѣтцы его «ополчили тѣмъ полпчнымъ сплно (насилно)», поэтому розыскъ усложнялся въ томъ отношеніи, что дѣлался обыскъ (сыскъ), гдѣ былъ пойманъ подсудимый съ полпчнымъ, а за обыскомъ уже слѣдовала пытка⁽²¹²⁾. Обыскъ производился также и тогда, когда обвиняемый не давалъ вынуть полпчнаго или отнималъ вынутое. Послѣ обыска повятымъ и сторонними людьми (очевидцами таквхъ поступковъ обвиняемаго), производилась пытка⁽²¹³⁾.

III. Окончаніе сыскаго дѣла.

За собраніемъ требуемыхъ доказательствъ слѣдовалъ приговоръ, который имѣлъ послѣдствіемъ, смотря по обстоятельствамъ, или 1) наказаніе преступника, въ случаѣ доказанности его вины, или 2) заключеніе его въ тюрьму пожизненно или на время, до Государева Указа, смотря по роду обвиненій и силѣ собранныхъ доказательствъ, которыхъ было недостаточно для примѣненія установленнаго наказанія, или, наконецъ, 3) освобожденіе на поруки.

Наказанія, къ которымъ мы отнесли и тюремное заключеніе, разсмотрѣны нами въ 1-й главѣ въ раздѣлѣ о наказаніяхъ, а потому здѣсь остается сказать только о послѣднемъ способѣ окончанія сыскаго дѣла—освобожденіи на поруки.

Спрашивается, въ какихъ именно случаяхъ требовалось поручительство и что обезпечивалось имъ? Изъ памятниквъ видно, что поручительство было необходимо: 1) для одобренныхъ на обыскѣ (одобрившіе обыскные люди обязаны были взять на поруки одобреннаго); 2) для непризнавшихся во взводимыхъ на нихъ лхихъ дѣлахъ на пыткахъ (здѣсь, впрочемъ, является столкновение между пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ, смертною казнью и отдачею на поруки, смотря главнымъ образомъ по силѣ обвиненія); 3) для преступниковъ, совершившихъ одну татьбу; 4) для совершившихъ неумышленно убійство, и 5) для обвиненныхъ языками въ приѣмъ въ поклажу и въ покупкѣ завѣдомо разбойной или татиной рухляди⁽²¹⁴⁾. Во всѣхъ этихъ случаяхъ поручительствомъ обезпечивается хорошее поведеніе лицъ, отданныхъ на поруки, ибо отвѣтственность за нихъ въ противномъ случаѣ падаетъ и на поручителей. Поручительствомъ же, сверхъ того, обезпечивалось представленіе въ срокъ оговореннаго на очную ставку съ оговорщикомъ, сохранность имущества подсудимыхъ во время производства дѣла и, наконецъ, оно было необходимо для низшихъ служителей при тюремныхъ и губныхъ избахъ, о чемъ сказано выше.

⁽²¹²⁾ Ibid. ст. 22.

⁽²¹³⁾ Ibid. ст. 23.

⁽²¹⁴⁾ Ibid. ст. 4, 7, 32, 34, 37. Болр. приг. 17 февраля 1625 г.

ГЛАВА III.

О вѣдомствѣ губныхъ учреждений и производствѣ сыска по Уложенію царя Алексѣя Михайловича.

Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича сгруппировало постановленія о разбойныхъ и татныхъ дѣлахъ предыдущаго времени въ 21-ю главу: «о разбойныхъ и татныхъ дѣлахъ».

Большинство постановленій этой 21-й главы замѣчено составителями изъ Уставной Книги Разбойнаго Приказа; на нѣкоторыя статьи, поставленныя въ послѣдней въ видѣ вопросовъ, въ Уложеніи находимъ отвѣты; нѣкоторыя, весьма немногія, статьи заимствованы изъ Судебника царя Ивана Васильевича и, наконецъ, встрѣчается нѣсколько новыхъ, которыя, можетъ быть, также находились въ Уст. Ки. Разб. Пр., но не дошли до насъ, такъ какъ Книга не вполне сохранилась.

Но какъ Уложеніе заимствуетъ большинство своихъ постановленій изъ памятника, нами уже разсмотрѣннаго въ связи съ Судебниками и Уставными и губными грамотами, то, чтобы не повторить уже сказаннаго, мы только укажемъ на тѣ статьи, которыя перешли изъ Уставной Книги и другихъ памятниковъ въ Уложеніе, съ тѣми измѣненіями, которыя въ нихъ мы находимъ, хотя должно сказать, что эти измѣненія въ большинствѣ случаевъ незначительны.

При этомъ мы будемъ держаться порядка, принятаго нами въ предыдущемъ изложеніи, т. е. скажемъ сперва о лихомъ дѣлѣ и наказаніи за него, и потомъ о розыскѣ.

I. 1) Предметы вѣдомства губныхъ учреждений остались тѣ же самыя, именно: дѣла разбойныя, татныя, убійственныя и преступленія по службѣ лицъ, подвѣдомственныхъ Разбойному приказу. Кромѣ того суду же губныхъ старостъ подлежали: 1) насильственное ополченіе, что, впрочемъ, вѣроятно и прежде судилось въ губныхъ учрежденияхъ, только въ разсмотрѣнныхъ нами памятникахъ прямо не высказано⁽²¹⁵⁾; 2) подметь съ цѣлью ополченія⁽²¹⁶⁾, и 3) мошеничество⁽²¹⁷⁾. Татба въ Уложеніи распадается на виды по объѣму; такъ, не говоря уже о святотатствѣ⁽²¹⁸⁾, которое и въ предыдущемъ періодѣ, какъ мы видѣли, вѣдалось судомъ губныхъ старостъ, въ немъ отмѣчены: кража жатаго хлѣба или жатва

⁽²¹⁵⁾ Улож. XXI, 55.

⁽²¹⁶⁾ Ibid. ст. 56.

⁽²¹⁷⁾ Ibid. ст. 11.

⁽²¹⁸⁾ Ibid. ст. 14.

чужаго хлѣба украдомъ ⁽²¹⁹⁾ и вылавливаніе рыбы изъ пруда или изъ саду, т. е. изъ садка ⁽²²⁰⁾.

2) Наказанія въ Уложеніи въ большинствѣ случаевъ не опредѣлены по виду и гораздо строже, чѣмъ въ Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа, что произошло, безъ сомнѣнія, отъ исключительнаго преобладанія въ немъ начала устрашенія. Обряды ихъ исполненія также остались неопредѣленными; только относительно одной смертной казни находимъ, что она не слѣдовала непосредственно за приговоромъ, но приговоренные до исполненія сажались на шесть недѣль въ тюрьмѣ въ избу (?) для покаянія ⁽²²¹⁾.

Наказанія для вѣдомыхъ разбойниковъ состояли въ слѣдующемъ: за первый разбой, если при томъ не было убійства, у преступника отрѣзали правое ухо и сажали въ тюрьму на три года, откуда посылали въ кандалахъ на работу. По прошествіи трехъ лѣтъ, преступникъ отсылался въ украинные города на службу, «въ какой чинъ пригодится» ⁽²²²⁾. За вторичный разбой, если и не было совершенно убійства, назначается смертная казнь, а имущество поступаетъ истцамъ въ выть ⁽²²³⁾. Тоже наказаніе назначено разбойникамъ, учинившимъ убійство, или пожаръ, хотя бы разбой совершенъ былъ ими въ первый разъ ⁽²²⁴⁾.

За первую татьбу, если преступникъ не учинилъ убійства (обстоятельство новое; въ Уставной Книгѣ его не имѣется въ виду), назначается торговая казнь съ отрѣзаніемъ лѣваго уха, и затѣмъ двухлѣтнее тюремное заключеніе, откуда преступникъ былъ послаемъ на работу въ кандалахъ. По окончаніи двухлѣтняго срока онъ отсылался въ украинные города, въ какой чинъ пригодится ⁽²²⁵⁾. За вторичную татьбу, при отсутствіи убійства, торговая казнь, отрѣченіе праваго уха и четырехлѣтнее тюремное заключеніе, а затѣмъ ссылка въ украинные города ⁽²²⁶⁾. За третью и болѣе татебъ, если при нихъ и не было убійствъ,—смертная казнь ⁽²²⁷⁾. Если на первой татебѣ было совершено убійство, то преступникъ подвергался смертной казни ⁽²²⁸⁾. За кражу жатаго хлѣба и сѣна — торговая казнь ⁽²²⁹⁾; за вылавливаніе рыбы—битые батогами, если преступ-

⁽²¹⁹⁾ Ibid. ст. 89.

⁽²²⁰⁾ Ibid. ст. 90

⁽²²¹⁾ Ibid. ст. 34

⁽²²²⁾ Ibid. ст. 16

⁽²²³⁾ Ibid. ст. 17.

⁽²²⁴⁾ Ibid. ст. 18. Сравни ст. 16, 17 и 18 XXI гл. Улож. съ 10 Уст. Книги Разб. Приказа.

⁽²²⁵⁾ Улож. XXI, 9.

⁽²²⁶⁾ Ibid. ст. 16.

⁽²²⁷⁾ Ibid. ст. 12. Сравни ст. 9, 12 и 16 XXI гл. Ул. съ 37, 38 и 39 ст. Уст. Книги.

⁽²²⁸⁾ Улож. XXI, ст. 13.

⁽²²⁹⁾ Ibid. ст. 89.

леніе было совершено въ первый разъ, за вторичное совершение— битье кнутомъ, если же преступникъ былъ пойманъ съ поличнымъ въ третій разъ, то отрубалось ухо, хотя бы, какъ сказано, поличное и гривны не стоило ⁽²³⁰⁾; слѣдовательно въ другихъ случаяхъ при поличномъ имѣлась въ виду его цѣна. Жена и дѣти преступника, знавшіе о находившихся въ ихъ домѣ краденыхъ вещахъ, уплачивали выти по указу, въ случаѣ же ихъ несостоятельности, выдавались истцу головою, пока не отработаются, зачитая за жепскую работу по полутретья рубля въ годъ. Для святотатцевъ назначена смертная казнь безъ всякаго милосердія ⁽²³¹⁾.

Мошенникамъ повелѣвается чинить тотъ же указъ, что указано чинить татямъ за первую татьбу ⁽²³²⁾.

Имущество татей шло на удовлетвореніе истцовъ.

За умышленное убійство—смертная казнь ⁽²³³⁾; за неумышленное, въ дракѣ или ньянымъ дѣломъ, боярскаго человѣка боярскимъ же человѣкомъ убійца подвергался торговой казни, затѣмъ отдавался на чистыя поруки съ записью, что ему впродъ такъ не воровати, и выдавался съ женою и дѣтьми въ холопи господицу убитаго. Жена и дѣти убитаго оставались у прежняго хозяина ⁽²³⁴⁾. Если владѣлецъ не желалъ взять вмѣсто убитаго убійцу, то могъ требовать денскаго вознагражденія въ размѣрѣ 50 рублей ⁽²³⁵⁾. Если убійство неумышленно совершено было надъ чужимъ крестьяниномъ сыномъ боярскимъ или его сыномъ, или племянникомъ, или наконецъ прикащикомъ, то вмѣсто убитаго выдавался его хозяину лучший крестьянинъ убійцы съ женою и дѣтьми, жившими съ нимъ не въ раздѣлѣ, вмѣстѣ съ имуществомъ; семейство же убитаго оставалось за прежнимъ хозяиномъ. Убійца дворянина долженъ былъ уплатить всѣ кабальные долги убитаго и, сверхъ того, заключался въ тюрьму до государева указа ⁽²³⁶⁾.

За убійство крестьяниномъ крестьянина, совершенное неумышленное, убійца подвергался торговой казни и выдачѣ съ женою и дѣтьми хозяину убитаго, за которымъ оставалось и семейство послѣдняго. Вмѣсто убійцы владѣлецъ убитаго могъ потребовать себѣ другаго крестьянина ⁽²³⁷⁾.

Изъ всѣхъ этихъ постановленій о неумышленномъ убійствѣ можно вывести заключеніе, что оно вообще оставалось безнаказаннымъ; въ этихъ случаяхъ дѣлалось только вознагражденіе за убытокъ, происшедшій отъ убійства для хозяина убитаго, или вообще для запис-

⁽²³⁰⁾ Ibid. ст. 90.

⁽²³¹⁾ Ibid. ст. 14. Сравни съ ст. 40 Уст. Книг.

⁽²³²⁾ Улож. XXI, ст. 11. Ср. съ 58 ст. Судб. царя Ивана Васильевича

⁽²³³⁾ Улож. XXI, 72.

⁽²³⁴⁾ Ibid. ст. 69. Ср. Устав. Книги стр. 303.

⁽²³⁵⁾ Улож. XXI, ст. 70.

⁽²³⁶⁾ Ibid. ст. 71.

⁽²³⁷⁾ Ibid. ст. 73. Ср. Уст. Кн. А. И. III, 167, стр. 304.

тересованных лиц. Одно только неумышленное убійство дворянина составляет исключеніе.

Въ некоторыхъ случаяхъ убійство оставалось даже совершенно безъ всякихъ послѣдствій для убійцы. Такъ, дозволялось убить тата въ томъ домѣ, гдѣ произведена была имъ татьба, если онъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія съ полничнымъ, или въ погонѣ за нимъ, или вообще если онъ не давалъ схватить себя. Въ этихъ случаяхъ убитый или раненый преступникъ долженъ былъ быть явленнымъ окольнымъ людямъ и о немъ записывалось въ приказѣ.

Такииъ же наказаніямъ, какъ разбойники, подвергались: державшіе разбойничьи ставы и прѣзды, подводчики и поноворщики⁽²³⁸⁾.

Относительно продажи и отдачи въ поклажу разбойной и татиной рухляди въ Уложеніи находятся тѣ же самыя постановленія, что и въ Уст. Кн. Разб. Пр.⁽²³⁹⁾.

Неявка на помощь противъ разбойниковъ по крику разбиваемыхъ наказывалась торговою базвю и сверхъ того денежнымъ штрафомъ⁽²⁴⁰⁾.

За насильственное ополченіе кого либо и за подметъ на преступникахъ взыскивалось безчестье вдвое противъ цѣны полничнаго и ихъ же подвергали торговой казни: билл кнутомъ при многихъ людяхъ пещадно⁽²⁴¹⁾.

Уговаривавшіе преступника къ сговору съ оговореннаго подвергались торговой казни и уплатѣ денежнаго штрафа, вѣти⁽²⁴²⁾.

Такое же наказаніе положено и за отнятіе оговоренныхъ людей у посланныхъ за ними. Въ этомъ случаѣ пеня точно опредѣлена, именно 50 руб.⁽²⁴³⁾.

За ложныя показанія обыскныхъ людей или за подачу ими показаній съ нихъ взыскивался денежный штрафъ, и въ первомъ случаѣ прикащиковъ, крестьянъ и лучшихъ людей десятого подвергали торговой казни, а лицъ духовныхъ отсылали для смиренія къ ихъ начальству. Отвѣтчиковы убытки, проѣсты и волокиты правились на солгавинныхъ обыскныхъ людяхъ. Подвергнутымъ пыткамъ вслѣдствіе ложныхъ обысковъ присуждалось безчестье и увѣчье вѣтверо⁽²⁴⁴⁾. Тоже самое опредѣлено уличеннымъ въ отговоркѣ незпаніемъ и давнимъ на обыскѣ по одному и тому же дѣлу двойныя показанія⁽²⁴⁵⁾.

Имущество преступниковъ, приговоренныхъ къ смертной казни,

⁽²³⁸⁾ Улож. XXI, 63 Ср. ст. 30 и 31 Уст. Кн.

⁽²³⁹⁾ Улож. XXI, ст. 64 и 65. Ср. ст. 32, 33, 34 и 35 Уст. Кн.

⁽²⁴⁰⁾ Уло: XXI, 59. Ср. Уст. Кн. ст. 25.

⁽²⁴¹⁾ Уло: XXI, 55 и 56.

⁽²⁴²⁾ Улож. XXI, 44. (р. Уст. Кн. ст. 12.

⁽²⁴³⁾ Улож. XXI, 81.

⁽²⁴⁴⁾ Улож. X, 162 и 163

⁽²⁴⁵⁾ Ibid. ст. 164 и 166.

за удовлетвореніемъ истцовъ, подвергалось конфискаціи (246). Истцы вознаграждались въ томъ же самомъ размѣрѣ, какой былъ опредѣленъ въ Уставной Книгѣ (247).

Какъ особый видъ наказанія, удержались денежные штрафы, соединившіяся всегда съ торговою казнью, кромѣ слѣдующихъ случаевъ: 1) за укрывательство уже наказанныхъ преступниковъ, но ушедшихъ изъ тюрьмы, укрыватели уплачивали пенн 10 рублей (248); 2) за неоплатку и недоставленіе начальству лихихъ людей, при полной къ тому возможности, бралось зановѣди по полтицѣ на человѣкѣ (249); 3) за мировыя истцовъ съ преступниками въ разбойныхъ дѣлахъ (250); 4) за совершеніе преступленій отданными на поруки съ поручителей взыскивался штрафъ (251); 5) за укрывательство лихихъ людей съ жителей сѣни или улицы, знавшихъ преступника, взыскивалась государева пеня и петцамъ выти (252); 6) за покушку вещей безъ поручительства (253); 7) за продажу поличнаго, если продавецъ не сознавался въ этомъ (254). 8) за побѣгъ оговоренныхъ людей, если онъ совершенъ былъ во время оговора, брался штрафъ съ тѣхъ, за кѣмъ убѣжавшіе жили (255). Въ послѣднихъ шести случаяхъ размѣръ штрафа не опредѣленъ. 9) За укрытіе отъ язычной молвы оговорныхъ людей бралась съ укрывателей выть и пенн на государя по 50 руб. за каждаго скрытаго человѣка (256); 10) за безъявочное держаніе лихихъ людей правили выти въ половину истцовыхъ нсковъ (257).

Пожизненное тюремное заключеніе въ Уложеніи, вѣроятно изъ экономическихъ соображеній, не принято; вездѣ находимъ: посадить въ тюрьму до государева указа.

Преступниковъ, которые должны были подвергнуться смертной казни, Уложеніе предписываетъ держать въ тюрьмѣ не болѣе полугода (258).

Отвѣтственность за злоупотребленія лицъ служащихъ была довольно строга; а именно: восводы, приказные люди и губные старосты подвергались пенциному битью впутомъ и взысканію вытей въ истцовы нски за самовольное освобожденіе лихихъ людей изъ тюрьмы, за приневольваніе ихъ себѣ въ холопы, или отдачу въ холопство кому

(246) Улож. XXI, 26. Ср съ ст. 54 Уст. Кн.

(247) Уло: XXI, 23, 24 и 25. Ср. Уст. Кн. ст. 45, 46 и 47

(248) Улож. XXI, 20.

(249) Ibid. ст. 15.

(250) Ibid. ст. 31.

(251) Ibid. ст. 37.

(252) Ibid. ст. 62.

(253) Ibid. ст. 65.

(254) Ibid. ст. 75.

(255) Ibid. ст. 77.

(256) Ibid. ст. 78

(257) Ibid. ст. 82.

(258) Ibid. ст. 2.

либо другому ⁽²⁵⁹⁾. За поновку татю или разбойнику со стороны недѣльщика, послѣдній подвергался битью кнутомъ, тюремному заключенію и уплатѣ псгловыхъ исковъ ⁽²⁶⁰⁾. Тоже наказаніе налагается и за отдачу татей на поруки безъ доклада боярину и безъ дячаго вѣдома ⁽²⁶¹⁾. Губные цѣловальники подвергались битью кнутомъ и отрѣшенію отъ должности (изъ цѣловальниковъ выкинути) за освобожденіе разбойника или татя, или за побѣгъ его при ихъ содѣйствіи, въ то время, когда онъ еще не содержался въ тюрьмѣ, а находился подъ ихъ надзоромъ ⁽²⁶²⁾. За побѣгъ же разбойниковъ и татей изъ тюремъ, если тюремные цѣловальники и сторожа не были въ этомъ виновны, имуществомъ послѣднихъ удовлетворялись истцы, а въ случаѣ недостатка—выти въ истцовы искн взыскивались съ тѣхъ лицъ, которыя ихъ избрали. Съ губныхъ старостъ выти эти взыскивались вдвое, «для того что въ городѣхъ тюрьмы вѣдаютъ губные старосты, и губнымъ старостамъ досведется тюрьмы и тюремныхъ свидѣльцовъ осматривати почаству, чтобы тюрьмы были крѣпки и у тюремныхъ бы свидѣльцовъ въ тюрьмахъ ничего не было, чѣмъ изъ тюрьмы вырѣзатися, и въ городѣхъ изъ тюремъ воры уходять губныхъ старостъ небреженіемъ и недосмотромъ» ⁽²⁶³⁾.

Изъ разсмотрѣнія наказанія по Уложенію царя Алексѣя Михайловича выходитъ, что система ихъ осталась прежняя, только онѣ сдѣлались гораздо строже. Новыхъ прибавилось два: 1) ссылка въ украинные города, вмѣсто прежняго неопредѣленнаго выбитія вонъ изъ земли, и 2) битье батогами.

Изъ членовредительныхъ наказаній исчезло отсѣченіе руки и замѣнилось отсѣченіемъ ушей, въ чемъ цельза не видѣть экономическаго разсчета правительства, заботы о томъ, чтобы преступникъ былъ въ состояніи работою добыть себѣ пропитаніе.

Торговая казнь подраздѣлялась на простое битье кнутомъ и нещадное, но разницы между ними не видно изъ постановленій законодательства.

II. 1) Судоустройство въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича опредѣлено совершенно такъ, какъ въ Уст. Ки. Разб. Пр. и губныхъ грамотахъ; только въ послѣднихъ мы не встрѣчаемъ постановленій, прямо относящихся къ Разбойному приказу, и о существованіи его узнаемъ изъ другихъ постановленій, каковы напр. о подсудности губныхъ старостъ и губныхъ дячковъ; между тѣмъ въ первыхъ двухъ статьяхъ 21-й главы Уложенія постановлено, что

⁽²⁵⁹⁾ Ibid. ст. 104.

⁽²⁶⁰⁾ Ibid. ст. 83. Ср. съ ст. 53 Суд. Ивана IV.

⁽²⁶¹⁾ Улож. XXI, 86. Ср. съ ст. 54 Суд. Ивана IV

⁽²⁶²⁾ Улож. XXI, 84.

⁽²⁶³⁾ Ibid. ст. 101. Эта статья служитъ отиѣтомъ на 68 ст. Уст. Книги, гдѣ находимъ одинъ только вопросъ.

разбойныя, татяныя и убійственныя дѣла на всемъ пространствѣ государства, за исключеніемъ Москвы, вѣдасть Разбойный приказъ; въ самой же Москвѣ дѣла этого рода вѣдаются на земскомъ дворѣ. Относительно лицъ, установленныхъ для завѣдыванія губными дѣлами въ областяхъ, въ Уст. Кн. Разб. Пр. мы находимъ постановленія въ статьяхъ отъ 56 до 59, соответствующихъ 4 ст. Уложенія. Въ ней выставлены необходимыя условія избираемыхъ въ губные старосты и классъ, изъ котораго они могли быть избираемы, чего нѣтъ въ Уставной Книгѣ, и что опредѣлялось губными грамотами. Эти постановленія впрочемъ одиѣ и тѣ же; новое состоитъ только въ томъ, что губные старосты должны быть избираемы изъ лицъ, отставленныхъ отъ службы за раны или за старость, или за которыхъ несутъ военную службу ихъ дѣти или племянники; это условіе необходимо было для того, чтобы служилые люди не принимали на себя должности губнаго старосты для избѣжанія военной службы.

Правила для производства выборовъ въ губные старосты и прочія должности губнаго вѣдомства остались прежнія. Лица, присутствовавшія на судѣ губныхъ старостъ и находившіяся при тюрьмахъ, были тѣ же самыя⁽²⁶⁴⁾. Кажется, въ Уложеніи отъ собственно губныхъ цѣловальниковъ отличаются тюремные. Относительно цѣловальниковъ находимъ нѣсколько новыхъ постановленій: 1) запрещается избирать въ эту должность изъ тѣхъ помѣстій и вотчинъ, гдѣ менѣе двадцати душъ крестьянъ, и 2) цѣловальники и тюремные сторожа пользуются подмогою по договору погодно отъ посадскихъ и сошныхъ людей⁽²⁶⁵⁾. Наконецъ, правила подсудности должностныхъ лицъ остались безъ измѣненій⁽²⁶⁶⁾. При губныхъ избахъ устранялись тюрьмы на счетъ казны (въ Москвѣ?), главное наблюдение за которыми принадлежало губному старостѣ, а непосредственное—цѣловальникамъ, подъ начальствомъ которыхъ состояли тюремные сторожа.

Для производства наказаній при губномъ судѣ состояли палачи, выбиравшіеся изъ вольныхъ людей съ поруками и получавшіе жалованье изъ Разбойнаго приказа, и другіе низшіе служители, каковы бирничіи и т. п.⁽²⁶⁷⁾.

Въ періодъ Уложенія губные старосты не были введены повсемѣстно; учрежденіе это теперь переживало уже свое послѣднее время, какъ что съ половины XVII ст. то уничтожалось, то снова возобновлялось; такое уничтоженіе и возобновленіе служатъ очевиднымъ доказательствомъ колебанія правительства, кому лучше поручить дѣла татяныя, разбойныя и убійственныя — общимъ ли представителямъ общественной власти въ областяхъ — воеводамъ,

(264) Улож. XXI, 57. Ср. Уст. Кн. ст. 23. Улож. XXI ст. 83. Ср. Судеб. Ив. IV ст. 53.

(265) Улож. XXI, 97 и 98.

(266) Ibid. ст. 6. Ср. съ ст. 60 Уст. Кн.

(267) Улож. XXI, 96.

или оставить губныхъ старостъ, изъ земской власти уже сдѣлавшихся чиновниками правительства. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было губныхъ старостъ, дѣла разбойныя, татинныя и убійственныя ввѣрены воеводамъ и приказнымъ людямъ ⁽²⁶⁸⁾.

Воеводы, приказные люди и губные старосты наблюдали, чтобы въ ихъ округахъ не было лишнихъ людей; по въ чемъ состояло это наблюдение, какія мѣры должны были предпринимать они съ этою цѣлью, и какимъ лицамъ непосредственно ввѣренъ былъ полицейскій надзоръ, въ Уложеніи, какъ и въ Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа, не говорится; эта часть, какъ и въ предыдущемъ періодѣ, опредѣлялась губными наказами. Вообще можно сказать, что каждый, пойманный татя или разбойника, обязанъ былъ отвести его къ губному старостѣ ⁽²⁶⁹⁾; и что губные старосты наблюдали за тѣмъ, чтобы не было игры въ зернь и карты (вѣроятно также и въ кости), потому что проигравшіеся обыкновенно занимались грабежемъ и разбоемъ ⁽²⁷⁰⁾. Такъ какъ дѣленіе на сотни и улицы еще сохранилось, то вѣроятно ближайшій полицейскій надзоръ въ нихъ принадлежалъ сотскимъ, десятскимъ и т. п. лицамъ, о которыхъ сказано въ предыдущей главѣ ⁽²⁷¹⁾.

2) Правиль для общей подсудности въ Уложеніи, какъ и въ Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа, нѣтъ; правила же объ отводѣ губныхъ старостъ и объ обязанностяхъ ихъ одинаковы въ обоихъ памятникахъ ⁽²⁷²⁾.

III. Поводы въ началію розыска остались тѣ же, какіе мы видѣли въ предыдущемъ періодѣ, т. е. 1) обвинительный обыскъ, 2) частная жалоба, 3) оговоръ и 4) приводъ лихаго человѣка къ губному начальству.

1) Правила о производствѣ обвинительнаго повального обыска остались тѣ же самыя, какія возложены нами въ предыдущей главѣ ⁽²⁷³⁾, также какъ 2) и правила для начала сыска по жалобѣ частнаго лица ⁽²⁷⁴⁾. Мировья между истцомъ и отвѣтчикомъ въ разбойныхъ, татинныхъ и убійственныхъ дѣлахъ безусловно запрещены ⁽²⁷⁵⁾.

⁽²⁶⁸⁾ Ibid. ст. 3.

⁽²⁶⁹⁾ Ibid. ст. 20—62.

⁽²⁷⁰⁾ Ib. ст. 15.

⁽²⁷¹⁾ Ib. ст. 62.

⁽²⁷²⁾ Ibid. ст. 7. Ср. съ 61 ст. Уст. Кп. Улож. XXI, ст. Ср. съ 42 ст. Уст. Книги.

⁽²⁷³⁾ Улож. X, 161.

⁽²⁷⁴⁾ Улож. XXI, 49. Ср. съ ст. 18 Уст. Кп. Ст. 17 Устав. Книги, въ силу которой дозволялось вести дѣло розыскомъ и въ томъ случаѣ, когда истецъ не могъ представить противъ отвѣтника, въ томъ, что онъ вѣдомый лпхой человѣкъ, никакихъ другихъ уликъ, кромѣ поля и присяги, отмѣнена слѣдующею 18 ст., и потому не вошла въ Уложеніе.

⁽²⁷⁵⁾ Улож. XXI, 31. Ср. съ ст. 41 Уст. вн.

Въ ходѣ сыскаго процесса истецъ играть ту же самую роль, что и прежде ⁽²⁷⁶⁾. Но постановленій, которыя встрѣтили мы въ губныхъ грамотахъ относительно вліянія его на порядокъ собиранія доказательствъ, въ Уложеніи не находится.

3) Относительно оговора (язычной молки или язычныхъ молокъ, по количеству оговорщиковъ) Уложеніемъ существенныхъ измѣненій не сдѣлано ⁽²⁷⁷⁾.

Въ Уложеніи находимъ различіе оговора знатныхъ лицъ отъ оговора пезнатныхъ, т. наз. причинныхъ людей ⁽²⁷⁸⁾, что въ Уст. Книгѣ Разб. Приказа было безразлично.

4) Мы уже сказали, что всякій обязанъ былъ отводить къ началству (къ губному старостѣ или воеводѣ) вѣдомаго лихаго чело-вѣка, подъ угрозою извѣстнаго наказанія; но приведенный, изъ мести, могъ оговорить въ лихомъ дѣлѣ самого приведшаго, поэтому Уложеніемъ принято постановленіе Уст. Кн. Разб. Пр., вслѣдствіе котораго такому оговору вѣрять запрещается, и прибавлено, что не должно вѣрять оговору не только взводимому на самихъ приведенныхъ, но и на ихъ людей и крестьянъ ⁽²⁷⁹⁾. Условій недѣйствительности оговора въ Уложеніи не опредѣлено ⁽²⁸⁰⁾.

IV. Система судебныхъ доказательствъ въ Уложеніи осталась прежняя, а именно: 1) повальный обыскъ, 2) язычная молка в язычныхъ молки, 3) поличное, 4) собственное признаніе, 5) очная ставка и 6) разспросъ.

1) Что касается повального обыска и 2) язычныхъ молокъ, то положенія о нихъ находимъ тѣ же самыя, какія видѣли въ предыдущемъ періодѣ ⁽²⁸¹⁾.

3) Относительно поличнаго явились нѣкоторыя новыя законоположенія: 1) розыскъ по поличному установлено производить въ томъ только случаѣ, когда о пропадшемъ или объ отнятомъ въ разбоѣ имуществѣ поданы были вѣстномъ письменныя явки въ приказы или въ городахъ воеводамъ и губнымъ старостамъ; при отсутствіи такихъ явокъ, дѣло производилось судомъ ⁽²⁸²⁾. Исключеніе сдѣлано для служилыхъ людей: если служилый человекъ, находясь на службѣ, покупалъ лошадь у служилаго же человека, и если потомъ кто нибудь признавался къ ней, а между тѣмъ продавецъ запрашался въ продажѣ, то на него повелѣно давать судъ, безъ суда же «въ такихъ лошадяхъ, которыя булены въ полкѣхъ никого не винить, потому что на службѣ такіе лошади служилые люди

⁽²⁷⁶⁾ Улож. XXI, 50. Ср. съ ст. 21 Уст. Кн.

⁽²⁷⁷⁾ Улож. XXI, 38. Ср. съ ст. 4 Уст. Кн. Улож. XXI, 40. Ср. съ ст. 5 Уст. Кн.

⁽²⁷⁸⁾ Улож. XXI, 39.

⁽²⁷⁹⁾ Ibid. ст. 8 ср. Съ ст. 36 Уст. Кн.

⁽²⁸⁰⁾ Уст. Кн. ст. 20.

⁽²⁸¹⁾ Улож. XXI, 42, 76 161, Ср. съ ст. 7 и 8 Уст. Кн. и съ боярск. пригов. 31 августа 1631 г.

⁽²⁸²⁾ Улож. XXI, 51 и 52.

покупаютъ безъ записки» (283). 2) Въ Уставной Книгѣ мы не находимъ постановленій, какъ поступать съ тѣми, которые насильно ополчили кого шибудь, въ Уложеніи же они, какъ и подметчики, т. е. тѣ, которые подкидывали чѣмъ-либо съ цѣлью ополчить, считаются лихими людьми, и на этомъ основаніи подвергаются извѣстнымъ наказаніямъ, рассмотрѣннымъ нами выше (284).

4) Собственное признаніе имѣло безусловную силу; но въ Уложеніе не перешло постановленіи Уставной Книги, по которому не давшіе собственнаго признанія не могли быть подвергасмы смертной казни (285). Собственное признаніе вынуждалось пыткой, и данное до пытки, какъ и прежде, не освобождало отъ нея (286). Пытка производилась только официальными лицами, поэтому тотъ, кто подвергалъ ей пойманнаго имъ преступника у себя на дому, долженъ былъ уплатить ему безчестье и увѣчье и, сверхъ того, лишался права вести дѣло розыскомъ. Преступники могли быть подвергнуты пыткѣ и въ праздничные и табельные дни на томъ основаніи, что «разбойники и тати и въ праздники православныхъ крестьянъ бьютъ и мучатъ и огнемъ жгутъ и до смерти побиваютъ» (287). Вѣрить татямъ и разбойникамъ, которые, для избѣжанія пытки, говорили за собою государево великое дѣло, запрещалось. Разспросъ объ этомъ повелѣно производить уже послѣ пытки ихъ въ разбоѣ и татѣбѣ (288). Всѣхъ этихъ постановленій въ Уставной Книгѣ нѣтъ.

Выше мы замѣтили, что въ Уложеніи нѣтъ общаго постановленія о томъ, чтобы преступники, не сознавшіеся въ преступленіи, не подвергались смертной казни; слѣдовательно для этого наказанія не требовалось собственнаго признанія въ совершеніи преступленія; однако же въ немъ находимъ какъ бы исключительный случай,

(283) Ibid. ст. 53. Далѣе, ср. Улож. XXI гл. ст. 50 съ 23 ст. Уст. кн.; Ул. XXI, 54 съ 22 ст. Уст. кн. Къ 54 ст. прибавлено: «а будетъ сыскать пѣкъмъ, и имъ въ томъ дать судъ, и съ суда Указъ учинить по тому же до чего доведется.» Улож. XXI, 57 ср. съ 23 ст. Уст. кн. Улож. XXI, 75 съ 304 стр. А. П. Ш, 167.

(284) Ул. XXI, 55 п 56.

(285) Уст. Кн. ст. 9.

(286) Улож. XXI, 58. Ср. съ ст. 24 Уст. Кн. Случай, въ которыхъ употреблялась пытка: Улож. XXI, 23. Ср. съ 45 ст. Уст. Кн. Улож. ст. 24. Ср. 46 ст. Уст. Кн. Ул. ст. 25; Уст. Кн. 47, 69, 71, 73 до словъ: а будетъ истецъ учеть бить челомъ... и боярск. пригов. 17 февраля 1625 года до словъ: которыхъ людей розбойники розбиваютъ.—О томъ, сколько разъ однѣ и тѣже лица могли быть подвергнуты пыткѣ ср. Ул. XXI гл. ст. 39 со словъ: «а пытати оговорныхъ людей... съ 5 ст. Уст. Кн. съ тѣхъ же самыхъ словъ. О пыткѣ для дворянъ и др. при обвиненіи ихъ въ лихоу дѣлѣ вмѣстѣ съ ихъ крестьянами ср. Ул. XXI, 47 съ 15 ст. О пыткѣ однихъ лицъ вмѣсто другихъ ср. Ул. XXI, 74 съ Уст. Кн. стр. 304 отъ словъ: которыхъ людей розбойники розбиваютъ... до словъ: а у кого подмается истецъ...

(287) Улож. XXI, 32.

(288) Ibid. ст. 103.

когда при отсутствіи такого условія они не могли быть подвергнуты смертной казни ⁽²⁸⁹⁾, что можно объяснить недостаткомъ редакціи.

5) Относительно очной ставки въ Уложеніи не находимъ ничего новаго ⁽²⁹⁰⁾.

6) Разбирательство, предварительное слѣдствіе, остался первымъ актомъ сыскаго процесса; отдѣльных постановленій о немъ, какъ судебномъ доказательствѣ, въ Уложеніи, какъ и въ разсмотрѣнныхъ памятникахъ, нѣтъ.

Порядокъ доказательствъ при обвиненіи на повальномъ обыскѣ сохраненъ прежній ⁽²⁹¹⁾, какъ и

при оговорѣ ⁽²⁹²⁾. Если три или четыре преступника съ пытокъ оговаривали знатныхъ людей (дворянъ или дѣтей боярскихъ), или торговыхъ людей, «которые прежде того въ приводѣ не бывали и ни въ какомъ воровствѣ не объявлялись», то оговоренные могли потребовать повального обыска, и будучи на немъ одобрены, освобождались на поруки, въ противномъ случаѣ подвергались пыткамъ ⁽²⁹³⁾. О степенн довѣрія въ оговорамъ преступниковъ, уже заключенныхъ въ тюрьму, нѣтъ новыхъ постановленій ⁽²⁹⁴⁾; какъ и

о порядкѣ доказательствъ при обвиненіи частными лицами ⁽²⁹⁵⁾.

Г) Окончательнымъ актомъ сыскаго процесса былъ приговоръ, которымъ подсудимый могъ быть оправданъ, тогда онъ освобождался отъ отвѣтственности (по крайней мѣрѣ личной), или обвиненъ, въ такомъ случаѣ слѣдовало его наказаніе.

Обыкновенно обвиняемый, будучи оправданъ, отдавался на поруки. Постановленія о поручительствѣ, одинаковыя съ постановленіями предыдущаго времени, разсѣяны въ разныхъ статьяхъ XXI гл. Уложенія.

Въ нашемъ сравненіи Уставной Книги Разбойнаго Приказа съ Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича мы ограничились только XXI главою послѣдняго, потому что только въ ней говорится о тѣхъ преступленіяхъ, для которыхъ была установлена подсудность губнымъ учрежденіямъ, и о розыскѣ по дѣламъ лихимъ. Государственное лихое дѣло, мало опредѣленное въ разсмотрѣнныхъ нами памятникахъ до Уложенія, въ немъ получило гораздо большую опредѣленность, чѣмъ другія лихія дѣла; смѣшанное въ памятникахъ предыдущаго времени съ послѣдними, въ Уложеніи оно обособляется

⁽²⁸⁹⁾ Ib. ст. 43. Ср. съ ст. 6 Уст. Кн.

⁽²⁹⁰⁾ Улож. XXI, 38. Ср. Уст. Кн. ст. 4. Ул. 48. Ср. Уст. Кн. ст. 16.

⁽²⁹¹⁾ Улож. XXI, 35 и 36. Ср. Уст. Кн. ст. 1 и 2.

⁽²⁹²⁾ Улож. XXI, 35. Ср. Уст. Кн. ст. 1; Улож. XXI, 38. Ср. Уст. Кн. ст. 4, Ул. Ib. 40, ср. Уст. Кн. 5. Ул. Ib. 42 ср. Уст. Кн. 7. Ул. Ibid. 43, ср. Уст. Кн. 11. Ул. Ib. 44. Уст. Кн. ст. 12.

⁽²⁹³⁾ Улож. XXI, 39.

⁽²⁹⁴⁾ Ib. 33. Ср. ст. 43 Уст. Кн.

⁽²⁹⁵⁾ Ул. XXI, 48, 49, 50, 54, 57. Ср. со ст. 16, 18, 21, 22 и 23 Уст. Кн.

и служить предметомъ особыхъ главъ. Кругъ лихихъ дѣлъ становится, сравнительно съ предыдущимъ періодомъ, гораздо обширнѣе; вѣдомство Разбойнаго приказа опредѣляется окончательно, такъ что и разсмотрѣніе всѣхъ лихихъ дѣлъ по отношенію къ нашему предмету дѣлается совершенно лишнимъ.

Въ Уложеніи, за исключеніемъ усиленія наказаній за лихія дѣла, не содержится, какъ мы видѣли, ничего новаго сравнительно съ Уставною Книгою Разбойнаго Приказа, а потому мы и разсматриваемъ его, въ тѣхъ частяхъ, гдѣ спеціально говорится о нашемъ предметѣ, какъ послѣднюю редакцію Книги. Но слѣдственный процессъ въ томъ видѣ, какъ опредѣляетъ его Уложеніе, оставался не долго; скоро явился въ новоуказныхъ статьяхъ о разбойныхъ, татныхъ и убійственныхъ дѣлахъ многія важныя и существенныя измѣненія; напр. допущенъ отводъ повального обыска, который поэтому совершенно потерялъ прежнее свое значеніе и окончательно сравнялся съ свидѣтельскими показаніями, и многія другія, такъ что на мѣсто началъ, высказанныхъ въ Уставной Книгѣ и Уложеніи, явился новыя. Показать, въ чемъ состояли перемѣны, произведенныя новоуказными статьями въ области слѣдственного процесса, указать на причины этихъ перемѣнъ,—весьма важно и интересно, но такъ какъ мы ограничили одну только Уставною Книгою Разбойнаго Приказа, поэтому новоуказныя статьи и не могутъ войти въ наше изслѣдованіе.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

На 8 стр. на 11 строкѣ вмѣсто	XII	дол. быть	XVI.
17 » » 26 » »	лхаю	»	лпхаго.
19 I »	ябедничество		ябедничество.

